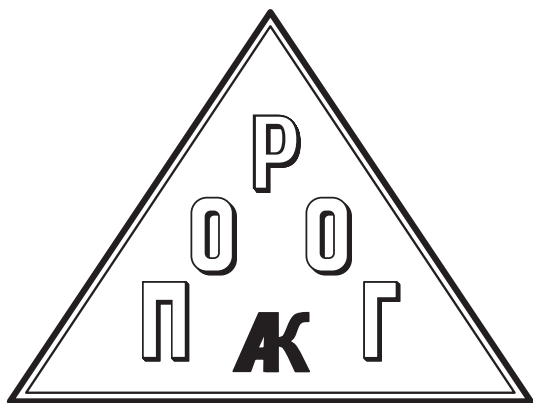


ПОРОГ-АК



ВЫПУСК
34
[2023]

АЛЬМАНАХ



ПОРОГ-АК

АЛЬМАНАХ ВЫПУСК 34

Нереал:

Дмитрий Данилов. Экстренный вызов	5
Джерри. Предназначение	89
Марк Вишневецкий. Девичьи страшилки	92
Андрей Мацко. Воскрешение	94
Марк Каллас. Обмануть время	101
Владимир Хабаров. Обида	105
Марьяна Олейник. Стажерка	109
Марк Вишневецкий. Колобгор – защитник отечества	112

Поэзия:

Ольга Илясова. Стихотворения:

Ладья Вечности	85
Город Нагов	86
Зов и ответ (Обряд)	87
Сергей Шоня. Baby youth nihil baby	88

Реал:

Маргарита Репаловская. Влюбленный Джокер	114
Алекс Левин-Арлев. Военная кафедра	117

**Учредитель-издатель-редактор
АЛЕКСЕЙ КОРЕПАНОВ**

«ПОРОГ-АК». Выпуск 34. Альманах зарегистрирован в Главном управлении юстиции в Кировоградской области. Свидетельство о государственной регистрации КГ № 480/58Р от 17.01.2008 года.

E-mail: alkor06081953@gmail.com

Телефон: (+38) 0993601689

Технічний редактор – О. Корепанов
Оформлення обкладинки – П. Грім
Підписано до друку __.__.2023. Формат 60x84/16

Дмитрий Данилов ЭКСТРЕННЫЙ ВЫЗОВ

Предисловие редактора к «Евангелию от Элементов в современном переводе, с исправлениями и дополнениями»

Представляемое читателю «Евангелие от Элементов» в двух частях является результатом многолетних исследований группы специалистов в области самой молодой и ныне одной из самых массовых мировых религий – религии Благоверов. В работе также участвовали специалисты по истории, истории технологий, общей теории поля, квантовой механике и специалисты по реликтовым информационным технологиям, которым следует выразить особую благодарность и признательность за то, что им удалось совершить невозможное и восстановить некоторые чрезвычайно ценные клочки информации с архаичных носителей почти двухсотлетней давности.

Результатом является этот текст, интенсивно отредактированный, чтобы максимально приблизить его к изначальному варианту и одновременно попытаться устранить наслоения и домыслы, уводящие повествования Евангелия слишком далеко от реальных исторических событий.

Мы просим снисхождения у ортодоксальной публики за местами значительные отхождения от текста классического «Евангелия от Элементов». Нашей целью являлось ни в коем случае не нанесение оскорбления чувствам верующих, но, напротив, восстановление истинного Писания, служащего предметом почитания столь многих. Что касается нашей интерпретации Евангелия и его понятий здесь и в ссылках по ходу текста, то оно – не более чем мнение специалистов и не претендует на истину в последней инстанции.

Для толкования некоторых восстановленных участков текста мы консультировались как с группой классических богословов, так и с представителями некоторых непризнанных, но весьма влиятельных течений, в том числе секты Эфемеров. Напоминаем, что секта Эфемеров считается еретической, однако их толкования отличаются оригинальностью и в современном толерантном мире заслуживают право увидеть свет.

Авторство оригинальных текстов приписывается либо самим Элементом, мыслимым как некие частицы Всевышнего, либо некоему более или менее историческому лицу, которое в одних источниках именуют «Клод», в иных – «Дордже Шугден», либо неизвестной группе лиц. Стилистический анализ текстов показывает, что приписывать авторство одному человеку было бы слишком самоуверенно, ибо стилистика, выражения и обороты, а также словарный запас довольно заметно варьируются между разными участками текста.

Дастин Зиберт * сел на кровати, жмурясь от яркого света, любуясь через огромные окна президентского люкса. В горле у него было сухо. Голова гудела, словно там поселился огромный майский жук. Дастин поправил свисшиеся в узел цепочки на шее и принялся яростно тереть пальцами голову, взъерошивая волосы, в надежде немного прийти в себя.

Это не помогло. Пожалуй, они слегка перестарались вчера после концерта.

[* Историческое лицо Эпохи Массовой Культуры. Молодежный исполнитель (*Здесь и далее – примечания редактора.*)]

Его движения потревожили спящую рядом девушку, чья точеная фигурка смуглой статуэткой выделялась на белой простыне. Девушка пискнула коротко и недовольно, не желая расставаться со сном.

Дастин, не поворачивая головы, нащупал ее теплое плечо и потряс:

– Эй, э-э-э... Дженна?.. Или как тебя? Притащи холодной кока-колы из бара...

Дженна, или как ее, в ответ только засопела с еще большим усердием.

Разочарованный и все сильнее мучимый жаждой, Дастин огляделся. Огромный люкс напоминал поле боя. Парни из его вчерашней компании лежали вповалку – на канапе, диванах, просто на полу, – кое-где почти или полностью раздетые, вперемежку с женскими, такими же полураздетыми и бессознательными телами.

«Тоже еще – товарищи на мою голову, – подумал Дастин. – Черт-те что!.. Молодежная поп-звезда первой мировой величины, а кока-колу – сам наливай».

Он запомнил, что ночью, когда они все ввалились в люкс, он с энтузиазмом провозгласил: «Кто пьет меньше меня – тот мне не друг!..»

Кто-то возле стойки храпел заливисто и упорно. Дастин потянулся за валявшимся у кровати ботинком, чтобы запустить в нарушителя относительной тишины. Он уже зацепил ботинок кончиками пальцев, но тут его взгляд натолкнулся на чьи-то черные лакированные туфли безупречного классического стиля. Дастин перевел взгляд выше и обнаружил, что туфли переходят в такие же безупречные черные брюки с идеальной складкой, затем в пиджак, рубашку и наконец – лицо. Лицо могло принадлежать актеру или модели – смуглое, уверенных мужских черт, со строгой, слегка восточной линией губ, прямым носом и блестящими живыми глазами. Черные волосы аккуратно уложены с зачесом назад. Опешив, Дастин машинально продолжал сканирование пространства, и рядом со смуглым «актером» обнаружился блондин, чуть выше ростом, и в пропорциях

и внушительности не уступавший первому – с тяжелым мужским подбородком, высоким лбом и соломенными волосами с пробором, выложенным, казалось, под линейку. Синие глаза его блестели, как арктический лед *.

[* Это описание Элементов Блага рассматривается классическими богословами как иносказательное, ибо Элементы, в общем случае, не могут быть описаны в такой простой форме.]

Дастин попытался вспомнить, как именно разговаривать. Получилось плохо.

– Ну что, по-вашему, коллега? Он *? – не поворачивая головы, поинтересовался у товарища блондин негромким мелодичным голосом.

[* Подразумевается Сын Блага.]

Черноволокный скривил губы в пренебрежительной усмешке:

– Да не поймешь. Вы же видите то же, что и я – у него все струны * в таком беспорядке перекручены после излишеств, что простым резонансом ** и первую стадию не проверишь.

[* Современная интерпретация этого термина Евангелия подразумевает под «струнами» определенную квантовую структуру, существующую благодаря явлению квантовой спутанности. В некотором контексте может перекликаться с феноменом сознания.]

** Термин многократно встречается в разных контекстах. В общем мыслится современными специалистами как некое воздействие на структуру объекта с целью либо получения отклика, либо разрушения его.]

– А... а вы кто такие, мужики? – выдавил наконец из себя Дастин, обретая дар речи и пытаясь перевести замешательство в какую-нибудь более конструктивную эмоцию.

– ...можно, конечно, просто сразу процедуру свертывания *, – продолжал брюнет, игнорируя не только вопрос Дастина, но и его в целом.

[* Вероятно, синоним «Пробуждения». Пробуждение мыслится классическими богословами как инициация сознания каждого человека Благом, в результате чего каждый человек лично и человечество в целом должны достичь совершенства и жить в полной гармонии в соответствии с волей Блага. Предполагается, что несколько попыток всеобщего Пробуждения имели место. Однако неподготовленная человеческая суть большинства людей не позволила процессу завершиться успешно. Это служит причиной нескольких Пришествий Сына.]

Блондин коротко качнул головой:

– Если не он, то этот квазиэлемент * растворится.

[* В современном разговорном языке – синоним любого «благоверного». Но специалисты считают, что в контексте Евангелия имеются в виду люди вообще. Древняя приставка «квази» с утерянным во время Темного Века смыслом здесь означает, по-видимому, уменьшенную, предварительную стадию чего-то. То есть люди – упрощенная версия, собственно, Элементов Всевышнего.]

– А когда будет он, то все равно *все* квазиэлементы растворятся, – парировал черноволосый с ноткой пренебрежения.

– Не растворятся, а свернутся *, – невозмутимо возразил блондин все тем же приятным ровным голосом. – А это – очень разные вещи. И в плане *его* опыта эта разница потенциально может оказаться критически существенной. Тем паче что узел очень крупный, много связей. И бесследно не пройдет. Вам это известно, коллега.

[* Разница не совсем понятна, но, вероятно, при одном из двух способов происходит безвозвратная потеря информации.]

– Вы – зануда, коллега, – поморщился брюнет. – Ладно, попробуем так.

– Чуваки, автографы в номере я не раздаю, на концерт приходите. А сейчас валите отсюда! Где охрана? Вообще, что за хрень?!. – Дастин перешел в режим возмущения, задетый, что его – суперзвезду – смеет игнорировать какая-то парочка нафталиновых мафиози.

– Здесь, здесь «охрана», – успокаивающе кивнул брюнет, ловким движением выдергивая корочку. – Вот – смотри, парень, мы из Агентства Нацбезопасности.

Дастин непонимающе уставился на убедительно выглядящее удостоверение. Кто-то зашевелился на канаве напротив. В воздухе послышался тонкий звон, как после соприкосновения двух дорогушких хрустальных бокалов.

– Объемный резонанс вызовет массу коллизий, – предупредил блондин.

– Он – замкнутый, – отмахнулся его товарищ. – Да, но они все – тоже...

Дастин не разобрал, что еще хотел возразить «Дольф Лундгрэн», ибо его голос утонул в нарастающем звоне. Тон ширился и усиливался. Дастин не мог не признать, что базовый плавный переход нот был достаточно мелодичен, но тональность становилась все более и более пронзительной. Звенела голова, звенели зубы, звенели даже кости внутри, как будто в них вгрызалась бормашина. Одна за другой лопались валяющиеся на полу бутылки, а также бокалы и стаканы на столиках и стойке бара. В глазах начинало двоиться, тройиться. Молодые люди по всему помещению сначала вскакивали со сна, но тут же снова опускались на пол.

– Достаточно, – обратился блондин, очевидно, к своему товарищу, и в этот раз его звучный голос каким-то образом перекрыл звон.
– Достаточно, это не он.

И разом, словно иссякший ливень, звук прекратился.

– У меня штаны мокрые! – воскликнул кто-то.

– Что это было?..

– На телефоне – экран вдребезги! Лопнул у меня в руке!..

– Бокал – это... ваще... прямо разлетелся!..

Возгласы сыпались со всех сторон.

– Леди и джентльмены, – обратился к не успевшей прийти в себя публике светловолосый, – сохраняйте спокойствие и оставайтесь на своих местах. Мы – агенты АНБ. Я – Вессон, а это – Хеклер *. Вы были свидетелями использования экспериментальной технологии для очистки пространства от агрессивных торсионных полей. Заботимся о безопасности общества, особенно выдающихся его членов. Хорошего дня.

[* Одни из псевдонимов Элементов. Классические богословы утверждают, что человеческое сознание неспособно познать или вместить их настоящие имена.]

Блондин повернулся и вышел спокойным размеренным шагом, очевидно, считая миссию завершенной. Брюнет задержался ненадолго, чтобы обвести потерявшую дар речи публику тяжелым взглядом и проговорить негромко, но убедительно:

– Технология – уникальная, и за пределами этого помещения никто ничего не заметил. Поэтому болтать нет смысла, вам все равно не поверят. Если что-нибудь появится в Твиттере – автор получит путевку в Гуантанамо *! Кстати, трава какая-то у кого-то рассыпалась по ковру – соберите, а то – некрасиво. Доброго дня!

[* Спорная отсылка к современному люксовому курорту. Возможно, в оригинале упоминался какой-то иной географический объект.]

Черноволосый закрыл за собой дверь и вдруг оказался рядом с блондином, уже почти дошедшим до противоположного конца коридора.

– Очень опрометчивое применение неоправданно мощных инструментов, коллега, – заметил тот, изучая по дороге картины, висящие через каждые несколько шагов.

– Вы, как всегда, занудствуете и преувеличиваете, мистер Вессон, – отозвался брюнет с ощутимой долей иронии.

Блондин разом остановился и, обернувшись к спутнику, проговорил в своей, очевидно, обычной, спокойной манере:

– Позвольте вам кое о чем напомнить...

* * *

* Волна была огромна. Если таковой эпитет вообще может быть применим к чему-то существующему в бесконечных размерностях. Растянувшись в беспредельности, она теперь вздымалась, все внушительнее и внушительнее, увеличивая плотность, монументальная и устрашающая.

[* Один из самых загадочных эпизодов в тексте Евангелия. И одновременно – вызывающий наибольшее благоговение верующих. Версия группы, не утвержденная Церковью Блага, гласит, что так Благо-Отец отделил от себя Элементов и поручил им найти Своего Сына, растворившегося в беспристрастной Грёзе (см. примечания далее). Касательно миссии Элементов в мире существуют разногласия. Многие богословы считают, что Элементы должны помогать Сыну на его Пути в нашем мире, чтобы обратить все человечество к Благоу и помочь людям достичь, таким образом, совершенства.]

«Где Ты?» – звучал вопрос. Каждый сгусток требовал ответа в немумолимой мощной вибрации.

Ответа не было.

Легкое движение крыла – вихри, что могли бы снести на своем пути полтора десятка среднего размера вселенных – поворошило участок, который казался менее плотным. Но тоннеля не обнаружилось.

«Где Ты?..» – уже мягче, но все так же требовательно шли колебания.

Вспышки света цепочками побежали в разные стороны. Ничего...

Вспышки прекратились, затем волна сгустилась, подобралась, закрывая за собой уже ненужные тоннели. Вместо вспышки возникла точка, затем сгусток света. Он рос, становился плотнее, и вот он прорвал оболочку волны плотным снопом, ударил в одну точку, затем во вторую. Образованные им дрожащие, сочащиеся светом вихри были *конечны*.

«Элементы!» – властен был зов.

«Да, Благо *!» – ответствовали оба сгустка в унисон.

[* Мы не можем не упомянуть здесь одно из еретических (секта Эфемеров) толкований Евангелия о том, что Всевышний – Благо – не является уникальной сущностью, но, скорее, принадлежит к некоему классу высших сущностей.]

«Верните Моего Сына *».

[* Согласно тому же еретическому толкованию, Сын – не ипостась Блага, а всего лишь иной представитель того же класса сущностей. И более того, возможно, не единственный Сын.]

«Да, Благо!»

«Догмы * влиты в вас».

[* По-видимому, аналог повелений, но обладающих некоторыми параметрами живого.]

«Да, Благо!»

«Обращайтесь с *Грёзой* * бережно».

[* Понятие Грёзы породило за прошедшие два века бесчисленное множество интерпретаций разной степени убедительности. Одна из самых спорных гипотез, поддерживаемая, в том числе, некоторыми членами исследовательской группы, заключается в том, что Грёза – это альтернативная форма бытия Блага, одновременно служащая субстанцией, на которой зиждется наша Вселенная.]

«Да, Благо!»

«Ступайте!» – Рокот сдул оба сгустка с места, словно и не было в них огромной, скрученной в жгуты энергии.

* * *

– Да уберите же вы ваши контактные сращения! – Брюнет сбросил руки Вессона со своих висков. – Я помню!..

– Вам несвойственно помнить такие вещи, Модуль *, – все так же спокойно возразил блондин. – Такова ваша заданная природа.

[* Современный перевод имен Элементов, здесь приведенный впервые, достаточно сильно отличается от классических вариантов. Исследовательская группа утверждает, что это – действительно *имена* с соответствующими значениями, в отличие от эвфемизмов, использовавшихся во всех прежних вариантах «Евангелия от Элементов».]

– Хорошо, Принцип. – Смуглый красавец заносчиво вздернул подбородок. – Хотите, я вам тоже кое-что напомним?

* * *

– Далеко еще, проводник? – спросил ехавший на белой кобыле рыцарь со смуглым, живым лицом. Лицо его выражало скуку, пальцы свободной от поводьев руки выбивали какой-то марш на правой ляжке.

– Уже сейчас за поворотом покажется озеро, господин. Дальше – дорога по его левой стороне, – крикнул в ответ проводник – чуть сутулый, но проворный небольшой человек с быстрым и острым взглядом. Черты его лица в значительной мере были скрыты капюшоном бурого плаща, выдавшего виды. Человек шел размашистым шагом, вглядываясь в лесную гущу, вплотную подступающую с обеих сторон к тропинке. Тропинка была узкой, и по ней приходилось двигаться гуськом.

Ехавший сразу за проводником высокий светловолосый рыцарь * был, казалось, погружен в собственные думы. Поводья он отпустил, и вороной его конь шел сам по себе, иногда поворачивая голову, чтобы скосить удивленный лиловый глаз на наездника.

[* Другая ипостась Элементов в средневековом контексте здесь подтверждает классическую гипотезу об их бессмертии и вечности, как и самого Блага.]

– А скажи-ка, любезный, какой он – этот принц Сорлем?

Проводник покачал головой, подумал, бросил на светловолосого быстрый осторожный взгляд:

– Непростой человек он. Говорят так, господин. Знает больше, чем любой звездочет или алхимик. Смелее, говорят, любого воина. Хитрее любого рыцаря или наместника. Владеет магией. Из его замка идут вещи – странные и ценные вещи. Лекарства особые. Механизмы хитрые. Оружие, которого ни у кого нет. Например, такое, что без стрел разит и издалека. Богатств у принца немерено. Прирастает он и землями, и золотом. Говорят, куча драгоценных камней у него в главном зале. И магические есть. И даже говорят, что он закрывается и с ними разговаривает. И что якобы они ему отвечают...

– Слева, граф! – вдруг заорал темноволосый рыцарь, и его конь взвился на дыбы.

Копье промелькнуло в воздухе и, казалось, неизбежно должно было поразить того, которого называли «графом», но он словно проснулся и с кошачьей ловкостью увернулся от удара, прижавшись к конской гриве. Мгновением позже треугольный щит был сдернут со спины и тут же принял в себя несколько куцых арбалетных болтов.

– Ну, теперь, налетят со всех сторон, – со злой иронией высказался черноволосый, очутившись со своим щитом вплотную к графу.

Тот, либо не услышав, либо решив, что товарищ следует за ним, предпочел устремиться в чашу, навстречу серым фигурам с блестящим оружием.

– Ладно, – пожал плечами черноволосый. – Тогда эти – мои. – И с разворота разрубил первого из нападавших со спины, с противоположной кромки леса...

* * *

– Во-первых, уберите *руки*, – потребовал Принцип. – И, кстати, называйте материальные объекты терминами, локальными для этой гипнокумены *. Меньше привлечете внимания – меньше искажений останется в свернутом отпечатке **. Во-вторых, я был занят, анализируя колебания струн нашего провожатого. В них было нечто странное.

[* В общем случае, может восприниматься как аналог термина Грёза. По-видимому, приложительно конкретно к производным отой в форме нашего мира.]

** Искажения часто упоминаются в тексте как нежелательный побочный эффект некоторых действий Элементов. Недостаточно известно, чтобы утверждать, какого рода именно это вред, и кто является его терпящей стороной – наш мир или Благо.]

– Замечательно, – сыронизировал Модуль. – И то, что вторая группа сзади атакует, вам по той же причине не было видно.

– Я объясню почему, – без малейшего намека на уступку ответил Принцип. – Разумная сущность, даже квазиэлементарная, не стала бы пускать болты из арбалета в сторону членов своей же группы. Поэтому расчет показывал, что фронт атаки будет один.

– И расчет *просчитался*, уважаемый коллега, – скривил рот Модуль. – Они не в таких строгих рамках мыслят. Они просто залегли.

– Все равно существовал риск.

– *Просчитанный* риск, – вставил шпильку Модуль, насмешливо скривив угол рта.

– Хорошо, коллега, – ответил Принцип с невозмутимым видом. – Однако нужно бы вспомнить и то, что последовало практически непосредственно за этим эпизодом.

* * *

– Ну-с, любезный, – сказал черноволосый рыцарь, поднимая за шкуру распластавшегося на земле проводника, – посмотрим-ка, что скажешь в свое оправдание.

– Благороднейший!.. Добрейший!.. – заговорил тот быстро, но без признаков замешательства. – Поздравляю с доблестной победой...

– Да, разумеется, поздравляешь, – с нехорошей улыбкой оборвал его собеседник и покрутил, будто для демонстрации, мечом в руке.

– Оставьте его, барон, – не оборачиваясь, обратился к товарищу граф, обтирая свое оружие об одежду одного из поверженных. – Судя по состоянию его струнной начинки, злого умысла в его действиях не было.

– Ну да... – скривил рот барон. – Я признаю, что восемь нападающих – несомненно, мелочь. И арбалеты, конечно, тоже не в счет.

– Именно, – невозмутимо подтвердил светловолосый, подходя ближе. – И на половине из них даже кольчуг нет. Самой крупной неприятности – парадокса смерти * – мы избежали. Давайте двигаться дальше.

[* Большинство исследователей сходятся в том, что Элементы мыслятся бессмертными. Соответственно, смерть для них была бы парадоксом. Дальнейшие же части текста, где упоминается парадокс, однако, вносят некоторую путаницу. Интерпретация секты Эфемеров заключается в том, что Элементы внедрены в Грёзу извне, и их смерть означает временный возврат к Благу и необходимость для них вновь «входить в Грёзу».]

Грунтовая дорога вдоль озера казалась пустынной. Холмы по левую руку были вышиты цветами. Временами дул ветерок, и тогда цветастые ковры шли нежной рябью. Зеркально ровная блестящая поверхность озера отдавала синевою. Вода в нем казалась огромным отполированным сапфиром. В воздухе стоял запах свежести – смесь цитрусовых с чем-то еще неуловимым. Аромат, казалось, шел от самой водной поверхности.

Проводник шел быстрым, широким шагом, изредка бросая короткие, острые взгляды через плечо на своих ведомых.

Ширина дороги здесь позволяла всадникам ехать бок о бок, и барон слегка наклонил голову к спутнику и заметил негромко, не спуская глаз с провожатого:

– Зря вы не позволили мне потрясти эту мутноватую сущность, Принцип. Мне кажется, можно было бы узнать что-то любопытное.

– Любопытство не входит в наш мандат, коллега, – невозмутимо отвечив тот, сидя на лошади ровно, как на кавалерийском параде. – Всё, что существенно для выполнения нашей миссии, мы о нем знаем.

– И как, собственно, вы можете быть в этом уверены? – возразил со своей обычной злой иронией барон. – Любопытство как раз помогает получать информацию там, где ее как будто нет или она кажется несущественной.

– Вы знаете, как, Модуль. Струнный анализ, – бросил на него взгляд граф.

– Знаю. А вы знаете, что поверхностный струнный анализ дает лишь оценочные результаты...

– А глубокий струнный анализ создает потенциал для искажений, – перебил его невозмутимым тоном граф.

– Ну я бы осторожно, – сделал невинное лицо его товарищ.

– Дальше я не пойду, благородные господа, – прервал вдруг их беседу проводник, останавливаясь и оборачиваясь. – Здесь начинается последний участок пути, по которому простым людям ходить не положено...

– Что так? – приподнял бровь барон, натягивая поводья.

Граф тоже остановил коня и испытующе поглядел на провожатого.

Проводник сверкнул быстрыми глазами и помотал головой:

– Здесь уже слишком близко к замку. Всякое может случиться.

Люди разные вещи говорят...

Барон хмыкнул и положил руку на рукоять меча. Граф бросил взгляд на барона и коротко мотнул головой.

– Как далеко осталось отсюда? – задал он вопрос проводнику.

– Около мили до последней развилки у конца озера, господин. За ней дорога налево пойдет к замку. Если вы твердо решили, то вам лучше попытаться добраться туда дотемна. А если вдруг передумаете на развилке, то дорога, поворачивающая направо, отведет вас к городу.

Увесистый мешочек многозначительно звякнул *, ловко пойманный проводником.

[* В эпоху цифровых денег сложно это себе представить, однако первые платежные инструменты были выполнены в форме небольших кусочков различных металлических сплавов.]

– Храни вас бог, благородные господа, – поклонился провожатый и быстро затрусил в обратном направлении. Через несколько шагов он бросил через плечо последний взгляд на них, и в сощуренных глазах его обоим почудилась насмешка.

Барон вопрошающе поглядел на спутника, но тот вместо ответа тронул коня.

Через несколько шагов копыта стали цокать, и вскоре из-под наносов дорожной пыли выступила мощенная ломаным камнем дорога.

Ветерок полностью стих, но по глади озера время от времени то здесь, то там пробегала рябь. Граф слегка сощурил глаза и бросил на спутника взгляд. Тот кивнул, подтверждая наблюдение. Не имея больше необходимости приравниваться к пешему шагу проводника, оба рыцаря ускорили темп, перейдя на среднюю рысь. Озеро продолжало раздаваться вширь и подступало все ближе к дороге. Глянув в воду, можно было увидеть, что берег здесь обрывом уходит в глубину, мерцавшую всеми оттенками синего.

Всадники резво обогнули холм, и в глаза им сразу бросился узкий деревянный мостик, уходивший так далеко в озеро, что невозможно было определить, где он кончается. Резные перила шли то с одной, то с другой стороны его, а почти у берега на нем сидела к ним спиной девушка, опустив ноги в воду. Длинные русые волосы ее были не собраны, а спустились свободно до поясницы, закрывая спину. Полные ягодички не были прикрыты одеждой и крутым изгибом переходили в изящную талию.

– Думаю, здесь любопытство будет уместно, дорогой коллега? – спросил черноволосый рыцарь, замедляя ход.

Его спутник слегка качнул головой, возможно, выражая сомнение, но возражать не стал. Девушка, конечно, давно услышала звяканье копыт о камни дороги, но только теперь обернулась, слегка приподняв плечико, и засмеялась негромко. Блестящие ровные зубы, пухлые губы, маленький носик, глаза – одного цвета с озерной водой.

Всадники подъехали почти вплотную к мостику, барон спешился и неторопливо направился к нему. Его взгляду открылась высокая грудь, плоский живот и ноги, которые чуть выше колена срастались и переходили в хвост с плавником, отчетливо видимым сквозь прозрачную воду. Девушка снова засмеялась – негромко, но очень мелодично.

Барон остановился и заметил подъехавшему графу:

– Импровизирует *.

[* Речь, несомненно, о Сыне.]

– Экспериментирует, – поправил его товарищ. – Основные установки задаются при инициации гипнойкумены.

– Отступает от базовых принципов?

– Нет, просто от принципов предыдущих итераций *. Базовые принципы этой, очевидным образом, все равно когерентны и просто позволяют такую форму. Если бы они не были когерентны, то гипнойкумена была бы нестабильна, и нам бы не было необходимости здесь находиться. Завитки струн необычные, так что анализ займет время.

[* Секта Эфемеров утверждает, что наш мир – всего лишь одна из версий Вселенной. И что события, описываемые в разных частях Евангелия, происходили не просто в разные эпохи, но и в разных версиях, иначе – в разных Грёзах. Тот факт, что Евангелие прямо упоминает наяд, которые встречаются только в мифах и сказаниях, секта считает подтверждением своей гипотезы. Большинство богословов называет это толкование опасной ересью.]

– Тогда не мешайте мне провести анализ по-своему. Обещаю обойтись без глубокого метода. – Барон скривил правую сторону рта в усмешке.

– Извольте, коллега, – спокойно кивнул граф и спрыгнул на землю. Порылся в седельной сумке, извлек несколько кусков нарезанной репы и предложил коню.

Барон тем временем присел на корточки рядом с девушкой и поинтересовался:

– Как вода сегодня, сударыня?

– Хочешь попробовать? – И она опять засмеялась коротко и мелодично. Даже слова ее звучали певуче, словно сыгранные на ксилофоне, но ответ был осмысленным.

– А что ты знаешь о принце Сорлеме, красавица? – с чарующей улыбкой спросил барон.

– Хороший принц. – Она рассмеялась снова. – Знающий...

Граф подавал кусочки овоща коню и внимательно следил за происходящим, вглядываясь в собеседницу барона.

Однако рябь, появившаяся с противоположной стороны мостика, немедленно привлекла его внимание. Он закрыл сумку и сделал несколько шагов, чтобы изучить странное явление. Граф подошел почти вплотную, когда вода натянулась, и из нее показалась голова... плечи... Вода стекала по ее телу медленно, будто гель или жидкое голубое стекло. Девушка оперлась руками о низкий мостик, высунувшись по пояс и демонстрируя объемную и подтянутую грудь. Вода струилась по ее черным прямым волосам.

Граф окинул ее изучающим взором. Она не смеялась, как первая девушка, а встретила его взгляд спокойно и поманила пальцем:

– Не стесняйся, господин. – Она сделала паузу, распахнув широко глаза-сапфиры.

Граф понял, что его изучают, возможно, не менее пристально, чем он изучает ее. Он подошел ближе, но продолжал стоять, возвышаясь над новой собеседницей.

– Не стесняйся, господин, – повторила девушка. – Я удовлетворю твое любопытство. Я не такая болтливая, как моя подруга, – она показала глазами на первую девушку, – но тебе ведь это и не нужно, не правда ли?

Граф отметил, что ее голос не менее певуч, чем у первой девушки, но ниже тембром, с бархатными нотками. Он присел, продолжая всматриваться в девушку. Та улыбнулась понимающе, оперлась подбородком на сложенные на обшивке мостика руки:

– Что ты хочешь знать, господин?

Внезапно граф выпрямился, словно получил какую-то важную новость. Не сводя глаз с девушки, он произнес быстро и четко:

– Барон! Эти завитки – фокусирующие «зеркала», они распознают квазиэлементарный объект и создают комплементарный комплекс к нему. Возможно, способны не только отражать, но и втягивать его струнную структуру. Барон?..

Он обернулся и увидел, что его товарищ заключен в цепкие объятия первой девушки, широко раскрытые рты их были сомкнуты друг на друге. Руки барона, обхватывающие ее за талию, разжались, глаза были закрыты, кожа начала принимать неестественно бледный для его смуглого лица оттенок.

– Барон! – крикнул граф, поворачиваясь, но почувствовал, что не может сдвинуться с места. Рука второй девушки словно тисками обхватила его щиколотку.

– Останься, господин. – Она потянула его к себе с неженской силой, таинственная улыбка не сходила с ее лица.

Глаза графа сверкнули, и ее пальцы вдруг сомкнулись на пустоте. Он уже стоял рядом с бароном и первой девушкой, уперев острие меча ей в горло. Та издала звук флейты, выпустила барона и, соскользнув в воду, мигом исчезла в глубине. Прощальный удар плавником поднял в воздух голубое облако водяных капель.

Тело барона грохнуло пластинами брони о доски, и он с шумом втянул воздух, заморгал непонимающе. Граф обернулся на вторую девушку, не выпуская оружия. Она улыбнулась, с виду ничуть не встревоженная, плавно оттолкнулась от мостика, раскинула руки грациозно, ложась на воду спиной. И, прежде чем погрузиться в сапфировые глубины, пропела:

– Я буду мечтать о тебе, господин...

Граф позволил себе мрачноватую улыбку.

– Любопытные штуковины, – пробормотал барон, приподнимаясь на локте. Он откашлялся и теперь следил за утихающей рябью на поверхности воды.

– Несомненно. И все же, как вас только посетила такая идея, коллега? – поинтересовался граф, аккуратно вставляя меч в ножны. – У нас нет структур, отвечающих за производство иллюзии удовлетворения. Инстинкт *вос*производства, свойственный «здешним» квазиэлементам, нам также чужд. Какая безумная логическая конструкция подвигла вас на столь близкий контакт с объектом изучения?

– Дело в том... кх-кхм... что формальная космическая логика не всегда применима в пределах гипнойкумены, – ответил барон, снова откашливаясь. – Способы получения информации могут быть разными...

– Несомненно. Если только вы не пытались симитировать в своей элементарной конфигурации те самые структуры *. Предположим, из любопытства. Любопытство не всегда полезно, коллега. Я, кажется, уже упоминал сегодня этот очевидный факт.

[* Предположительно, речь о том, что Элементы, изначально «находящиеся», в контексте своего естества, между людьми и Благом, не подвержены велениям инстинктов, но способны по своему желанию становиться более или менее похожими на нас.]

– Да, пожалуй, в этом контексте вы правы, Принцип. Но она казалась искренне заинтересованной. И поскольку как квазиэлементарная сущность она весьма необычна для этой его универсальной конструкции, я рассматривал контакт как исследовательский опыт. Эдакий «экспериментальный информационный контакт». Ну, а кроме того, как вы любите говорить, – самого опасного парадокса мы избежали.

– Да, – ответил граф, и у него между бровей обозначилась небольшая вертикальная складка, – но приблизились к этому парадоксу на некомфортно короткую дистанцию. Хотелось бы знать, что у него еще для нас припасено.

– Не хандрите, коллега, – произнес уже с обычной своей иронией барон, поднимаясь. – Я думаю, будет, по крайней мере, *любопытно*.

Закат промелькнул ослепительной красной вспышкой – настолько быстро свет дня свернулся в густые сумерки. Слабое свечение угадывалось в просветах между верхушками вековых сосен. Лес до краев был залит ночными звуками. Небо постепенно начали заполнять искры звезд – одна за другой, будто кто-то втыкал в темный шелк булавки со светящимися головками.

– Вы думаете, он знает? – задал вопрос барон после довольно продолжительного молчания.

– Вам известно, Модуль, так же хорошо, как и мне, – с едва уловимой ноткой досады отвечивал граф, – как работают фундаментальные законы любой гипнокуменной конструкции. Если бы он *знал*, то в то же мгновение произошло бы свертывание, согласно парадоксу осознания, и все было бы завершено.

– Да, но он может знать *в общем*. Вас не посещала подобная мысль? – Барон погладил по шее всхрапнувшую лошадь.

Звонким шлепком граф раздавил комара на щеке, затем ответил задумчиво:

– В основной теории нет ограничений, которые бы запрещали подобную настройку, но это потребовало бы очень нестандартных параметров во время предыдущих свертываний. Способен ли он? Случай, несомненно, у нас необычный, но все же, мне кажется, маловероятно.

Лошадь барона опять всхрапнула, но и конь графа в этот раз проявил беспокойство, шумно выдохнув и резко приподнявшись на задних копытах. Графу показалось в сумраке ночи, что на дороге промелькнули несколько низких теней. Словно призраки, они пересекли ее и растворились с другой стороны.

– Свет, – обратил внимание барон.

– Вижу, – негромко подтвердил граф.

В глубине леса, за поворотом дороги, скорее угадывалось, нежели проявлялось слабое свечение. Они успокоили лошадей и некоторое время двигались в полном молчании, прислушиваясь к ночным звукам. Свет – неровный, оранжевого оттенка – становился все яснее.

Внезапно он погас. Разом погасли звезды. Звуки леса заглохли. В то же мгновение проявился новый звук – свист ветра, задувшего

странными завихрениями. Казалось, он шел со всех сторон и даже сверху.

– Что за?.. – спросил барон недоверчивым, насмешливым тоном.

В этот же момент удар сбоку вышиб его из седла и бросил на землю. Сверху навалилась какая-то тяжесть, звякнул металл брони.

– Вы с ума сошли так сигать, граф?.. – начал было барон, но его прервали храп коня, резкий вздох и выдох его лошади. Всплеск удара, свист в воздухе.

Оба спутника вскочили, вглядываясь туда, где в темноте блеснули два огромных призрачных зеркала.

Звуки бьющейся в агонии лошади.

– Не вздумайте, Модуль! – предостерег граф, но барон уже бежал со всех ног к ней.

Звезды на секунду выглянули и вновь исчезли. Барон вскрикнул, увлекаемый неведомой силой к земле. Пластины брони звякнули.

Граф все же успел вовремя, и его меч с поющим звоном столкнулся с каким-то массивным, заостренным к концу предметом. Шипение и скрежет оглушили обоих.

– Начинайте двигаться уже! – крикнул граф, будто потерявший свое обычное спокойствие.

Он отразил еще один удар, увильнул от захвата огромным стронным крюком и, придвинувшись к противнику вплотную, перешел в атаку, пуская в ход всю силу могучих мышц. Барон оказался на ногах, и его меч тоже смутно блеснул в неясном свете вернувшихся звезд.

Два гигантских желтоватых зеркала исчезли и появились снова. От раздирающего воздух шипения, переходящего в скрежет, мутилось в голове. Звезды снова мигнули. Свист ветра, сопровождаемый тяжелыми ударами по воздуху, и все прекратилось.

– Только поглядите, что от лошади осталось. Мокрое место! – пришел в себя первым барон. Он говорил с паузами, шумно дыша.

– Надеюсь, коллега, в вас не завелись еще какие-то лишние имитируемые эмоции? – спросил граф, тоже пытаясь восстановить дыхание. – Пожалуй, на сегодня их уже было достаточно.

– Вы не правы насчет эмоций, – возразил барон. – Их имитация важна для избежания искажений в этой гипнойкумене.

– Несущественно, когда мы единственные присутствующие, – заметил граф.

– Дело привычки. – Можно было угадать в темноте, что барон пожал плечами. – Вам и самому так проще. Но, чтобы вас успокоить: по сути, мне просто жаль потерянное транспортное средство.

– Как скажете, коллега. – Граф отправил меч в ножны и огляделся в поисках своего коня.

– И что это все-таки было, хотелось бы знать, – поинтересовался барон, разглядывая в неверном свете разорванный металл своей грудной пластины.

– Сова, – с непонятной веселостью в голосе отвечивал граф. – Просто сова, коллега. Но только недопустимых размеров.

– Этот поганец-проводник недаром сбежал с полпути, – отметил барон, щупая себя рукой под разорванной металлической пластиной.

Он издал неожиданный стон. Рука его, извлеченная из-под брони, казалась в полутьме покрытой слоем черной смолы *.

[* Одно из многих встречающихся по тексту Евангелия подтверждений того, что вопреки обывательскому мнению, Элементы отнюдь не неуязвимы. И даже их *бессмертие* ныне мыслится некоторыми специалистами скорее как *неуничтожимость*.]

– Сядьте на землю и не шевелитесь, – приказал граф.

– Похоже, что... – начал было барон, но граф оборвал его:

– Помолчите, так проще считать.

На несколько мгновений воцарилась тишина, которую постепенно вновь стали заполнять звуки ночного леса. Затем в них вмешался голос графа, спокойный и рассудительный, как всегда:

– Часть струн в вашей основной каркасной структуре потеряли натяжение и ослабли. Восстановление маловероятно. По цепочке, соседние струны тоже разовьются, и наступит полная потеря вашей конфигурации. Иначе говоря, критический парадокс неизбежен.

– О Благо, – тихонько засмеялся барон. – Ну неужто вы не можете применить более простые термины? Скажите просто, что я умру.

– Смерть в локальном контексте воспринимается как окончательное прекращение, тогда как в нашем случае... – начал граф, но барон прервал его речь:

– Да замолчите вы, Принцип! Это не было приглашением прочитать лекцию... Благое естество! Могли бы вместо струнного анализа и просто под панцирь мне заглянуть.

– Это было бы менее эффективно, – граф был неумолим. – Но вы правы – обратимся к сути. По моей грубой оценке, у нас еще есть объем осциллярного ресурса *, в который можно упаковать заметное количество действий. Потом наступит парадокс.

[* Радикальная интерпретация гласит, что Благо существует вне времени, и что время – искусственная конструкция, используемая Сыном для нашей Вселенной. Соответственно, Элементы, понимающие время с этих позиций, воспринимают его исключительно как некий ресурс.]

– Сколько? Только без формул, Принцип, местными терминами. Так проще ориентироваться внутри гипнойкумены.

– Пожалуй... часа два при средней интенсивности.

* * *

Замок на расчищенном от леса широком поле высился черной громадой на фоне неба. Лесная речка питала широкий ров, заполненный черной водой. Мост через ров был поднят. Факелы, горевшие то тут, то там на стенах, отбрасывали неровные пугливые отблески, которые не разгоняли темноту, а, скорее, разбавляли ее мутным оранжевым. Из внутреннего двора замка поднимались приглушенные звуки – гомон разговоров, звяканье металла, лошадиное ржание.

Оба размышляли над проблемой. Барон опустил на траву у края рва, пощупал рану под панцирем.

– Можем пересечь ров, потом пустить в ход резонанс, ослабить часть стены у основания... – начал он.

– На это уйдет значительная часть оставшегося объема осциллярного ресурса, – задумчиво ответил граф. – Может быть, больше, чем у нас есть.

– Зависит от интенсивности резонанса, – покачал головой барон.

– Мы не можем превышать обычную интенсивность, ибо резонанс нужен грубый и незамкнутый, – начал методичное объяснение граф. – Риск искажений будет повышенным. Более того, разрушение может оказаться взрывообразным и, несомненно, привлечет внимание всех обитателей замка. Нам придется пробиваться с боем – шаг за шагом. А ваша струнная структура оставляет желать лучшего. Она разрушится до того, как мы достигнем цели. С другой стороны, не похоже, что у нас есть лучшие тактические решения. Возможно, стоит обойти периметр в поисках уязвимостей.

– Времени маловато, – ответил барон с хрипловатым смешком.

– Тогда давайте двигаться. Перейдем в водную среду. И применим ваше излюбленное координатное скольжение *. Держитесь рядом со мной, потратите меньше энергии на туннелизацию.

[* Из контекста здесь и далее современные исследователи делают вывод о некоем пространственном искажении, заменяющем движение, но не о телепортации.]

– Жаль, сквозь сплошные объекты она не работает, – заметил барон, следя за тем, как граф перебрасывает тело через край рва и медленно выпрямляет руки, чтобы оказаться поближе к воде.

Негромкий всплеск привлек внимание обоих. Участок воды натянулся, выпуская на поверхность изящный женский торс. Граф ловко подтянулся назад на руках и сел на краю рва, вглядываясь в неясные очертания.

– Ты все же решил искупаться, господин? – пропела фигура знакомым бархатным голосом.

– Вот ведь настырная штукавина. – В голосе барона звучали и смехок, и удивление.

– Что ты здесь делаешь, и каким образом тебе удалось здесь оказаться? – спросил граф негромко и серьезно.

Глаза ее блеснули знакомой синевой в свете звезд.

– Река здесь уходит под землю, потом вливается в озеро... на глубине, – ответила она с формальной интонацией, похожей на интонацию графа. – Под землей есть быстрины, там, где вода течет под сильным наклоном. Мои подруги там не проплывут. Но я – сильная...

– Благо! Она же вас отражает, коллега, – с легкой насмешкой прокомментировал барон. – Даже те микромодуляции-эмоции, на которые вы способны, или, вернее, то отсутствие «эмоций».

Граф не обратил внимания на его слова.

– Ты не ответила на первый вопрос, – потребовал он настойчиво.

– Какой вопрос, господин? – сказала она не менее уверенно и наклонила голову.

– Возможно, она не помнит его, – снова вмешался барон. – Они хорошо умеют отражать, но в остальном интеллект и осознаваемая память у них могут быть ограничены.

– Быть может, вы правы, коллега, – согласился граф. – Мощности их конфигурации могут быть смещены в сторону комплементации, в ущерб остальным параметрам. В любом случае времени на углубленный струнный анализ нет. Она нестандартна. Ответь, что ты здесь делаешь? – повторил он вопрос девушке.

– Не знаю, господин, – пропела она задумчивый ответ. – Почему бы мне здесь не быть?

– Она опять зеркалит, граф. – Барон придвинулся ближе, вглядываясь в темноту. – Возможно, их память завязана на состояние. Попробуйте добавить эмоций в свой вопрос. Сымитируйте же важность, ради всех уровней и мирозданий! Не целезависимую, а личную важность...

– Твой друг мучается и скоро умрет, – пропела она вдруг ровной печальной нотой.

– Он не мучается, – ответил граф. – Он тоже сильный.

– Да... Но я чувствую в нем боль. – Печаль в ее голосе стала явственнее.

– Это невозможно, – стоял на своем граф. – Тебе, боюсь, не понять. Не отвлекайся. – Он помолчал, видимо, обдумывая совет барона, затем продолжил мягко, почти ласково: – Скажи, красавица, что ты здесь делаешь?

– Ты во мне *остался*, господин. – В мелодии ее голоса слышалась невидимая в темноте улыбка радости. – И я знала, куда ты идешь. Я поплыла за тобой.

– Общение с такими, как ты людям опасно, ты понимаешь? – спросил ее граф, как будто обращаясь в ребенка.

– Я не стану тебя *забирать*, господин. – Сапфиры ее глаз были направлены прямо на графа. – Я тебе помогу... В замок есть вход – под водой. Глубоко. Плывите за мной, я покажу...

– Ха!.. – тихонько воскликнул барон. – Там-то ты нас и отправишь в парадокс, а?

– Ты обиделся на мою подругу, господин? – ответила она в тон, с иронией. – Она не виновата. Это наше *естество* – забирать, если есть что взять. Мои подруги – легкие духом. Они забирают, не думая. Но я – другая... Я могу решить *не* забирать, если есть ради чего.

На стене замка надо рвом раздался голоса, полетел сброшенный вниз факел.

– Думаю, учитывая моментное развитие рисков, это решение – локальный оптимум, – сказал граф уверенно и добавил мягче: – Показывай... красавица.

Она кивнула, пропела тихо и радостно:

– За мной... Только не касайся меня, господин, или я не смогу преодолеть себя и *поцелую тебя*... И ты умрешь...

Вход оказался действительно на глубине. Барон быстро слабел, воздуха ему не хватало. Дальше они поплыли по короткому тоннелю, и их провожатая круто пошла вверх. Граф угадывал направление только по завихрениям воды за ней.

Напрягая все силы, он втащил бесчувственного барона на каменные ступеньки спиральной лестницы. Наклонился над ним, потряс, надавил на грудь осторожно. Не сразу, но тот вздрогнул, кашлянул, схватил ртом воздух. Глаза его блеснули в призрачном, многократно отраженном свете факела, закрепленного где-то на верхнем конце лестницы.

– Вы можете двигаться, коллега? – спросил его граф.

– Справлюсь, – скривил рот барон в усмешке и, сделав глубокий вдох, поднялся, пытаясь опереться о скользкую каменную стену.

Граф обернулся. Она лежала в воде, сложив руки на нижней ступеньке и опираясь на них подбородком. Он буквально натолкнулся на ее взгляд. Она опередила его.

– Да, я сейчас уплыву, – пропела она. Улыбка ее была теперь прежней – спокойной и знающей. – Я поплыву, господин. Я почему-то знаю, что мы больше не встретимся. И что меня тоже больше не будет. Я это вижу в тебе и в твоём друге. Вы тоже пришли, чтобы

зabрать – только по-другому. Жаль. Я буду скучать по тебе, господин. Сколько бы ни осталось...

Вода сомкнулась над ее головой без единого всплеска. Барон приподнял брови смешливо. Граф дернул головой, будто избавляясь от чего-то, попавшего в лицо.

* * *

Лестница упиралась в вертикальную решетку. За ней угадывался прикрытый чем-то проем. Голоса и шум, доносившиеся оттуда, казалось, были совсем рядом.

– Вы готовы? – спросил граф почти шепотом.

– Да, – кивнул барон, выпрямившись и стараясь бесшумно вытащить меч из ножен. – Давайте сразу. Судя по моим ощущениям, времени у меня почти не осталось. Лишь бы это был он...

Мощный удар меча не разрубил кованую цепь, но вычурный, в форме сердца навесной замок с другой стороны решетки не выдержал, разлетевшись на части. Граф оттолкнул тяжелую занавесь, оказавшуюся gobеленом, и вместе с бароном «представил» себя публике.

Зала была залита светом десятков свечей. Молодой человек, невысокий, крепкий, с резкими чертами, не портившими, впрочем, его довольно привлекательного лица, держал в руке блестящий кубок, видимо, произнося тост.

Длинный стол, покрытый красной бархатной скатертью, был уставлен блюдами, уже наполовину опустошенными. Десятка два человек, одетых в дорогие тканые одежды, внимательно смотрели на произносящего во главе стола речь. Слуги за их спинами были наготове – с оловянными и серебряными кувшинами, чтобы подливать вино. Стражи в кольчугах или легких панцирях стояли у стен со скупающим видом.

Театральный вход графа и барона произвел предсказуемое впечатление на присутствующих, и вся зала разом пришла в движение. Стража отделилась от стен и понеслась в атаку. Пирующие повскакали с мест, переворачивая блюда и опрокидывая кубки. Из ножен со злым шипением полезли мечи. Глава торжества, однако, не сдвинулся с места. Он отхлебнул из кубка и наблюдал за происходящим, будто в театре. Недобрая улыбка играла на его лице, словно неизбежная резня его забавляла.

Граф не ждал развития событий, а проворно двинулся навстречу противникам. Двумя взмахами меча позднее два первых стражника, столь резво устремившихся было к нему, оказались на полу, зажимая рассеченные глотки. Барон тем временем вспрыгнул на стол и,

уворачиваясь от выпадов, снес верхушку черепа одному участнику праздника и голову целиком – второму.

Граф менял направление, неожиданно бросаясь то в одну, то в другую сторону. Движения его были непредсказуемы, уровни, на которых он наносил выпады – нестандартными, и объекты его атаки обычно не успевали даже осознать, что они находятся под ударом, когда лезвие уже касалось их – то незащищенных частей тела, то скользнув змеей между пластинами брони. Несмотря на кажущуюся случайность его движений, граф целенаправленно прорубал себе путь к главе праздника.

Молодой человек же уловил эту закономерность, поставил кубок на скатерть и в темпе, но без паники, двинулся прочь от центра схватки – к задней стене зала, туда, где на возвышении громоздилась странная скульптура, имитирующая, вероятно, фонтан, но только роль воды в нем выполняли драгоценные камни и украшения из благородных металлов.

В два прыжка барон оказался рядом с ним, перепрыгнув со стола и через головы противников на впечатляющее расстояние. Граф последовал за ним – на стол и далее, оказавшись спиной к спине с бароном.

– Перемирие! – крикнул граф, поднимая свободную руку и выставляя меч перед собой.

– Да уж, пожалуйста, – добавил барон, помахивая мечом перед лицом преследуемого молодого человека.

Нападавшие опешили.

– Дайте нам шанс поговорить с принцем, и больше никому мы не причиним вреда, – продолжил граф.

Зала застыла без движения, и все взгляды были устремлены на принца Сорлема.

Тот, не теряя присутствия духа, едва заметно двинул подбородком, выражая согласие.

– Нам нужно, чтобы вы *вспомнили*, принц... – сказал барон и закашлялся. Он сплюнул кровь в сторону и продолжил: – Вас ждут. За пределами этого замка и за пределами этого мира. Вы заигрались, Дитя, и ваш Отец вас ждет. Проснитесь *...

[* Классическое толкование гласит, что Элементы призывают Сына вернуться в Высшие Сферы к Благу, а слова «заигрались» и «проснитесь» употреблены в переносном смысле или же вовсе неверно переведены. Секта Эфемеров же утверждает, что речь идет буквально о Пробуждении. Не в классическом понимании пробуждения сознания благоверных, а в трансформации сознания Сына.]

– Самые остроумные незваные гости, которые у меня когда-либо были, – перебил его принц. Голос его оказался густым и несоответствующим его скромному росту.

– Позвольте мне только поцеловать вам руку, принц, и вы всё вспомните, – попросил барон, опускаясь на одно колено. Непонятно, то ли в церемонном жесте, то ли от слабости и потери крови.

– Остроумно, но все же ядреная чушь, – не обратил внимания на просьбу принц.

– Подумайте, принц, – не сдавался барон. – Вы же знаете свои способности. Вы не стареете, не болеете, вы видите людей насквозь – так? Вы способны предвидеть будущее. Вы способны измыслить неожиданные технические решения сложных задач, создать гениальные конструкции. Откуда все это взялось, по-вашему?

Высокие двери залы распахнулись, и внутрь хлынул поток людей в броне и с оружием, но принц величественным жестом руки заставил их замереть и умолкнуть. Задние напирали, в дверях возникла давка.

– Пусть не до такой степени, но все же – таков уж мой дар, – ответил он без намека на скромность в голосе. – Я умею говорить с окружающими вещами на их языке. Птицы, деревья, камни, – он покосился на вершущку бутафорского, сверкающего камнями и золотом фонтана, где горел красным огромный рубин, – все они слышат меня и отвечают. И я, зная их природу, могу построить все что угодно, увидеть все что угодно...

– Не сработает. Пора, Модуль. – Граф бросал взгляды на них через плечо, не опуская меча.

Казалось, что барон начал движение одновременно, приподнимаясь с колен и выбрасывая руку, чтобы схватить принца.

Но тот был быстрее змеи. Отодвигаясь, он выдернул кинжал из-за пояса и пронзил барону предплечье.

Граф будто предвидел это, и в ту же секунду его меч проткнул горло принцу, выйдя с другой стороны.

– Что вы делаете, Принцип?! – с неподдельным ужасом спросил барон, даже не заметив своей раны.

– Это не он! – крикнул граф, подхватывая барона под руку.

– Не он?..

Зала пришла в движение с лязгом и воплями.

– Это камень! Оставайтесь живым еще несколько мгновений, Модуль!..

Барон упал на одно колено у подножия фонтана и встретил первого нападающего ударом в ноги. Бросив меч, граф уже карабкался по груде драгоценностей и украшений. Вот он достиг верхнего уровня, и его ладонь накрыла сверкающий рубин. Оружие вдруг выско-

бодилось из рук сражающихся и взмыло в воздух. Камень заструился нестерпимо ярким красным сиянием. Вверх взлетели тяжелые блюда и кубки. Люди замерли, неспособные пошевелиться, словно пойманные разом в невидимую паутину. Лицо барона тронула саркастическая усмешка. Вся картина вдруг начала втягиваться, спутываясь в клубок, набирающий плотность и глубину. Мгновение ока, и нестерпимо яркая сфера подобрала края и взорвалась светом, поглотившим всё *...

[* И так осуществилась первая из явно описанных в Евангелии попыток Пробуждения. Как известно, классическая трактовка предполагает, что Сын вознесся в сиянии, чтобы воссоединиться с Богом. Секта Эфемеров утверждает, что здесь описана не попытка, а что Пробуждение произошло, но в иной Грёзе.]

* * *

– Да прекратите же вы! – одернул его руки Хеклер. – Можно и словами напомнить.

– Так быстрее и детальнее, и вам это известно, Модуль. – Вессон повернулся и зашагал дальше по коридору.

– Да, эпизод был специфический, я согласен, – заговорил снова Хеклер уже в лифте. – Как вы тогда догадались, что это не он? Струнный анализ?

– При сложившихся тогда несколько напряженных обстоятельствах у меня не было ресурсов для одновременного проведения струнного.

– Тогда как?

– Благодаря вам отчасти, коллега.

* Хеклер поднял брови, изображая картинное удивление. Вессон слегка качнул головой:

[* Отсюда и до конца раздела – эксклюзивная часть текста, восстановленная членами группы – специалистами в области реликтовых информационных технологий с древних носителей. Текст этот не признан богословами-классиками, но является подлинным, по признанию членов группы и независимых рецензоров.]

– Вы построили предположение о том, что он мог знать. Знать – значит, иметь возможность подготовиться. Поначалу я подумал, что это было бы сложновато, учитывая размер и опыт его блаженной сущности к тому моменту. Потом, однако, был ряд совпадений – атака в лесу, наяды и сова. Поверх этого легли поверья квазиэлементов, что место «особое» и «в нем всякое случается». Тогда я уже допустил, что «принц» (предполагаемый он) действительно подсознательно построил эти барьеры, ибо это уже был не первый раз, когда нам пришлось выполнять работу по его «возврату».

– Да уж, – усмехнулся Хеклер. – Мы провели там тогда два года, если принимать эту внутреннюю концепцию времени. Немало потерянных возможностей *БЫТИЯ*. И все же – камень?

– Да, – продолжил Вессон мягко, – поведение принца вызвало определенные подозрения, но под давлением обстоятельств я сразу не проанализировал отклонения как следует, в чем я, несомненно, повинен. Я ожидал скорейшего окончания и положился на вас, чтобы вы инициировали процесс. Всё же его слова и моментное смещение фокуса его на верхушку фонтана, выполненную из редкой материи, в той гипнойкумене дали мне больше информации. И когда принц сделал выпад, я уже не сомневался. Дело в том, что я продолжал размышлять, пока вы пытались его уговорить. Я экстраполировал ваше предположение и, с учетом характера основных вихревых потоков Сына и, опять же, размера и опыта его бытия – все же относительно скромного, догадался уже в самый последний момент, что в своем стремлении усложнить нам задачу он сделал большую ставку на защиту. Он решил *спрятаться* *, коллега. Мы с вами всегда принимаем форму доминантной группы квазиэлементов **, логично предполагая, что он будет в такой же форме. Он просчитал это и принял форму неожиданную. Он несколько ограничил свое взаимодействие с миром. Но решение, в принципе, и на его уровне – гениальное. Условная ценность его формы в гипнойкумене была настолько высока, что он всегда находился во взаимодействии с квазиэлементами, которые им «обладали». И принц не совсем фантазировал, когда говорил об общении с камнями. Он мог общаться с *ЭТИМ* камнем. *Он*-камень считывал информацию с принца, давая что-то взамен, в подарок – полезное изобретение, например. Камень же все время оставался относительно незаметным наблюдателем. Если бы вы умерли тогда, Хеклер, то парадокс смерти вытолкнул бы нас за пределы гипнойкумены, и нам пришлось бы начинать все сначала. Многое могло бы измениться к моменту второго входа. Возможно, нам пришлось бы приложить еще больше усилий, чтобы догадаться и его найти. Примечательно, однако, то, что мы тогда его *спасли*.

[* Таков наиболее точный современный перевод термина, употребленного в изначальном тексте. Однако эксперты не достигли консенсуса касательно столь спорного его контекстного употребления.]

** Совпадает с классическим взглядом о том, что Элементы способны принимать форму вещей и животных вдобавок к способности принимать форму человеческую.]

– То есть? – Брови Хеклера взлетели.

– Мне так кажется. Я думаю, что он не планировал так долго оставаться ограниченным в своем общении – на деле, общением с одним и тем же квазиэлементом. Но он так старательно замаскировал свою суть – от себя, прежде всего, что просто не *помнил*, как повлиять, и даже, что он может повлиять на ситуацию.

– Конечно, любой *грезящий* так делает, Вессон, иначе Грёза не сможет развиваться.

– Любой грезящий выставляет Постулаты *, – заметил Вессон спокойно. – Он же – намеренно их исключил как часть самомаскировки.

[* По-видимому, речь идет о некоторых элементарных сущностях, отделяемых Благом или Сыном от себя или из себя, но не обладающих достаточным уровнем сознания, чтобы достичь порядка Элементов. По контексту здесь и в других частях Евангелия, Постулаты способны выполнять некие сравнительно простые задачи узкого толка. Секта Эфемеров увязывает данный контекст с понятием Пробуждения, хотя природа этой связи в их учениях не уточняется.]

– Вы правы, – шумно выдохнул Хеклер и покачал головой. – Вот ведь засранец * все-таки!.. Грезил бы как положено. Дал бы Постулатам сделать свою работу. Всё бы сворачивалось вовремя, и нам бы не пришлось погружаться в это всё – опять и опять!

[* Несмотря на кажущееся богохульство, исследовательская группа считает, что обсценная лексика здесь была употреблена в приложении к (предположительно) историческому лицу – принцу Сорлему, а далее шел кусок текста, позднее утерянный.]

– Вы знаете, почему он это делает, – так же спокойно возразил Вессон.

– Да, конечно, знаю. Харам! И почему бы ему не слушать Благо? Его бытие было бы уже куда шире.

Вессон качнул головой в знак не то сомнения, не то – несогласия:

– Мне кажется, что ему нравится эта конструкция. И, возможно, он верит в увеличение размера своего бытия – на ней, как на единой основе.

– Именно это и составляет харам, во имя Блага! – рассмеялся Хеклер.

– Несомненно. Но он, очевидным образом, так не считает. Возможно, он хочет довести ее до некоторого логического завершения или совершенства по некоторым конечным критериям. Или бесконечным, что было бы хуже для нас, но может иметь большой смысл для него. Или же он просто ее повторяет и повторяет, пока она не изживет себя для него, потеряет значимость *.

[* Эфемеры считают этот в высшей степени сложный для толкования пассаж дополнительным подтверждением своей интер-

претации понятия «итераций» и идеи множественности Грёзы. По их мнению, наша Вселенная лишь *воспроизводит* некую конструкцию, созданную, возможно, уже много раз в сознании Сына. Далее выдвигается весьма натянутая гипотеза о том, что Благо-Отец не поддерживает таковое воспроизведение, и лишь милостью Сына наш мир продолжает существовать. Классические богословы отрицают эту гипотезу в корне, ибо она противоречит догме единства Отца и Сына.]

– А до тех пор... – начал Хеклер.

– До тех пор нам нужно будет делать свою работу, – завершил Вессон и первым вышел из лифта.

* * *

* Бессчетные крылья Блага охватили его, заключив в себя его бытие полностью – одна бесконечность, содержащая другую. Всплески плотности между ними несли информацию.

[* Этот участок текста был восстановлен специалистами по реликтовым информационным технологиям и не появлялся в известных нам прежде версиях Евангелия. Классические богословы отказались предоставить какую-либо трактовку и объявили текст «опасным вымыслом». Только секта Эфемеров согласилась дать комментарии. По их мнению, текст поясняет некоторые ранние части Евангелия и дает основания предполагать конфликт между Благом и Сыном (в согласии с идеей о неуникальности Божественной сущности), и, соответственно, объясняет необходимость для Блага призвать Элементов для того, чтобы найти Его. Найти не столько для оказания поддержки Сыну в Его миссии, сколько для установления воли Блага в отношении Него.]

«Ты должен мне сказать», – требовало касание. Но маленький собрался, уплотняя вихри, и его кокон засветился сильнее. Он знал, что не может сопротивляться долго воле Блага, но что-то в нем все же заставляло его не сознаваться.

«Мне так нужно. Я так *познаю*». – Несмелые хаотичные импульсы, и кокон снова сомкнулся.

«Ты должен *расти!*» – Всплеск ударил в кокон. Мембрана содрогнулась, но устояла.

«Объемное Бытие – не значит лучшее Бытие. Отпусти меня, Отец!» – Ответный импульс, легкий, но сфокусированный, пронзил внешние вихри крыльев Блага.

Всполохи света прошли по вихревым сгусткам. Скорость вращения их возросла многократно, и сдержанная вспышка ударила в кокон, заставив его рассыпаться, обнажая сознание маленького.

«Довольно! Ты не знаешь, что лучше. Я запрещаю тебе повторять этот мир. Запрещаю!..»

Вспышки следовали одна за другой, ошеломляя и заставляя Сына собираться во все более и более замкнутый комок.

Наконец контакт ослаб. Тяжелое облако света оторвалось и теперь отдалялось, вспарывая пустоту многомерными тоннелями яростно, широкими взмахами.

«Посмотрим». – Импульс не вышел за пределы вновь образованного кокона маленького, но в нем было не меньше фокуса, чем раньше.

* * *

– Так где, собственно, принц? А, друг Абдулла? – Хеклер со скучающим видом навалился локтем на стеклянную стойку.

Абдулла уставился на вопрошающего пустыми рачьими глазами и ответил в тон:

– Его королевское высочество только что отбыл по делам.

– Слушай-ка, «раб господень» *, – переименовал имя собеседника Хеклер, добавляя к скуке иронию, – мы созванивались с его секретарем вчера, и встреча была назначена на сегодня. Мы представители Госдепартамента, личности наши вам подтвердили через электронную систему напрямую из Вашингтона. Будь добр, набери, пожалуйста, еще раз приемную и скажи, что пора бы нас принять.

[* Значение имени «Абдулла» – слуга, раб Аллаха на одном из наречий Эпохи Массовой Культуры.]

Абдулла повел носом, неторопливо поправил куфию *:

[* Мужской головной платок.]

– Мистер Хеклер, я могу позвонить в приемную, но они лишь подтвердят мои слова. Шейх Халид, да благословит его Господь, отбыл по делам. Вы можете попробовать зайти еще раз – ближе к вечеру. Он иногда возвращается в офис.

– Когда это «ближе к вечеру»? – скептически поднял брови Хеклер.

– Ну, где-то между Магрибом и Ишой *, – ответил Абдулла флегматично и в этот раз уже не смог сдержать зевков.

[* Обозначение времени шести-семи часов вечера, обычно непонятное представителям других культур, не принадлежащих к Империи Зеленого Пояса той эпохи.]

– Замечательно, – шлепнул рукой по стеклянной поверхности Хеклер. Рот его уже скривился в саркастичной ухмылке. – Даже не знаю, что бы мы делали без твоей помощи, Абдулла.

– Коллега, – обратился к Хеклеру Вессон своим обычным ровным тоном, но отправляя убедительный взгляд, – вы правы, Абдулла очень нам помог. И мы, несомненно, не преминем *упомянуть* это обстоятельство при разговоре с принцем.

Он перевел взгляд на сидевшего за стойкой, и Абдулла немного проснулся:

– Благодарю, мистер Вессон.

– Не стоит. Жаль, мы не успели увидеть, как принц Халид покидает здание. Машины в его собственности, несомненно, впечатляющие.

– О, это да, – оживился Абдулла. – Это предмет гордости его королевского высочества.

– Он сегодня был на БМВ Х6 М?

– Нет, что вы, – махнул рукой Абдулла, – на нем он ездит редко. Сегодня он был на «Роллсе» – «Свептейл», который в золото отделан. А вечером, – глаза его раскрылись от восторга, – если вернется с виллы, может, будет на «Вейроне». Он подешевле «Роллса», но зато – просто монстр...

Абдулла вдруг осекся, смутно почувствовав, что где-то проговорился.

– Благодарю вас, Абдулла, – не обратил внимания Вессон. – Мы вернемся вечером.

– Мило, коллега, – негромко отвесил «комплимент» Хеклер, когда они отошли от стойки. – А если бы он не ляпнул про виллу?

– Вилла сама по себе нам ничего не дает, – холодно ответил Вессон. – Вилл у принца – дюжины, а вот марка машины может оказаться полезной...

– И?..

– И мы сейчас присядем в лаунже, откроем планшет и заглянем на сайт королевского управления транспортом.

– Взломаем сайт, вы имеете в виду, – смешно скривил рот Хеклер.

– Не так громко, коллега, но, в общем, да. Сначала этот сайт, чтобы найти машины, записанные на принца или эту его компанию. Затем – и сайт дорожной полиции, чтобы получить записи с камер с автоматическим распознаванием номеров. И посмотрим, где засветился «Роллс». Будем надеяться, что этого хватит...

– Есть причина радоваться, что в этой итерации мы в «веке», где есть «электронные системы», – усмехнулся Хеклер.

Вессон опустил в кожаное кресло и подал знак официанту, затем ответил:

– Это, конечно, не прямой многопрогрессивный анализ, доступный в высшей реальности, но соглашусь – многие результаты требуют куда меньших усилий. Достаточно энергозатратно – вламываться с боем в чью-то сокровищницу и потом носить с собой материю драгоценных металлов. Достаточно подкорректировать несколько электронных записей в банках, и в нашем распоряжении

оказывается достаточно ресурсов. А «пластик» меньше «весит», чем «золото».

* * *

Было жарко и влажно. Кондиционер не помогал. Блузка липла к телу. Ветер со стороны залива поднимается только ближе к вечеру. Лиза сидела у позолоченного зеркала с тонкой резной рамой. Отражение свое ей обычно нравилось, но сегодня она его не замечала. Прошло две недели с того момента, как самолет приземлился в этой такой чужой стране. Чувство одиночества все это время только нарастало.

А ведь поначалу все развивалось так многообещающе. Красивые фото, выложенные в инстаграме. Лайки, число которых все увеличивалось. Парни, увивавшиеся за ней и в он-, и в оффлайне. Потом звонок от агента, заметившего ее и неопределенно представившегося как «координатор по набору моделей для частного бьюти-скрининга у одного арабского мецената». Обещание известности и заработка. Она пропустила мимо ушей намеки на «исламские традиции» и «классическое понимание гендерных ролей». Агент сразу выплатил довольно солидный аванс, помог с паспортом и визой и купил все билеты для поездки. Лизе показалось, что она вытянула счастливый лотерейный билет. Вот она – уникальная возможность пробиться к славе, стать знаменитой и богатой моделью на уровне, а может, и выше звезд эстрады и реалити-шоу. А главное – избавиться от назойливого контроля со стороны матери, жить самой, своей жизнью наконец в свои двадцать лет. Самой принимать решения, не спрашивая никаких разрешений и не завися от денежной помощи.

В аэропорту ее встретил шофер на блестящем лаком черном «мерседесе». Затем был изумительный особняк за высоким забором, огромный сад, утопающий в цветах, который поверг ее в восторг при первом же взгляде, приветливые садовники.

Внутри же все вдруг начало меняться. Ее встретила крючконосая, замотанная в черное с головы до пят немолодая женщина, которая довольно неприветливым, даже повелительным жестом показала ей следовать за ней. Затем – весьма скромная комната на первом этаже. Что-то вроде трехзвездочного отеля. Все необходимое тут имелось, но на сказку уже не походило. Шофер поставил ее сумку. Женщина потребовала ее паспорт на плохо различимом арабском английском и, получив его в руки, тут же исчезла вместе с ним за дверью.

Потом появился Сильван – француз, жгучий брюнет и не менее жгучий гей, судя по голосу и манерам. Он живо и с улыбкой, хоть и

без особого усердия, объяснил ей распорядок и правила. Говорил он, нещадно смягчая г и л, но, в общем, довольно бегло.

– Смотри, дорогуша, в здании шесть этажей, считая пентхаус на шестом. На каждом следующем этаже комнат меньше, чем на предыдущем. На первом – вся низшая обслуга и кандидаты первого уровня. На втором – Амина, которая тебя сюда привела – она что-то вроде старшей экономки, и кандидаты второго уровня. На третьем – шеф-итальянец (готовит отлично), я – координатор отбора, – он кокетливо наклонил голову, – потом массажист, контрольный центр охраны и кандидаты третьего уровня. На четвертом – шеф охраны Бакр, неприятный тип, лучше его не раздражать и... ну ты уже поняла, – кандидаты четвертого уровня. Пятый этаж – уже для, собственно, моделей, прошедших отбор, чего я тебе, милая, искренне желаю. Там всего три комнаты. Но зато каких! – И Сильван закатил глаза.

– А как именно проходит отбор? – спросила Лиза, запинаясь и краснея от своего рязанского английского. – Я тут приготовила стихи, песню одну свою и могу, в принципе, дефилировать, знаю разные танцы...

Сильван одарил ее взглядом, полным искреннего удивления, смешанного с умилением, которым смотрят на ребенка, неосознанно сморозившего несусветную глупость.

– Отбор, дорогуша, проходит сам собой, – ответил он, помотав головой. – Красота и другие традиционные женские качества – главные критерии. Танцы могут пригодиться уже на последнем этапе отбора, который принц проводит очно. Обед в два. Отдыхай. Если что, мой внутренний телефон – сто двадцать шесть. Мобильные, как ты, должны быть, уже заметила, здесь не работают. Право на связь с внешним миром приходит на пятом уровне.

Особняк оказался полон «кандидатов». Однако, в соответствии с некоторыми негласными, а может, и гласными правилами, кандидаты разных уровней практически не поддерживали общения друг с другом. Даже если вчера две девушки были подругами, находясь на одном уровне, стоило одной из них подняться на следующую ступеньку, и между ними словно вырастала невидимая стена. Второй уровень мало общался с первым. Третий – мало со вторым и почти не поддерживал контакт с первым. Четвертый игнорировал само существование кандидатов первого и второго и снисходительно контактировал с третьим. На пятом уровне сейчас находилась только одна девушка – испанка по имени Алисия – с большими глазами и тонкими чертами лица. Она носила небольшую диадему в черных как смоль волосах. Судя по блеску, украшение было с настоящими бриллиантами. Ела Алисия в отдельном зале с особым меню, куда

допускался, впрочем, четвертый уровень. Общалась она только когда этого хотела сама – величественным жестом подзывая кого-нибудь из четвертого уровня, на что те реагировали быстро и с радостным возгласом.

На первом уровне не оказалось ни одной другой девушки, которая бы говорила по-русски. С некоторым трудом Лизе удалось наладить общение с другой «первоуровневой» кандидаткой – венгеркой Эстер. Эстер обладала пышными формами и прагматичным складом ума. Она «просветила» Лизу, когда обе оказались в соседних шезлонгах у большого бассейна в саду.

– Ты еще не поняла? – слегка удивилась Эстер в ответ на вопрос о том, *как* же и *кто* все-таки проводит процесс отбора. – Тут везде – камеры, детка. Принц может и в онлайн посмотреть в любой момент, и запись, если захочет.

– Даже в номере? – распахнула изумрудные глаза Лиза.

Эстер расхохоталась.

– «Даже в номере», – передразнила она – впрочем, совсем не обидно. – Не только в самой комнате, но и в душе точно и, может, даже и в туалете. Не говоря уже о том, что столовая и весь сад утыкан ими.

Увидев шок на лице Лизы, она продолжила:

– Да ты не переживай так. Ты же сама все понимаешь. Несколько дней неудобств, и если повезет – тебя отберут на следующий уровень. А там – и комната больше, и оплата в день выше. Ты просто живешь, а деньги тебе капают и капают. А если доберешься до самого верха и будешь мила и сообразительна, то самый минимум, с чем ты отсюда уедешь – это особнячок в швейцарских Альпах или просторная квартира в Лондоне. И это – кроме денег.

Лиза почувствовала на себе чей-то взгляд и подняла глаза. У бортика бассейна стоял коренастый упитанный субъект в черном костюме и белой рубашке. Глаза его были скрыты за зеркальными линзами очков, но Лиза почувствовала, что ее изучают. На лице субъекта обозначилась довольно сальная усмешка.

– Кто это, Эстер? – спросила она инстинктивно.

– Это – единственная серьезная неприятность, – ответила та, бросив взгляд на субъекта. – Бакр – начальник охраны. Доверенное лицо принца, и ему тут позволено все, кроме того, чтобы нас лапать. Любит наводить порядок и наказывать непослушных кандидатов. Говорят, одну девушку он якобы убил за непокорность. Может, и врут. Но доступ к видео он точно имеет, и смотрит видео с камер больше самого принца. Ну, ты поняла, в общем. Пусть пялится, не связывайся... – И Эстер протянула руку к своему стакану с безалкогольным коктейлем. Спиртное здесь не подавали.

Лиза попыталась забыть о разговоре и последовать совету Эстер. Но в номере теперь было еще неуютней. И девушка старалась переодеться в углу за кадкой с пальмой. А моясь в душе – сжималась в комок.

А еще через два дня ее «повысили» до кандидата второго уровня. Комната на втором этаже была заметно просторнее, с лучшей мебелью. В шкафу обнаружили несколько книг на английском. И Лиза пыталась их читать. Ей нужно было чем-нибудь занять мозг. Это немного помогало. Отвлекал и массаж у Бо Вея – китайского мастера и маникюр у кислотицей Фарах. Но совсем забыться не удавалось. По ночам, когда она не могла заснуть, перед глазами вдруг всплывало лицо матери. Строгое и молчаливое.

Сильван зашел к ней на минуту поздравить с повышением и упомянул, что дневная ставка ее тоже выросла в два раза.

– Сильван, – она подвинулась на самый краешек стула с бархатной обивкой, – а что, если кандидат передумает быть кандидатом и захочет уехать?

Он метнул на нее пытливый взгляд, потом вдруг рассмеялся своим странным голосом и сказал:

– Глупости, дорогуша, никто не передумывает. От такого шанса никто в своем уме не отказывается.

После этой неудачной попытки Лиза стала просыпаться рано утром, пока в номере было еще довольно темно, надеясь одеться «без свидетелей». Никакого решения она принять не могла. Ибо решительности не хватало.

Бакр стал часто попадаться на ее пути – то в коридоре, то у бассейна. Он, не стеснясь, пялился на нее. А если их взгляды пересекались – иногда презрительно покачивал головой.

Странное дело, но, несмотря на это, еще через несколько дней она оказалась на третьем уровне.

Некоторые кандидаты тем временем были отсеяны и отправлены с деньгами домой. Лиза провожала их с завистью. Среди отбывших оказалась и Эстер. Все другие кандидаты третьего уровня были латинских или румынских корней и держались соответствующими группками. Лиза почувствовала себя совсем одинокой.

Новая комната была уже умеренно роскошной. Предлагаемое ей меню теперь включало лакомства вроде лобстеров и лягушачьих лапок. Большой телевизор стримил «Нетфликс» и кучу других каналов на выбор. Дневная зарплата была теперь в три раза выше первоуровневой. Но Лизу все это почему-то не радовало.

Затем вновь появился Сильван. В этот раз – в сопровождении медика, который взял у нее несколько пробирок крови.

– Просто для контроля, чтобы убедиться, что кандидаты хорошо себя чувствуют, – прокомментировал Сильван так, будто речь шла о сущем пустяке.

Лизу это почему заставило нервничать еще больше, и она решилась – позвала на следующий день Сильвана и сказала, что хочет уехать.

Тот сначала пытался с обычными шуточками ее переубедить, но она настаивала.

– Ты хорошо подумала? – вздохнул Сильван.

Она кивнула. Сильван вышел и вернулся уже с Бакром.

– Ньет, – проковеркал тот многозначительно, почесал волосатую грудь и затараторил на задыхающемся арабском.

– Ты не можешь так просто уехать, – переводил Сильван. – Ты нам должна за билеты и проживание...

– А деньги, которые я заработала? – раскрылись глаза у Лизы.

– Они не выдаются, если кандидат уходит сам. Это прописано в одном из пунктов контракта, который ты подписала у агента...

Бакр добавил еще что-то, быстро и с оживленной жестикующей, и вышел, хлопнув дверью так, что вздрогнула не только Лиза, но и Сильван.

– Что? – переспросила она едва слышно.

– Он говорит... – Сильван отвел взгляд и принялся в высшей степени сосредоточенно рассматривать что-то за окном. – Он говорит, чтобы ты перестала кутаться все время в свои тряпки, когда ты в комнате. Если не хочешь, чтобы тебе предъявили взыскание.

– Сильван?... – сказала она со страхом.

Но тот вдруг повернулся к ней как-то разом – нервно и выпалил:

– Дорогуша, не будь дурой. Дойди до самого верха, сделай принцу приятное – так, чтобы он тебя запомнил. И потом проси у него, чего хочешь. Хочешь денег? Он не прижимист. Хочешь известности? Он может проспонсировать твою раскрутку как артистки, художницы – да кого захочешь! Только не создавай проблем себе и мне. И главное, не вздумай сама пытаться выйти за пределы виллы. Муттава * тебя поймают и забьют камнями. Это не шутка.

[* Религиозная (исламская) полиция нравов Эпохи Массовой Культуры.]

Через два дня неожиданно появился сам принц. Прибытие его возвестили сигналы клаксона. Лиза выглянула в окно и сквозь деревья сада увидела, как на территорию въезжают несколько машин, среди них белая – кажется, «мерседес» – и черные джипы охраны.

Одновременно началась суэта в коридоре и по всем этажам. Сильван носился, стучал во все двери, заглядывал и, тараторя на

резко ухудшившемся английском, просил всех быстро «приготовиться как следует, дорогуши».

Всех девушек выстроили в задней части сада, как школьников на утренней линейке. Каждый уровень стоял в своем ряду. Алисия стояла впереди в гордом одиночестве, в блестящем стразами вечернем наряде. Лиза невольно зажмурилась. Сама она оделась в самое длинное и закрытое платье, которое только смогла найти в весьма обширном гардеробе, предоставленном в ее распоряжение в стенном шкафу комнаты.

Наконец появился принц, сопровождаемый по одну руку – Бакром, по другую – лебезящим Сильваном. Шейху Халиду было на вид лет под пятьдесят, он обладал тройным подбородком, короткими конечностями, объемным животом и «дышал» деньгами, самоуверенностью и чувством собственной значимости. Заплывшие жиром глаза его быстро перебежали с кандидатки на кандидатку. Иногда он улыбался – как-то слащаво, отчего начинал напоминать жирного кота.

Мимо большинства кандидаток он проходил быстро, достаивая их лишь взглядом вскользь. Но зато перед некоторыми останавливался и что-то говорил по-арабски Сильвану. Было заметно, что он движется целенаправленно от одного объекта повышенного интереса к другому.

«Значит, точно права была Эстер», – подумалось Лизе.

Она опустила глаза, глядя прямо в узорную голубую плитку под ногами, и попыталась стать незаметной, надеясь, что мимо такой серой мыши принц пройдет, не останавливаясь.

На нее легла тень. Разговор по-арабски велся прямо перед ней. Она еще надеялась.

– Лиз, дорогуша, ну поздоровайся же с принцем, не позорь меня! – раздался нервный голос Сильвана.

Лиза окаменела, и, казалось, не могла бы пошевелиться, даже если бы очень захотела.

Бакр рывкнул что-то по-арабски, затем силой поднял ее подбородок. Она невольно встретилась глазами с принцем. Тот стоял, сцепив руки на животе, и улыбался своей «котовьей» улыбкой. Затем покивал с отеческим видом. Что-то сказал спутникам и, проходя мимо Алисии, будто даже не заметил ее, направляясь ко входу в дом. Сильван, семенивший рядом с принцем, обернулся на мгновение и радостно подмигнул Лизе. Сердце у нее екнуло.

Опасения Лизы подтвердились позже, тем же вечером. После отъезда принца Сильван заглянул в ее комнату и сообщил радостную новость:

– Он тебя выбрал. Представляешь? Ты на четвертом уровне, до-рогуша! – Сильван всплеснул ладонями. – Кто бы мог подумать? Он сказал, что ему очень нравится твоя скромность! Оказывается, ты выбрала правильную тактику с самого начала. Ты даже меня перехитрила! – И он рассмеялся радостно, почти по-детски. – И более того, принц тебя сразу утвердил на очное *экзаменование* уже в пятницу. Ты не представляешь, как тебе повезло!..

Лиза молчала. Она не могла разделить радости Сильвана, но совершенно не знала, что ей делать. И потому просто слушала молча, пока Сильван рассказывал о том, как он сделает все от него зависящее, чтобы она была «сногшибательна» в этот грядущий столь важный для нее вечер.

И вот это вечер был уже на пороге. Лиза смотрела в зеркало на собственное отражение в пустой, слишком большой и слишком роскошной комнате. Зрачки ее зеленых глаз были расширены, отчетливо лицо казалось еще привлекательнее. Рыжие волосы – уложены в толстую косу. Черное строгое закрытое платье, полное элегантного изящества, с мягкими сложными узорами, ассиметрично вышитыми с одной стороны от груди и к талии. Ненавязчивое на вид колье, блеск которого выдавал натуральные камни.

В дверь вдруг постучали, и она вздрогнула. Это не мог быть Сильван. Тот барабанил негромко, но часто. Этот стук был уверенным, коротким.

Она открыла дверь и не смогла сдержать удивления.

– Привет, подруга, – поздоровалась Алисия, глядя ей прямо в глаза. И улыбнулась. – Ты не против поболтать пять минут? – По-английски она говорила с сильным испанским акцентом, но весьма бегло.

Лиза не могла найти слов и просто кивнула и отступила в сторону, впуская гостью. Та вошла уверенно, не стесняясь. Дошла до выхода на балкон, обернулась:

– Ты знаешь, это ведь был мой номер раньше. До того, как я поднялась уровнем выше. Неплохой номер, очень недурной. Правда?

Лиза вновь кивнула, гадая о смысле визита.

– Да не стесняйся ты так, – снова улыбнулась гостья самой доброжелательной улыбкой. – Ведь мы – подруги, не так ли?

Лиза еще раз кивнула машинально, тем временем всматриваясь в лицо гостьи, непроницаемое за улыбкой, достойной дипломата. Густые черные брови. Полные чувственные губы. Глаза, умело подведенные так, что они казались вдвое больше их истинного размера.

Алисия подошла к Лизе, взяла ее за руку и подвела к бархатной кушетке. Усадила почти силой, села сама на другой край, повернувшись к собеседнице. Помолчала, поправляя светло-зеленую блузку

с откровенным вырезом, поставила крошечную лаковую сумочку – в тон блузке – на низкий стеклянный столик.

– Хороший номер, – повторила она. – Но, конечно, ни в какое сравнение не идет с теми тремя, что этажом выше. Ты и сама скоро увидишь. Мы обе это знаем...

Алисия всматривалась в ее лицо, ища какой-нибудь реакции, и Лиза подняла глаза, встретив ее взгляд.

– Быть с принцем в хороших отношениях – это большая удача, которая может изменить всю твою жизнь к лучшему, превратить ее в сказку. – Алисия не сводила с нее внимательного взгляда.

Хоть невольно, но ресницы Лизы дрогнули, и гостья улыбнулась – теперь сочувственно:

– Но это ведь не то, чего ты хочешь, подруга, не так ли? – Она протянула руку, беря пальцы Лизы в свои. – Не волнуйся, я никому не скажу о нашем разговоре. Наоборот, я хочу помочь.

Надежда блеснула в глазах Лизы, выдавая ее с головой. И Алисия кивнула:

– Я тебя понимаю. Эта работа не для каждой девушки. И ты из тех, для кого принципы значат больше амбиций, я это сразу поняла. И вот... – Она протянула руку к сумочке и извлекла из нее Лизин паспорт и тонкую пачку купюр – риалы и доллары. – Благодаря своему статусу я кое-что могу в этом доме, – пояснила Алисия небрежно. – Денег тут немного, но точно хватит, чтобы ты смогла добраться домой.

– Почему ты это делаешь? – спросила Лиза прерывисто, когда обрела дар речи.

Алисия глядела прямо на нее, не моргая. Понимающая улыбка не сходила с ее ухоженного лица.

– Просто хочу тебе помочь, подруга. Не могу видеть, как ты себя здесь неуютно чувствуешь. И знаю, что ты не сможешь переступить через себя сегодня вечером. Бери и не благодари. Теперь слушай – принц раньше девяти никогда не появляется. В восемь пройдешь через сад прямо к главному въезду. Охрана на выходе тебя задерживать не станет. Надень длинную закрытую одежду, замотай голову темным платком. За воротами, чуть в стороне, тебя будет ждать такси. Езжай прямо в аэропорт, там ты будешь уже в безопасности.

– Спасибо, – поблагодарила Лиза, непонимающе глядя на паспорт и деньги, вложенные ей в руки.

– Не за что. Удачи, – сказала Алисия, уже стоя на пороге. В глазах ее блеснуло какое-то выражение, которое Лиза не успела разглядеть.

Дверь тихонько щелкнула, закрываясь, и оставляя Лизу на новом уровне растерянности.

* * *

«Тесла» то просто шелестела, то переходила на реактивный по-свист, когда Хеклер вжимал педаль в пол.

– Вы, по-моему, слегка увлекаетесь коллега, – не поворачивая головы, отметил Вессон.

– Я просто тестирую эту штуковину, на случай, если придется на ней удирать, – возразил Хеклер, пожимая плечами. – К тому же вы сами упомянули, что с тактической точки зрения, возможно, было бы предпочтительнее прибыть на место назначения быстрее принца.

– Будем надеяться, что принц – это он, и все скоро закончится, – невозмутимо ответил Вессон, хватаясь за ручку над дверцей во время очередного зигзага машины.

– Гарантии нет, коллега, несмотря на то, что это – еще один крупный узел *, подходящий, по крайней мере, по пяти из семи критериев.

[* Трактовка, предложенная исследовательской группой – узел, как центр связей между людьми, отношений, контактов. Исходя из этого и прочих упоминаний, некоторые исследователи делают осторожное предположение, что Элементы пользуются оценкой величины связей как индикатором, указывающим, что лицо, их интересующее, и есть Сын. Данная гипотеза согласуется с трактовкой секты Эфемеров о возможных противоречиях во взаимодействии Блага и Сына, но не с классическим учением.]

Хеклер заложил крутой вираж, следуя изгибу скоростной авто-страды. Позолоченный «мерседес» с радужной подсветкой под днищем возмущенно засигналил, когда «Тесла» подрезала ему нос и тут же перестроилась снова, обходя огромный «Ленд Ровер», сверкающий в оживающих огнях вечернего мегаполиса. Впереди выступил силуэт небоскреба «Центр Королевства», напоминающий формой огромную картофелечистку. Перемычка рогатки небоскреба уже налилась зеленоватым светом.

«Тесла» нырнула в нужное ответвление автострады и понеслась по широкой авеню, обсаженной пальмами с одной стороны и торговыми моллами – с другой. Трафик замедлился, но Хеклер не слишком снизил скорость, юрко ныряя между нерешительными машинами и неторопливыми автобусами.

Голубой всплеск за задним стеклом сопровождал рывканье сирены. Зеленая с белым полицейская «Тойота» будто приклеилась к заднему бамперу.

– Думаю, это как раз тот момент, когда нам пригодились бы документы Королевской службы безопасности, которые вы не дали мне воспроизвести, коллега, ибо очень торопились, – заметил Вессон, не повышая тона.

– Обойдемся и без этих документов, Принцип. Есть вещи поважнее. – Хеклер замедлил ход и прижал автомобиль к обочине.

– Вы имеете в виду ваши «ощущения»?

– Скорее – «озарения», коллега, – поправил Хеклер, подняв палец. – И, заметьте, еще ни разу не было, чтобы они меня подвели.

– Если применять ваш алгоритм подсчета, – без тени иронии добавил Вессон.

– Добрый вечер, офицер, – сказал Хеклер, протягивая документы через окно.

– Добрый вечер, – хмуро отвечал коренастый упитанный полисмен на различимом английском. Он покопался в документах, посветил фонариком в лица, спросил тем же тоном: – Американцы *?

[* Одна из «наций» прежних эпох, когда таковое разделение на нации имело важное значение. Жители современной Западной Территории могут считать себя потомками американцев. Однако большинство богословов сходятся в том, что это ни в коей мере не должно толковаться как предпочтение Блага или Сына в их пользу, ибо Евангелие содержит множество пассажей, где прямо или косвенно Элементам приписывается принадлежность к той или иной из наций, разным в разных частях текста.]

– Да, сэр, – кивнул Хеклер. – С официальным визитом к одному из наследных принцев – принцу Халиду.

– Это хорошо, – прокомментировал полицейский тоном, ничего хорошего, впрочем, не предвещавшим. – Только вы ехать опасно. Очень опасно. Я должен вам задерживать. Машину тоже.

– Масаа аль-хейр, – взял слово Вессон и продолжил на безупречном недждийском диалекте: – Простите нашу торопливость, но мы едем на встречу с принцем. Вы видите наши документы – мы с официальным визитом. Я думаю, вы могли бы нас отпустить с предупреждением. Я позабочусь, чтобы мой коллега впредь вел машину осторожно.

Хеклер скривил рот и бросил на спутника скептический взгляд.

Полицейский замер на несколько секунд, видимо, удивленный арабским Вессона. Он снова посмотрел в документы, посветил фонарем, затем провел ладонью по подбородку и приказал на арабском:

– Выходите. Поедем в участок, проверим ваши личности, потом поедете куда вам нужно, если все окажется в порядке. Но только на такси. Машина отправится на штрафстоянку. Скажите спасибо, что я вас судье не передаю за такое вождение. Вы не у себя на американском хайвее.

В боковое зеркало Хеклер заметил второго офицера, шедшего со скучающим видом к их машине и что-то говорящего в рацию.

– У нас действительно не так много времени, – негромко сказал Вессон своему спутнику. – Резонанс тут инициировать точно нельзя – на открытом месте в центре города. Но просто уничтожить этот квазиэлемент и быстро уехать мы можем. Искажения будут видны в качестве всплеска в краткосрочной перспективе, но минимальны даже в среднесрочной. Дальше – сменим машину и доберемся до места.

– Послушайте, офицер, – обратился по-английски Хеклер к первому полицейскому, кладя руку на локоть Вессону, чтобы помешать тому вытащить что-то из-под пиджака. – Простите моего друга. Он учил арабский в университете, но манерам его там не научили. Позвольте мне объяснить. Шейх Халид назначил нам встречу на этот вечер, и он будет *очень разочарован*, если мы на ней не появимся в назначенное время по причине... ну, вы понимаете. – И он многозначительно смерил полицейского глазами. – Вессон, переведите уж. И вставьте пару извинений от себя.

Полицейский упер взгляд в Хеклера и насупился. Тот продолжил:

– Вот еще один документ, который мы забыли вам показать. Думаю, он прояснит ситуацию для вас и вашего напарника, который сейчас нетерпеливо стучит в окно моего коллеги. – Хеклер протянул сложенный вдвое лист бумаги с вложенной в него упитанной пачкой купюр.

Полицейский принял лист с начинкой, изменился в лице, поняв, что внутри. Затем заглянул и, оценив масштаб подношения, изменился в лице еще раз.

Хеклер замер в вежливом ожидании. Прошло несколько секунд. Напарник первого полицейского светил фонарем в лицо Вессону и спрашивал у коллеги: «Что с ними делать?» Тот молчал. Медленно, он завернул пачку, протянул было ее назад, но затем резко передумал и положил ее в карман брюк. Хеклер ждал. Полицейский просунул физиономию в салон и, кивнув Вессону, сказал по-арабски:

– Ведите себя оба хорошо после этого.

«Тесла» мягко набрала ход. Полицейский сопровождал ее взглядом с нехорошим прищуром.

– И как вам только в голову пришло заговорить с ним на арабском? – с едкой иронией поинтересовался Хеклер.

– Это было логично. Знакомый язык должен был вызвать чувство приязни, – невозмутимо ответил Вессон. – Тем более что по имеющимся у нас данным, полицейские здесь по-английски почти не говорят. Более того, я удивлен, что вы начали разговор на английском.

Думаю, в этом и была изначальная проблема. Не считая вашей слишком заметной езды.

Хеклер помотал головой с выражением смешливого отчаяния.

– Как же вы не понимаете? Это бы сработало, будь у нас документы, о которых вы сокрушаетесь. Иначе же это жутко подозрительно с «культурной» точки местных квазиэлементов. Даже не упоминая вашей текущей внешности.

– Какая, собственно, разница? И при чем тут документы? – повернул голову Вессон.

– Забудьте, коллега, – со смешком ответил Хеклер. – Вот почему вы – Принцип, а я – Модуль. И на этот раз я исправил *ваш* ляп.

* * *

После ухода Алисии Лиза погрузилась в состояние, напоминающее транс. Ей вдруг показалось, что она смотрит на себя со стороны – сидящую здесь, в огромном номере, одну-единешеньку, в дорогом платье и бриллиантах; сама – украшение в чьем-то чужом доме. Ее тело сковывал страх, в то время как разум лихорадочно искал решение.

Лиза не сомневалась, что подарок Алисии был отнюдь не признаком человечности этой принцессы пятого уровня. Просто старая фаворитка пыталась избавиться от новой до того, как та займет ее место. Нужно ли было воспользоваться предоставленной возможностью? Сильван предупреждал ее об опасности выхода за ворота. Ведь в этой стране женщина вообще не должна появляться в общественном месте без сопровождения мужчины. Муттава – религиозная полиция – славилась жестокостью и фанатичностью. Девушки на втором уровне говорили, что в ее ряды якобы набирали бывших уголовников, которым сбавляли срок за зазубривание Корана.

Вечерний бриз колыхнул занавески балкона и коснулся ее кожи прохладной невидимой рукой. Лиза вздрогнула, бросила взгляд на тяжелые настенные часы с циферблатом из зеленого мрамора. Было без пяти восемь. Сердце ее забилось.

«А может, остаться – не рисковать? И принять потом подарок от принца – стать известной моделью с его помощью?..»

Лицо матери, непрошено всплывшее перед глазами, в этот раз не было строгим. Оно улыбалось, но только не радостно, а по-родительски понимающе и с *болью*.

«Доченька...» – услышала Лиза голос так отчетливо, будто мать была здесь – рядом с ней, – в этой роскошной чужой комнате.

Лиза вскочила, проглотила ком в горле, подхватила сумочку, затолкала туда тонкими дрожащими пальцами паспорт и деньги и решительно направилась к двери.

* * *

– Думаете, мы его обогнали? – спросил Хеклер, когда «Тесла» с мягким шуршанием остановилась на противоположной стороне хорошо освещенной, но пустынной улицы.

Вессон внимательно осматривал их цель на этот вечер – белую шестиэтажную виллу за высокой оградой из розового камня.

– С большой вероятностью, коллега. Наш маршрут был оптимизирован. Статистика же по «Роллс-Ройсу» принца, которую я скомпоновал на лету из данных камер полицейской базы, показывает, что он обычно выбирает неоптимальный маршрут, ибо останавливается по дороге в одном из торговых центров, когда едет в этом направлении к этой своей вилле.

– Нам повезло, что у него только одна вилла в этой части города, – заметил Хеклер, выходя из машины.

– Везение – это оксиморон, существующий лишь в языке квазиэлементов этой гипнойкумены, – уточнил Вессон, закрывая дверь машины за собой. – Есть только вероятностные распределения, зависящие от условий среды, и есть – адаптация стратегии и тактики к ним.

– Любопытно... – неопределенно прокомментировал Хеклер, поглядывая на окна виллы.

– Что именно, коллега? – спросил Вессон и остановился у тяжелой металлической двери, сидящей глубоко в камне ограды.

– Судя по наличию света почти во всех комнатах и исключительно женским силуэтам в них... Все это очень напоминает мне...

– Я надеюсь, что вы намеренно искажаете истину ради комического эффекта, – серьезно сказал Вессон.

– Да бросьте, Принцип. Нет, я не шучу, но для вас ведь это не имеет значения. Вы же не будете имитировать квазиэлементарные эмоции. – Хеклер усмехнулся и прислонил ухо к двери.

– Смотря что вы подразумеваете под значением, Модуль. Как вам известно, после *того* вызова моя сущность подверглась значительной структурной модификации, и даже некоторые мои базовые Постулаты были заменены *. Не говоря уже о Догмах, более строго заданных в каждом последующем вызове. Соответственно, вы правы в том приложении, что это в целом не изменит курса действий. Но это заставит меня производить более тщательную оценку каждого решения. Дополнительная же нагрузка, по определению,

повышает вероятность неуспеха, ибо те же действия требуют больше осциллярного ресурса.

[* Восстановленный участок текста. Специалисты не пришли к консенсусу касательно значения, и толкования варьируются от мнения, что речь идет о Постулатах, выделенных Элементом в качестве вспомогательных сущностей, до утверждения, что сами Элементы могут быть разложены на Постулаты.]

– Времени у нас достаточно, мне кажется, – выразительно подмигнул Хеклер и провел рукой по гладкому металлу. – Замок электронный. Замечательно. Я, по-моему, уже сегодня говорил, что предпочитаю эту его итерацию?

– Камеры, сигнализация тоже? – поинтересовался Вессон.

– Они – на отдельном потоке, – скривил губы Хеклер. – Но все, похоже, сведено в единый узел. У них здесь свой контрольный зал или что-то вроде него.

– Тогда позвольте мне присоединиться. – Вессон поместил руку на поверхность двери рядом с рукой Хеклера и через несколько секунд кивнул.

Послышалось низкое гудение, и замок щелкнул. Электромоторы пришли в движение, дверь медленно ушла в стену, и коллеги оказались лицом к лицу с удивленным субъектом крепкого телосложения в темном костюме и с гладко зачесанными назад волосами.

– Салам, – поздоровался Хеклер, делая шаг вперед и протягивая руку с самым дружелюбным видом.

Охранник резко набрал воздуха в легкие, а его рука автоматически скользнула под пиджак. Но он не успел выдохнуть с криком, ибо кулак левой руки молниеносно двигающегося Хеклера обрушился на его висок. Хруст ломающихся костей черепа – и охранник мешком осел на голубую плитку дорожки.

Хеклер обернулся на свист в воздухе как раз вовремя, чтобы увидеть, как лезвие ножа вонзается в горло второго молодца, показавшегося из-за поворота дорожки. Молодец забил руками по воздуху и упал на спину. Вессон оправил рукав, задравшийся после броска, и, положив руку на электронный замок двери, заставил ее выехать из стены и закрыться с негромким щелчком.

– Давайте двигаться, – предложил Вессон, как только оба трупа обрели пристанище под кустом жасмина. – Этот черный ход в сад, вероятно, не должен быть под слишком пристальным наблюдением, но в контрольном центре могут все же обратить внимание на то, что изображение с камер застыло. Бриз с моря шевелит листья. Что, несомненно, видно на изображениях с камер, расположенных в других участках сада.

– Кстати, о везении, – с иронией начал Хеклер. – Какова была вероятность того, что сразу два квазиэлемента окажутся в непосредственной близости от этого резервного входа именно в момент нашего внедрения?

– Вероятность – не гарантия, коллега, – качнул головой Вессон. – Вам это известно не хуже, чем мне.

Хеклер поднял палец вверх и замер. Вессон кивнул и тоже прислушался. Голоса доносились с противоположного конца сада. Что-то происходило по другую сторону от особняка, и звук доносился только в виде эха, обходя препятствие и приглушаемый пышной тропической растительностью, покрывающей большую часть территории.

Сначала оба могли различить восклицания, возбужденный говор. Затем – нечто похожее на приказы или команды, отдаваемые низким мужским голосом, и вдруг все заменил собой истошный женский крик. Он повторился и перешел в рыдания.

Хеклер сорвался было с места, но железная рука Вессона, схватившего его за плечо, удержала его на месте.

– Это может быть важно! – воскликнул Хеклер.

– Ни с места, Модуль, – приказал Вессон *.

[* Большинство богословов и верующих почитают Принципа как старшего в божественной паре Элементов. Однако здесь существуют разногласия в толковании предполагаемого конфликта между Элементами. Порыв Модуля вмешаться кажется в высшей степени человеколюбивым и, таким образом, соответствующим Предписанию для благоверных. Тем не менее многие указывают, что Принцип, в силу своего положения и сути, на деле является почти непосредственным транслятором повелений Блага и, соответственно, его требование к Модулю не вмешиваться – не более и не менее чем неисповедимая Божественная воля, которая знает, что есть благо для человечества, лучше, чем сами люди.]

* * *

Вечерний воздух был нежен и полон ароматов тропических цветов. Сад был пуст. Согласно «правилам распорядка» особняка с восьми вечера кандидатам полагалось находиться в здании. И каблучки Лизы предательски громко выстукивали по узорной голубой плитке дорожки. Она остановилась, сняла туфли и ощутила босыми ступнями еще теплую шершавую поверхность. Поправила платок на голове и быстро пошла дальше, прислушиваясь, как дикий зверек. Она успешно миновала асфальтовую петлю, образуемую въездом для автомобилей, и теперь с тревогой смотрела на тройку охранников, стоявших у сомкнутых ворот. Они заметили ее, но, казалось, ее

появление ничуть их не встревожило и не удивило. Они продолжали неспешный разговор на арабском, перемежаемый негромкими смешками. Сердце у Лизы колотилось так, будто вот-вот – и оно вылетит с насиженного места у нее в груди и с ее криком унесется вверх – в темно-фиолетовое звездное небо.

«Еще немного», – сказала она себе.

Еще совсем чуть-чуть, и она окажется на свободе и забудет этот дом и всю эту поездку как дурной сон.

Один из охранников отделился от группы и шагнул в сторону. Она замедлила шаг, но он направился не к ней, а к узорной кованой калитке рядом с воротами. Приставил карточку к электронному замку в стене – замок щелкнул, и калитка начала медленно открываться.

Слава богу! Он открывает ей дверь! Она ускорила темп. Все будет хорошо.

Ей оставалось пройти еще несколько шагов, когда сзади вдруг раздался знакомый голос с испанским акцентом:

– Вон она! Я же говорила, эта русская шлюха попробует всех наколоть!

Лиза вздрогнула от неожиданности и испуга и обернулась так резко, что чуть не упала. Инстинкт подсказывал ей, что еще не все потеряно. Калитка была открыта. Нужно бежать, просто пробежать эти три шага и потом кричать, стучать в двери домов, остановить первую попавшуюся машину. Но она не смогла. Страх словно опутал ее ноги невидимыми веревками, и она замерла, опустив безвольно руки и глядя на приближающегося Бакра огромными, полными ужаса глазами.

Бакр приближался, с неуклюжим медвежьим проворством опережая Алисию. Он что-то крикнул охранникам. Калитка за ее спиной захлопнулась с железным лязгом, словно двери тюрьмы. Бакр вдруг оказался рядом и затараторил что-то на арабском, перемежая его английскими словами.

– Кто сказал... что можно?.. Куда... иди... – разобрала Лиза.

Губы ее дрожали, но она попробовала оправдаться:

– Я просто гуляла...

– Она врет, – снова вмешалась Алисия, обжигая ее взглядом. – Она хотела удрать с наворованным! Я видела, как она рылась в комнате Амины! Проверь ее сумочку!

Ответ застрял у Лизы в горле, и она невольно прикрыла сумочку рукой.

Бакр дернул эту дамскую вещицу так, что цепочка разлетелась на отдельные звенья, а Лиза потеряла равновесие и упала на колени, больно ударившись выставленной рукой. Она не помнила, как снова оказалась на ногах. Бакр уже махал перед ней паспортом и сплош-

ным потоком кричал что-то на арабском. Лиза могла разобрать только одно повторяющееся слово: «Шермута» *. В лицо ей полетели скомканные купюры.

[* Точное значение утеряно. Предположительно, «блудница».]

Она призвала на помощь все свое мужество и произнесла на ломаном английском, но, как ей казалось, твердым голосом:

– Это против закона! Я могу идти, куда бы я ни захотела!

Он замолчал, посмотрел на нее с секунду и затем ударил по лицу тыльной стороной ладони так, что все поплыло у нее перед глазами. Он вскрикнула от боли и унижения. Тогда он ударил еще раз – по другой щеке и сильнее. Лиза упала и закричала – от ужаса и отчаяния, осознав, что она – в их власти. Реальность разделилась на кадры: голубая плитка, блестящие крокодиловые ботинки Бакра, кровь на ладони – стертая с губ, и жестокий огонек удовлетворения в глазах стоявшей в сторонке Алисии. Лиза попыталась подняться, но пинок Бакра снова сбил ее с ног. Он что-то крикнул командным тоном и запустил свои толстые кривые пальцы ей в волосы. Гулким фоном звучал хохот охранников.

* * *

– Ни с места, Модуль, – повторил Вессон негромким холодным тоном. – Вы были правы. Это *слишком* похоже на *тот* вызов. И я не намерен ни сам совершать ту же ошибку, ни позволить вам ее совершить. Въезд принца имел бы совершенно другое звуковое сопровождение. Соответственно, то, что там происходит – естественный всплеск в естественном течении событий. Вам известно, что вмешательство в естественный всплеск способно привести к непредсказуемому росту его амплитуды. Если амплитуда достигает определенного предела, это оставляет «вмятину» на субстанции Грёзы. Наши текущие Догмы подобный эффект запрещают, а мои составляющие Постулаты практически не допускают произвольных операционных отклонений от Догм. Сопrotивление Постулатам с моей стороны может привести к нарушению функционирования меня как Элемента и даже к полной моей дезинтеграции *. Что, в свою очередь, снижает вероятность успеха нашей миссии – вплоть до величин ниже порогового значения. И, что еще более важно, последствия нашей неудачи будут значимы для Сына и Самого Блага.

[* Предположительно, здесь иносказательно выражена мысль о том, что сопротивление воле Блага всегда влечет за собой неизбежную кару.]

Но вы же понимаете, Принцип, что такова моя природа. – Хеклер плавно потянул руку на себя, пытаясь высвободиться. – И моя природа – тоже есть воля Блага. Она такова неспроста. Она задана или

выделена в таком виде с определенным смыслом, и именно в этом виде она имеет ценность для нашей миссии. Допустите на мгновение, что мои озарения, «ощущения» – назовите их как хотите – ведут нас в правильном направлении...

– Мне очень жаль, коллега, – твердо ответил Вессон, – но если будет необходимо, я применю к вам воздействие сообразно заданным параметрам нашего взаимодействия.

– Принцип! – воскликнул Хеклер. – Да оторвитесь же вы хоть на мгновение от вашей косной настройки и попробуйте уловить то, что я вам говорю!..

– Думаю, будет нелишним вам кое-что напомнить, – произнес Вессон нелюбезно и неуловимым движением схватил Хеклера за голову и надавил большими пальцами точки по обе стороны его лба...

* * *

* Солнце багряным шаром тонуло в море зелени. С юга, от моря, поднимался ветерок, пошелестивая степной травой и листьями фруктовых садов, разбитых в этом месте и с внутренней и с наружной стороны городской стены. Последний луч солнца вырвался на мгновение из-за горизонта, словно рука утопающего над поверхностью воды, и погас. Сумерки сгущались быстро, будто в чистую воду дня плеснули чернил и теперь старательно их размешивали.

[* Стилистические отличия в тексте этой части Евангелия указывают на возможного другого автора.]

– Давайте, пожалуй, приступим, герр Эрденштайн, – предложил блондин, что был выше ростом и плечистее.

– Вы думаете, это хорошая идея, герр Хайнц? – спросил его более поджарый и грациозный компаньон с быстрыми черными глазами. – Лезть по стене и прыгать с нее прямо на территорию серала *.

[* Дворец правителя средневековой Османской империи, включивший в свою территорию также гарем правителя.]

– Надеюсь, прыгать не придется. Как вы заметили, когда мы вчера ночью преодолевали внешнюю стену города, эта штука нас и поднимет, и спустит. Оружейник в Бремене обещал, что она будет служить нам верой и правдой. А касательно места – оно ближе всего к цели. – И улыбка, в которой были смешаны веселье и злость *, коснулась уст Хайнца. Он вытащил из мешка арбалет, крюком присоединил веревку к кольцу на конце болта и прицелился.

[* Некоторые комментаторы отмечают очевидные отличия в темперементе как минимум одного из Элементов в этой части Писаний. Часть специалистов считает это лишь признаком того, что текст написан другим автором, другие видят в этом подтверждение гипо-

тезы о том, что характеристики Элементов могут меняться по воле Блага.]

– Любопытно, что именно нам отрубят, когда поймают, – съязвил его спутник.

– Думаю, что в конце концов – голову, но перед этим может быть все что угодно. – Хайнц подмигнул, и в этот же момент тяжелый болт глухо ударил в дворцовую стену, увлекая за собой разматывающуюся веревку. Шум прибоя где-то далеко за спиной и шелест ветра немного приглушили звук, но оба на всякий случай подождали с минуту, прежде чем начинать движение.

– Надеюсь, что до парадокса все же не дойдет, – скривился Эрденштайн и ухватился обеими руками за длинное металлическое плечо арбалета.

– Прекратите ныть, Модуль, – попросил безо всякого раздражения в голосе его спутник. – Риск есть, но он просчитан. Мы пересекаем только одну стену, а не две или три.

Он взялся за другое плечо арбалета левой рукой, а правой – за рукоятку и потянул пальцем дополнительный крючок – сбоку от спускового. Механизм лязгнул и пришел в движение. Тяжелая пружина принялась раскручиваться, толкая шестерню, которая, в свою очередь, крутила барабан, наматывающий веревку. Арбалет «полз» по веревке вверх, таща на себе и обоих «седоков».

Оставалась где-то треть пути до крытой галереи дворцовой стены, когда что-то звонко лопнуло внутри механизма, и они повисли без движения.

– Привет вашему оружейнику, – не сдержался Эрденштайн. На его лице чувствовалась ироничная улыбка, хотя и не видная в темноте.

– Давайте-ка быстро за мной, – негромко скомандовал Хайнц и, напрягая могучие мышцы рук, принялся энергично карабкаться по веревке первым.

Некоторое время они двигались молча, а затем замерли прямо под одной из бойниц, ибо голоса раздалась совсем неподалеку. Через несколько секунд голоса оформились в речь на османском – причудливой смеси персидского и арабского на тюркском субстрате. Стали слышны и шаги. Судя по разговору, офицер отчитывал подчиненного за какую-то мелкую провинность. Несмотря на беглый османский говорящих, Эрденштайн все же различил акцент и шепнул, подняв голову:

– Янычары охраны...

– Тише...

Они подождали, пока голоса удалятся, и один за другим нырнули в отверстие бойницы. Действовать приходилось быстро. Хайнц рас-

шатал и выдернул болт, вонзившийся в перемышку между бойницами. Вышедший из строя арбалет был отцеплен и сброшен на камни с наружной стороны стены. Веревку выбрали и закрепили заново, и оба приготовились спуститься по внутренней стороне дворцовой стены.

– Кто там? – раздался ленивый голос у них за спиной.

– Хасан. Все в порядке, – ответил Эрденштайн на чистом османском.

– Какой Хасан? – спросила недовольным тоном приближающаяся фигура. – Хасан внизу сегодня сторожит – на Воротах Повелителя.

– Я новый загаржи-баши. Отправлен агой для инспекции охраны дворца. Как твоё имя? – командным голосом потребовал Эрденштайн.

– Имя мое – Яшар, – остановилась фигура, – но только я сегодня видел старого загаржи-баши, и он никуда не собирался уходить.

– Ну, пожалуй, и хватит, – негромко сказал Хайнц на нижнесаксонском и резко выпрямил руку, отправляя кинжал в короткий полет, целью которого оказалась глотка Яшара.

Именно в этот момент из-за поворота галереи показались еще двое с факелами в руках. В колеблющемся пламени оседающая на каменный пол фигура Яшара была ясно видна, и ятаганы со звоном были вытащены из ножен.

– Враг! – крикнул один. – Они хотят убить падишаха!

– Чтоб тебя! – выразился Эрденштайн коротко и обернулся, чтобы встретить нескольких янычар, несшихся с противоположной стороны галереи.

Хайнц ловким приемом перекинул через себя первого нападавшего, завладел его ятаганом и неуловимым движением пронзил руку второму, заставив того выронить оружие. Следующий выпад пришелся янычару в живот. Но на смену поверженным появились новые солдаты. Топот и крики раздавались теперь, казалось, по всей длине стен и внизу во дворе – по внутреннюю сторону стен. Ширина галереи позволяла нападающим атаковать только по двое, и чужакам удавалось пока держать оборону.

– Коллега! – бросил Хайнц через плечо. – Отступаем.

– Я только разогрелся, – со злым смешком крикнул Эрденштайн, рассекая шею очередному противнику.

Хайнц пригнулся, устремляясь навстречу своему следующему нападавшему, и, резко выпрямившись, перебросил его через край стены, отправляя в короткий полет вниз – на камни. Еще один упал, скорчившись, после двух выпадов ятаганом. Однако новая группа

почему-то не стала приближаться, вместо этого первые двое припали на одно колено сразу у поворота галереи.

– Мушкеты! – крикнул Хайнц. – Давайте вниз!

Он успел перекинуть веревку на внешнюю сторону дворцовой стены, когда грянули выстрелы. Эрденштайн оттолкнул ногой нападавшего со своей стороны и прыгнул к амбразуре.

– Во мне – дыра, – поделился Хайнц достаточно нейтральным голосом. – Желательно поторопиться...

Эрденштайн запустил в сторону стрелявших свой ятаган наподобие бумеранга, и, перебросив тело через край, схватился за веревку:

– Спускайтесь, я вас поддержу!..

* * *

Крики и выстрелы со стен преследовали их еще некоторое время, когда они пробирались через сад, разбитый на склоне дворцового холма. Лошади были там же, где их оставили, и быстрота помогла их хозяевам исчезнуть вместе с ними с улиц ночного города прежде, чем в эту точку нагрянули янычары охраны. Лошадей, однако, вскоре пришлось бросить и дальше скрываться на крышах плотно застроенных улиц. Янычары с факелами носились по всему городу, стучали в двери и обыскивали дома, поднимаясь и на крыши.

Эрденштайн помог Хайнцу перебраться на соседнюю черепичную крышу, не имевшую прямого выхода из дома, – наверное, еще христианской постройки, и их не нашли.

– Пожалуй, в этот раз мы поторопились, – проговорил Эрденштайн, осматривая рану спутника.

– Должен, вероятно, согласиться, – ответил Хайнц и сплюнул в сторону кровль. – Признаю, что меня увлек тактический энтузиазм.

– Как вы говорили, был просчитанный реальный шанс закончить миссию сегодня, – кивнул Эрденштайн. – Как-никак – пять подтвержденных признаков из семи. – И он скривил губы в улыбке.

Хайнц попытался приподняться на локте, чтобы тоже изучить отверстие в правой части своей грудной клетки.

– Думаю, что вас можно восстановить, несмотря на то, что потери крови значительные... – начал Эрденштайн бодро.

– Вам видны нарушения струнной конфигурации? – спросил Хайнц. – Я не могу сам себя просматривать.

– Да, и проблема в том, что из нас двоих вы – непревзойденный специалист по струнному, коллега, – с некоторым сомнением ответил Эрденштайн. – Но, думаю, я смог бы построить несложную энерговоронку и инициировать восстановление *. Но в любом случае пройдет несколько дней, а может, и больше.

[* Этот восстановленный нами абзац текста и следующие на ту же тему сильно отличаются от классического, где обычно говорится о том, что Принцип будет исцелен по воле Блага, чтобы продолжить свою миссию.]

– Плюс спровоцирует всплеск в канве гипнойкумены, – продолжил Хайнц. – Плюс за это время *ОН* может покинуть город, а в движении *ОН* будет окружен охраной, и наша задача может еще усложниться. Плюс, объективно, у меня есть некоторые сомнения в возможности восстановления этого тела – не примите как критику ваших способностей, Модуль.

– Да ну что вы, коллега. Пустяки! – с нарочитым безразличием махнул рукой Эрдентштайн и подвинулся, пытаясь найти положение поудобнее на довольно крутом черепичном скате крыши. Он замолчал, наблюдая за перемигиванием огоньков города в ночном воздухе. Хайнц уставился в небо, на котором тонкие облака, словно шалью то закрывали, то снова открывали лик звезд.

Потянул влажный ветер, неся откуда-то запахи цветов и меда. Неподалеку залаяла собака. Янычары продолжили обшаривать квартал за кварталом – за ними можно было следить по движению групп факелов в темноте улиц.

– Что ж, похоже, мы упираемся в парадокс. Нас вышвырнет *вовне* и придется начинать сначала, – снова заговорил Эрдентштайн. – Но, в некотором смысле, передышка не помешает, – закончил он философски.

– Может быть, и нет, – проговорил с усилием Хайнц, пытаясь тоже сесть. Наконец ему это удалось, хоть и пришлось ухватиться за плечо Эрдентштайна. – Можно попробовать решить две проблемы сразу.

– Что вы задумали, Принцип? – обернулся к нему Эрдентштайн.

Хайнц ответил не сразу, очевидно, что-то взвешивая.

– У нас есть две проблемы, – начал он и сразу сделал паузу, пытаясь договориться с хрипами в пробитой груди. – Первая – что с большой долей вероятности это тело умирает. И вторая – что после нашего неудавшегося вторжения меры безопасности во дворце будут многократно усилены. Проникновение силой или в форме тайной операции исключается.

– Вы, как всегда, предельно логичны и последовательны, коллега, – не сдержал иронии Эрдентштайн.

– Терпение, – попросил Хайнц и прижал плотнее к ране компресс из куска оторванного рукава. – Если сила и тайные операции не рассматриваются, то натуральным образом остаются только опции явного проникновения на территорию дворца без применения силы. Вопрос: кто таким образом туда может попасть?

– Хм-м... – протянул Эрденштайн. – Сам султан, послы иностранных государств – по предварительной договоренности и, может быть, именитые люди искусства?

– Неплохо, – подтвердил Хайнц. – Но послы обычно известны в лицо или же появляются после долгой переписки, плюс целой группой, чего в нашем случае быстро организовать не представляется возможным. Люди искусства должны быть уже прославленные. Тоже не подходит. Однако вы забываете еще одну группу квазиэлементов. Точнее, несколько групп. Тех, кто туда попадает один раз и на долго...

– Я, кажется, начинаю понимать, хотя не до конца вижу, как нам это может играть на руку, – оживился Эрденштайн. – И я не думаю, что вы имеете в виду черных и белых евнухов *...

[* Имеются в виду кастрированные слуги африканского и европейского происхождения, выполнявшие во дворце отличные функции и стоявшие на разных уровнях дворцовой иерархии. Черные евнухи выполняли функции надзора и обеспечения гарема, белые же составляли внешний периметр, управление доступом/воротами дворца и имели меньше влияния на протяжении большей части османской истории.]

*– Верно – не их, коллега. – Хайнц поменял положение тела, чтобы уменьшить пульсацию в ране. – Теперь более затруднительная часть. В принципе, восстановление есть в определенном смысле перестройка. У них даже энергетический почерк похожий. И похожим образом формируется воронка и идет рециркуляция и переуплотнение мыслимой сути в струны согласно внедренным Постулатам или квазиэлементным предназначениям **. Иными словами, если развивание струн не зашло слишком далеко, то перестройка может послужить двум целям одновременно...

[* Отсюда и до конца сцены – восстановленный текст, отсутствующий в классической версии Евангелия.]

** Классические богословы считают, что речь идет о материальной сути молитвы.]

– Морфинг? – быстро спросил Эрденштайн.

– Да, – ответил Хайнц и качнул головой. – Но я все же в сомнениях относительно уместности столь мощного инструмента.

– Я думаю, идея весьма светлая, коллега. – Эрденштайн резко поднялся. – Я знаю – да, догматические тупики и ловушки... Но если получится, то у нас есть несомненный шанс на успех. Давайте же не будем тянуть! На процесс потребуется немало времени, а нужно ведь еще обеспечить одежду и прочие «аксессуары». Давайте, пока вы не преставились, и мы не вляпались в парадокс, Принцип!..

* * *

Сидя у окна, на диване во всю стену, валиде-султан * размышляла над текущими делами. Ей не нравилось отношение великого визиря в последнее время. При встречах он заискивал и чуть ли не ползал у ее ног, но Гюльнуш знала от своих осведомителей, что визирь при каждом удобном случае говорил султану – ее сыну, что тому следует быть независимее и поменьше слушать советов матери. Потенциальная невестка тоже стала вызывать подозрения, даром что тихоня на вид. У Гюльнуш накапливалось все больше косвенных данных о том, что Салиха выстраивала свою сеть контактов и осведомителей во дворце. По-видимому, и с кем-то из четырех пажей она достигла понимания. Султан же с прошлого месяца несколько раз жаловался Гюльнуш на кошмары, в которых к нему приходили то дэвы **, то колдуны и пытались сломить его волю. Гюльнуш не верила ни в тех, ни в других, но пыталась помочь, потребовав, чтобы шейх аль-ислам – верховный муфтий – утроил свои усилия в молитвах. К несчастью, происшествие прошлой ночью дало дополнительную пищу для страхов султана – солдаты донесли о том, что сражались с двумя неуязвимыми существами, которые уничтожили десяток янычар на стенах и затем просто исчезли без следа. Дополнительная орта *** охраны прибыла во дворец этим утром, но на душе у всех было неспокойно.

[* Титул. «Мать султана» обладала обширным влиянием при правящем султানে-сыне и являлась главным лицом в гареме.

** Некие злые духи либо монстры.

*** Полк.]

Служанка, наливавшая ей чай из серебряного чайника в венецианский стаканчик тончайшего стекла, наступила на край собственного платья и, споткнувшись, пролила кипяток на низкий резной столик с изумительными узорами. Гюльнуш хотела дать затрещину этой дурочке, но, видя, как у той затряслись руки, только сказала:

– Пошла вон.

Служанка выпорхнула, чуть не сбив на пороге входившего кызлар-агу *. Девушка едва не потеряла сознание от ужаса, но тот только ухмыльнулся во все тридцать два зуба – неестественно белых на его блестящей, словно надраенной воском, черной физиономии. Он поправил расшитый зелеными и черными вензелями желтый ха-лат и принялся кланяться.

[* Должность. Главный черный евнух. Влиятельнейшее лицо при дворце.]

– Чего тебе, Хаджи? – спросила Гюльнуш почти без раздражения. Старший черный евнух был одним из ее союзников в дворцовых интригах, и, учитывая его влияние, с ним приходилось считаться всем.

– Валиде-султан, – начал Хаджи своим писклявым голосом *, – за Воротами Повелителя стоит бременский купец, просит милости принять его драгоценные подарки, которые он вез специально для матери султана, мудрейшей Гюльнуш, как он говорит. Там есть на что посмотреть, – добавил от себя кызлар-ага, снова кланяясь и придерживая одной рукой отвисшую грудь, чтобы не оттягивала халат.

[* Кастрация производила серьезные изменения в организме. В частности, голос при взрослении оставался детским. Из-за нехватки в организме мужского гормона могла вырастать женская грудь.]

Гюльнуш кивнула без восторга, но с интересом. Повинуясь его негромкому оклику, черные подчиненные Хаджи внесли тяжелый резной венецианский стул, красную бархатную подушку с выложенными на ней серьгами тончайшей работы из золотой проволоки с изумрудами и клетку с золотым соловьем. Хаджи указал на чайный столик, и когда клетку поставили, наклонился и покрутил крошечный клювик на брюхе птицы. Вдруг соловей издал несколько трелей и принялся трепетать блестящими крылышками.

Гюльнуш от удивления всплеснула ладонями и рассмеялась.

– Немецкой работы – *механика*, валиде-султан!.. – поспешил заметить кызлар-ага. – Купец также говорит, что у него есть еще один – тоже чрезвычайно ценный – подарок, но уже, скорее, для самого правителя. Купец говорит, что очень хотел бы представить его валиде-султан Гюльнуш лично. Однако купец понимает, что никто из простых людей не достоин видеться с матерью султана. Если бы только мудрейшая валиде-султан благосклонно отнеслась к его нижней просьбе помочь ему встретиться с первым пажом султана, то он бы пришел на эту встречу вместе с подарком и передал бы его для валиде-султан. Заодно купец просто хотел бы обсудить с силахдар-агой – первым пажом некоторые льготные условия для своей торговли.

Хаджи склонился в смиреннейшем поклоне и замер в таком положении, ожидая ответа. Три пера на его феске касались пола.

Гюльнуш поразмыслила, смерила взглядом согнувшуюся фигуру кызлар-аги, догадалась, что дело не обошлось без взятки, но решила, что услуга за услугу, и кызлар-ага будет ей должен.

– Вот что, Хаджи. Скажи купцу, – холеной рукой она взяла со стола стаканчик с чаем, – пусть отдаст подарок сразу, и если подарок окажется действительно таким ценным, как он говорит, будет ему встреча с первым пажом.

Хаджи вышел, раскланиваясь и пятясь задом.

Довольно скоро, с учетом размеров дворца, он снова появился в дверях. Его зубастая улыбка стала еще шире. Он вошел в комнату, а за ним вплыла тонкая девичья фигура. Смелый взгляд огромных

синих глаз, гордая осанка, точеные формы, проглядывающие из-под тонкой ткани простого голубого платья, и водопад волнистых бледно-золотых волос цвета зрелой пшеницы, накрытых тонким белым газом.

Гюльнуш опомнилась, что матери правителя не подобает сидеть с открытым ртом. Она поднялась, сошла по ступеньке, сделала несколько шагов по направлению к девушке, окинула ее величественным взглядом и спросила на французском:

– Как тебя зовут, дитя мое?

– Эльза, госпожа, – ответила девушка, поклонившись вежливо, но без раболепия.

– Хаджи, – произнесла Гюльнуш, не поворачивая головы, – скажи купцу, что я обеспечу ему такую встречу, которой он не забудет. Пусть приходит сегодня вечером. – И снова обратилась к девушке: – Присядем, дитя мое. Тебе нужно будет многое усвоить – как себя вести, как одеваться, какую роль исполняют кара-агалар *, и, главное, что делать, если на тебя обратит внимание сам повелитель...

[* Черные евнухи.]

* * *

– То есть я смогу сегодня встретиться с силахдар-агой? – переспросил Эрденштайн, стоя в тени дерева вместе со старшим черным евнухом.

– Валиде-султан сказала, что она обеспечит тебе прием, которого ты не забудешь, купец. – Хаджи осклабился.

– Это может означать все что угодно, – пробормотал Эрденштайн скорее себе под нос, нежели в ответ. – Ладно. Как договаривались, уважаемый кызлар-ага – вот благодарность за твои услуги. – И он достал из кармана перстень с огромным рубином и вложил его в ладонь Хаджи.

Глаза того блеснули, он быстро засунул подарок во внутренний карман, оглядываясь, чтобы убедиться, что никто из стражей ворот или белых евнухов, слонявшихся во Дворе янычар, не заметил сокровища.

– Как девушка? – спросил Эрденштайн.

– Все хорошо, – кивнул Хаджи, – она понравилась валиде-султан. Она ее покажет повелителю тоже.

– Быстро! – поднял брови Эрденштайн.

– Да, – ухмыльнулся кызлар-ага. – Валиде-султан знает, что правитель часто жаловался, что все наложницы ему наскучили. И тут так удачно объявился ты со своим подарком...

– Как бы мы не перестарались, – сказал негромко Эрденштайн, уже будучи за воротами и садясь в седло. – Ладно, – он погладил

коня по шее, – либо он это сделает, либо я, либо закончится парадоксом.

* * *

– Она тебе нравится, Мустафа? – спросила Гюльнуш, сидя рядом с сыном на балконе за тонкой занавесью, из-за которой султан имел обыкновение разглядывать наложниц, купающихся внизу, в теплой воде бань.

Мустафа подумал, погладил рыжеватую бороду, помолчал, но Гюльнуш заметила внимание, с которым он рассматривал новое приобретение. Девушки визжали, плескались, брызгали друг на друга водой. Эльза сидела на ступеньках, там, где было неглубоко, и аккуратно обмывала плечи водой. Затем собрала волосы уверенным движением и закрепила их заколкой.

– Она необычная, – сказал наконец султан, кивая. – То, чего давно не было.

Он протянул руку, и черный евнух, стоявший за спиной и ловивший все движения повелителя, поторопился вложить в нее длинную, до пола, трубку из вишневого дерева. Султан затянулся ароматным дымом.

– Она не просто необычная, – сказала Гюльнуш знающе. – Она послушная, но не валяется в ногах. Умная – запомнила все правила и имена с первого раза. Говорит на саксонском и французском. А за два часа разговора со мной усвоила и пару дюжин слов на османском. Но еще более важно другое, сын, – валиде-султан придвинулась ближе, – она ни с кем не связана – ни с одной из групп интересов в империи, и потому мыслит независимо. Во всех остальных девушках здесь мне всегда видится что-то змеиное. Проведи с ней время, и, если она тебе понравится, – думаю, что это новая кадын *, а может, и хасеки **. Салиха хороша, но она себе на уме и слишком увлечена дворцовыми интригами. Не обижайся, – добавила Гюльнуш примирительно, заметив, как сдвинулись брови султана. – Тебе пора выбрать надежную жену, сынок, и укрепить свою власть...

[* Фаворитка.

**Официальная жена султана.]

– Она – красавица, – повернулся к ней Мустафа. – Спасибо, мама.

– Я люблю тебя, сынок. Для меня ты – всегда мой сын, хоть ты и правитель мира, – сказала Гюльнуш с материнским теплом в голосе и коснулась его руки. – Хотела тебя еще попросить о двух вещах. Одна – мелочь: принять одного купца вечером, после послев из Персии. А вторая... – Она помедлила. – Думаю, сейчас стоило бы направить хотя бы часть янычар на Кавказ и проучить Грузию. С европей-

цами сейчас было бы время замириться. Они усвоили преподанный тобой урок...

Мустафа насторожился и метнул на нее пронизательный взгляд:

– Ты все еще не можешь забыть, что когда-то Венеция была тебе родиной?

– Моя родина здесь. – Она опустила глаза, но тут же неожиданно подняла их и встретила его взгляд прямо. – Венеция повела себя высокомерно и была наказана. Я думаю, что двух разгромных морских сражений достаточно для того, чтобы венецианцы подписали мир на твоих условиях. Австрия тоже повержена и пойдет на любые уступки. Теперь пора укрепить позиции и на востоке, чтобы не давать повода внутренним распрям и поправить казну. А в Грузии много золота. Она немало прирастала землей за последнее время и лежит на торговых путях...

– Ты права, мама. – Мустафа улыбнулся. – Воистину ты – мудрейшая!

Гюльнуш постаралась перевести дух так, чтобы сын не заметил, и сказала:

– Я отправлю девушке подарок от твоего имени – как полагается, и пришлю ее к тебе сегодня ночью...

* * *

– Я также слышал, что какой-то купец привез новую наложницу для султана? – спросил Али, поправляя чалму.

– Да, я тоже слышала об этом, но я весь день была занята с архитектором, – ответила Салиха, подпирая голову рукой и вытягиваясь на ступенчатом диване. – Надеюсь, что новый водопровод будет готов к концу года. Из него же будет питаться новый фонтан, который я хочу видеть напротив мечети Ситти Хатун.

Первый паж напряг глаза, всматриваясь в собеседницу – в покоях царил полумрак. Кружевные занавески, расшитые золотом, были затянуты, пропуская лишь несколько стыдливых лучиков света.

– Но действительно до меня дошли слухи, что наложница понравилась валиде-султан, и что новенькая уже сегодня будет представлена падишаху. – Салиха перевела взгляд, внимательно рассматривая золотые письма и узоры на голубой плитке, выстилавшей стены помещения. – Это, наверное, не очень хорошо, – продолжила она задумчиво, застывая без движения, – ибо я даже не успела с ней встретиться и хоть посмотреть на нее – ее уже начали подготавливать к вечеру. А ведь новый человек может оказаться каким угодно. Особенно когда он так быстро приобретает расположение членов семьи...

– У меня возникли те же ощущения, ханым-эфенди, – наклонил голову Али и принялся покусывать кончик ногтя на холеном мизинце. – Но я об этом уже позаботился. – Он сделал паузу. – Наши интересы будут соблюдены...

Салиха, казалось, не слышала его, лежа неподвижно и не моргая.

– Что там касательно денег на строительство, Али? – спросила она, не меняя ни положения, ни выражения лица.

Первый паж чуть склонил голову, давая понять, что серьезно относится к заданному вопросу, хоть и не может пока дать обнадеживающего ответа:

– Великий визирь пока не убежден, но я думаю, что, как мы и говорили, в силу почтенного возраста его место стоило бы передать другому человеку... – Он запнулся. – Несколько более молодому и способному.

Салиха очнулась, перевела взгляд зеленых глаз на пажа:

– Да, Али, я помню. И поговорю с падишахом, как только представится удобный момент. Если только не будет лишних препятствий к тому...

Силахдар-ага в очередной раз подумал, что эти глаза могли принадлежать лесному джинну – такого необычного оттенка, узора и выразительности они были. Но вовремя сдержался и, поклонившись, попятился к выходу.

* * *

– Будешь пока здесь, – повелительным тоном обратился к ней кара-ага – рослый эфиоп с крошечным подбородком. Важный тон донельзя контрастировал с его детским голосом. – Я тебя позову чуть позже и отведу к покоям правителя. Там ты будешь ждать у двери, пока тебя не позовут. Помни, что, войдя, ты должна встать на колени и оставшийся путь до ложа проделать именно на коленях, покрывая поцелуями ковер, ведущий к ложу. Поняла?

– Да, господин, – сказала Эльза, не кланяясь, впрочем, и глядя прямо ему в лицо.

Кара-ага скривился:

– Было бы неплохо показать немного смирения, это красит женщину. Но ладно, этому тебя еще научат. Сегодня времени нет. – Он вздернул подбородок. – Веди себя как следует, от этого зависит твоё счастье, а может, и твоя жизнь. Эта одалиска * – Памук. – Он показал пальцем на плосколицую коренастую девушку в цветастой юбке и белой бесформенной блузке, стоявшую в углу со сложенными перед собой руками. – Она будет тебе служить. Можешь приказывать ей, если что-то нужно. Отсюда ты никуда сама не выйдешь.

Дверь я запру, а за дверью стоит с оружием мой помощник и твой охранник – Бекир.

[* Служанка в гареме.]

– Да, господин, – повторила Эльза с тем же выраженным чужеземным произношением, и кара-ага, видимо, удовлетворенный ее ответом, вышел. Дверь за ним закрылась, и вслед за этим ключ клацнул в скважине, запирая замок.

Эльза осмотрела комнату. Окон нет. Сумеречный свет просачивался откуда-то сверху – через решетки в потолке. На стене – ковер с причудливыми черными узорами на красном фоне. Столик с кувшином и фруктами на серебряном подносе. На другом столике – лампа из мозаичного стекла, горевшая ровно и издававшая слабый цветочный аромат.

– Садись, Памук. – Эльза указала движением головы на бархатный пуф у противоположной стены. – Скажи-ка, ты давно во дворе?..

* * *

В сопровождении стражи Эрденштайн прошел в главные ворота дворца и оставил здесь коня, сняв только походную сумку с седла. Дорожки, проложенные между рядами кипарисов, расходились лучами в разные концы двора. Затем последовали другие ворота, еще богаче украшенные и расписанные, и со своей охраной.

Стражи шагали дальше, и Эрденштайн поинтересовался на довольно сносном османском:

– Разве приемная первого пажа не в этом дворе?

Ответа не последовало.

У третьих ворот – с мраморными барельефами и золотыми вензелями на зеленом фоне – Эрденштайна остановили янычары, их охранявшие, отставили свои алебарды и тщательно его обыскали. Деловито и методично они обшарили каждый карман, прощупали одежду и порылись в сумке. Наконец алебарды стукнули о камень дорожки, и Эрденштайн с провожатыми направился дальше.

– Далеко еще? – спросил он, но, как и в первый раз, не получил ответа.

Путь их лежал к сравнительно небольшому зданию посреди этого третьего двора. Здание, сплошь из белого мрамора, было окружено десятками колонн, украшенных золотыми кольцами по оба конца. На каждом углу стоял часовой с алебардой. У ступеней входа – еще четверо.

Эрденштайн и его спутники преодолели несколько ступеней, и здесь, перед проемом, выложенным мозаикой разных оттенков голубого, один из провожатых наконец нарушил молчание:

– Тебе несказанно повезло купец – тебя удостоит чести встретиться сам падишах. Можешь положить свои дары вот там. – Он указал на огромный проем слева от входа, загороженный крупной золотой решеткой.

– И точно – перестарались, – проговорил себе под нос Эрденштайн и прошел в здание.

Вдоль стен стояли придворные, составлявшие довольно пеструю толпу, настолько яркими были халаты, чалмы, шелковые штаны и украшения. Султан, на невысоком троне, превосходил пышностью вида их всех. Трон покрывала золотая ткань, усыпанная драгоценными камнями. Золотом и камнями сверкали перстни на его руках, золотой вязью был расшит его шелковый халат лазурного оттенка. Золотом сверкала брошь на огромной чалме.

Эрденштайн по знаку провожатого поклонился до пола, одновременно всматриваясь в вельмож, сидевших на подушках по обе стороны от трона.

– О Благо – по ним по всем придется струнный проводить, – проворчал он.

– Откуда ты, купец? – обратился к нему султан.

* * *

Памук не думала останавливаться на ответе на первый вопрос. Без каких-либо просьб и указаний она перешла в режим безостановочного монолога, описывая дворец, кара-агалар, других одалисок, всех наложниц и кадын, сообщая свое мнение по каждому пункту, включая качество каждого блюда в меню и шансы каждой из девушек стать избранной женой правителя.

Эльза слушала молча, но наконец подняла ладонь, и речь Памук оборвалась так же резко, как и началась. Цоканье в замочной скважине стало явным. Замок щелкнул, и на пороге показалась черная физиономия какого-то незнакомого кара-аги – высокого, с необычно длинным для его расы носом.

– Бекир? – спросила Эльза.

– Это не Бекир, госпожа! – воскликнула Памук с некоторым удивлением в голосе.

Войдя, евнух отступил чуть в сторону, давая войти еще одному своему товарищу, который тут же затворил за собой дверь.

Первый евнух небрежно подхватил с края дивана расшитую листьями подушку и, не произнося ни слова, шагнул к Эльзе. Второй направился к одалиске, нервно вскочившей с места.

– Госпожа?.. – растерянно сказала Памук.

Эльза на все это время словно застыла, остановив взгляд на длинноносом. Но еще до того, как он успел сделать решительное

движение, она рывком скатилась с дивана. Рука евнуха схватила пустоту, подушка уперлась в стену вместо лица Эльзы.

Памук сучила ногами по пестрому ковру на полу – второй евнух пережал ей глотку сгибом локтя, удерживая со спины. Эльза не закричала. В ее руках оказалась мозаичная лампа из цветного стекла. И длинноносый развернулся как раз достаточно быстро, чтобы принять ее в лицо. Мозаика разлетелась на осколки, масло выплеснулось на кожу и одежду евнуха и вспыхнуло. Визг его слегка приглушили ковры на стенах, но он, несомненно, был слышен снаружи.

Оценив развитие событий, второй евнух выдернул из-под полы камзола короткий кинжал и ускорил конец Памук, вонзив его ей в ямку над ключицей. Служанка дернулась и затихла.

– Почему так шумно, Фатих? – раздался знакомый, на слух – детский – голос из-за двери. – Вы закончили?

Второй убийца сделал выпад кинжалом, но лезвие прорезало пустоту. Ногти Эльзы, ушедшей от удара в сторону, впились евнуху в глаз. Его крик наложился на вопли его товарища. Воспользовавшись замешательством, Эльза схватила его за руку и молниеносно, более ловким, нежели сильным движением предплечья выдавила кинжал из его руки. Полуослепший евнух сдавил ей горло, но безошибочно точный удар кинжалом в шею заставил его рухнуть на пол.

Эльза обернулась как раз в то мгновение, когда на пороге объявился старший кара-ага. Тот самый, что напутствовал ее полчаса ранее.

– Фатих?.. – начал он, но увиденное заставило слова застрять в его глотке.

Фатих продолжал визжать и безуспешно пытаться стереть с лица горящее масло. Пламя тем временем завоевывало пространство на диване и ковре.

Старший евнух уперся взглядом в холодный синий блеск глаз Эльзы. Покрытый густым красным кинжал в ее руке лежал твердо, а на лице не было и тени волнения. Евнух вздрогнул. Вопль застрял у него в горле, ибо в следующее мгновение к нему был приставлен кинжал. Старший евнух попятился в коридор, но другой рукой Эльза схватила его за курчавые волосы.

– Кто тебя послал? – спросила девушка на безупречном османском с ледяным спокойствием в голосе.

Именно это сверхъестественное спокойствие и блеск синих глаз были более пугающи, нежели кинжал, приставленный к горлу. И кара-ага сдался, забормотал:

– Силахдар-ага приказал... заплатил... Я не сам... Мне приказали...

– Это было бы несколько странно, – сказала Эльза непонятно. – Не совсем вписывается в нормативное течение. – И снова, обращаясь к евноху: – Подумай еще, пожалуйста. Зачем первому пажу убивать новую наложницу?

– Я то-точно не знаю, го-госпожа. – Он трясся мелкой дрожью, и зубы его стучали. – Он что-то говорил, что волнуется за кадын Салиху. Что нехорошо, что к-кто попало так быстро заслужил расположение валиде-султан и самого падишаха...

Тем временем из многочисленных комнат в общий коридор стали выглядывать одалиски и наложницы, потревоженные воплями и шумом. Вид Эльзы с кинжалом в руке заставлял их ойкать, всплескивать руками или закрывать лицо. Из комнатки, где только что произошла попытка убийства, начал струиться дым. Некоторые девушки сразу спрятались назад, другие – продолжали следить за происходящим со смесью страха и любопытства.

– Вам всем лучше уйти, подруги. – Голос Эльзы звучал чисто и звонко. – Этот лживый евнох пытался меня убить. Его помощники закололи Памук. И здесь сейчас будет совсем небезопасно...

Привлеченные звуками суматохи, в конце коридора показались два черных евноха. Оба сначала застыли, затем заторопились к Эльзе.

Она ушла за спину своего пленника, и его плечо пришлось под удар короткой булавы. Евнох взвизгнул и покатился по полу. Два коротких взмаха кинжалом, и первый противник рухнул на землю, обливаясь кровью. Второй замахнулся топориком, разрубил воздух и получил лезвие в живот.

Старший кара-ага уже был в дальнем конце коридора. Спотыкаясь и задевая стены, он несясь, придерживая разбитое плечо здоровой рукой, и беспрестанно вопил:

– На помощь! Ведьма! Она убила! Ведьма! На помощь!..

Эльза подбросила кинжал, перехватывая его за лезвие, и собиралась метнуть его в спину евноху, но первый появившийся страж отряда желтого знамени – внутренней охраны – с ятаганом наголо изменил ее планы. Кинжал просвистел в воздухе и вошел ему точно в ямку под горлом.

Эльза быстро покрыла расстояние до тела, изящным движением подобрала ятаган:

– Лучше, хоть и тяжело для этой...

Полураздетая наложница выглянула и застыла в дверях своей комнаты, не в силах пошевелиться.

– Скажи-ка, милая, где во дворце живет силахдар-ага? – обратилась к ней Эльза дружелюбно.

– Там. – Девушка показала рукой куда-то за спину, не сводя глаз с «ведьмы».

– А точнее можешь? – улыбнулась терпеливо Эльза.

– Во Втором дворе... – Девушка снова показала за спину. – Нужно выйти через Ворота Блаженства.

– Далековато, – отметила Эльза. – Тогда хотя бы проверим логическое несоответствие. Где покои кадын Салихи?

– Наверху. – Наложница показала пальцем в потолок для вящей убедительности. – Лестница ведет со Двора фавориток. Прямо здесь есть выход, направо из коридора, сразу после фонтана имени правителя Сулеймана.

Эльза сбросила неудобные тяжелые сандалии с золотыми пряжками и легким бегом направилась в нужную сторону, но у выхода во двор ее уже встретили два десятка фигур. В свете факелов видны были синие халаты солдат, и за их спинами желтые – черных евнухов, вооруженных топорами, палицами и короткими булавами.

Первые два-три атакующих были мгновенно выведены из строя. Эльза не пыталась парировать удары, а уходила в сторону, изгибаясь, словно ива на ветру, и наносила свой по касательной – смертельный порез на шее. Однако остальные не прекратили наступать и хоть продолжали нести потери, были, по-видимому, твердо намерены не дать ей пробиться из угла у фонтана, куда им удалось ее оттеснить.

– В высшей степени неподходящая морфа для подобной работы! – воскликнула Эльза, задыхаясь от бешеного темпа движений, который ей приходилось поддерживать, чтобы уворачиваться от сабель и выпадов копий. – Стойте! Это правда! Я ведьма! И я сейчас призову джиннов, если вы не прекратите! – выкрикнула она так, что зазвенело в ушах.

Угроза подействовала. Солдаты опешили и на несколько мгновений застыли, переглядываясь. Евнухи замерли с широко раскрытыми глазами, готовые броситься в бегство.

– Так лучше... Можно сфокусировать энергию, – произнесла громко Эльза и воткнула клинок в спину ближайшему поверженному. – А сейчас вы узнаете, что такое резонансный брут-форс *. – Она выпрямилась и обвела их бесстрастным взглядом. – Слышите этот звон?

[* Именно эта часть полностью подтверждает ранее оспариваемую теорию о том, что Эльза была очередной ипостасью одного из Элементов. Ныне эта версия принята практически всеми классическими богословами и иными течениями.]

Один из солдат занес было кривую саблю для удара, но снова замер. Он и другие прислушались к нараставшему звуку, шедшему

будто волнами. Каждая следующая – сильнее предыдущей. Задрезали стекла витражей, занули зубы, кости. Звук все усиливался. Над фонтаном возникли клубы тумана. Вибрация дробила воду на мельчайшие капли, которые отрывались от поверхности и повисали в воздухе.

* * *

Эрденштайн несколько раз успел внимательно изучить каждого придворного, но не находил того, что искал. Он вдруг оборвал свой рассказ о Бремене и своей торговой деятельности, прислушиваясь к чему-то.

Султан поменял положение на троне и собирался что-то сказать, однако шум у входа привлек внимание и его, и всех остальных присутствующих.

Стражи вволокли черного евнуха на подкашивающихся ногах. Он задыхался и мотал головой. Наконец он смог выдавить из себя с трудом различаемые слова:

– Падишах, беда!.. Наложница... новая... Ведьма!..

Султан вскочил с изменившимся лицом. Придворные, хоть некоторые и с сомнением, но тоже все оказались на ногах.

– Убила... – продолжал евнух. – Всех убила... Фатиха, Амира... солдат, всех!.. Напустила джиннов... Я едва спасся...

– Что ты несешь, раб? – Султан шагнул к нему. – Я тебя казню прямо здесь, если ты врешь!

Новая суета у входа приняла облик солдата отряда желтого знамени. Он пал ниц и, приподняв голову, выкрикнул:

– В гареме беда, падишах!.. Новая наложница напала на кара-агалар... Она дерется, как орта янычар. Никто не может ее остановить. В гареме неизвестно как начался пожар. Наложницы сошли с ума и мечутся, словно одержимые. Тут не обошлось без колдовства, падишах! – добавил солдат.

Ропот заполнил зал. Лицо султана посерело от волнения. Кара-ага воспользовался замешательством, подобрался поближе к первому пажу и быстро и сбивчиво забормотал ему на ухо:

– Силахдар-ага, она убила убийц и все знает! Она сказала другим наложницам, что ее пытались убить и что... Нам – конец!.. Если только они все не... – Он бешено завращал глазами.

Первый паж оттолкнул евнуха от себя, подбежал к султану и, рухнув на пол, произнес громко, чтобы перекрыть шум:

– Падишах! Это ужасно, но новая наложница, очевидно, оказалась-таки ведьмой. Она, вероятно, призвала джиннов, которые вселились в остальных девушек, превратив их в армию дэвов. И теперь они убивают всех, кто им попадается. Нужно послать больше солдат,

чтобы их всех истребить и защитить тебя, падишах! Ни жалости, ни промедления не должно быть!

– Ты с ума сошел? – Султан отступил на шаг назад с лицом, перекошенным от волнения и гнева.

Густой звенящий гул вдруг ударил в стены здания. Вибрация заполнила воздух, сотрясла витражи и люстры, оглушила присутствующих и неожиданно спала.

Брови Эрденштайна приподнялись в удивлении.

– А вот, похоже, и резонанс, – отметил он себе под нос.

Пока все приходили в себя, еще один солдат ввалился в зал, держась за голову обеими руками:

– Падишах! Это новая наложница!.. Она превратилась в дэва!.. Она открыла пасть и выпустила рев, который убил и покалечил солдата и евнухов и свел с ума всех остальных наложниц!

Султан обвел глазами советников.

– Нужно действовать, падишах! – сказал старец шейх аль-ислам. – Пресекать колдовство – первейшая обязанность калифа согласно Корану и писаниям. Ничего важнее сейчас нет!

Мустафа нервно коснулся бороды, но это не помогло. Он оглянулся еще раз и наконец произнес тяжелым голосом:

– Пошлите полк дворцовой охраны, евнухов, янычар – всех! Убейте всех в гареме! – И уже тише: – Недаром мне снились эти жуткие сны...

Силахдар-ага поднялся на ноги с нарочито скорбным выражением на лице. Он с трудом скрывал удовлетворенную улыбку. Султан тяжело опустился на драгоценную ткань трона. Взгляд его упал на Эрденштайна, и он разом подобрался и крикнул:

– Купца – схватить и казнить сейчас же за то, что привез ведьму!

– Ну вот вам и пожалуйста, – проговорил себе под нос Эрдештайн, поднимаясь, разминая плечи и готовясь нырнуть под первую алебарду...

* * *

Эльза оставила группу противников у фонтана в бесчувственном состоянии и выбежала во внутренний двор. Двор был теперь полон наложниц и служанок. Они стучали в двери под аркой, соединявшей гарем с остальным дворцом. Однако, по-видимому, никто с другой стороны не собирался их открывать. Из покоев тем временем поплыл густой дым, хорошо видный даже при неверном свете факелов, укрепленных на стенах. Даже под открытым небом гарь мешала дышать, забивалась в нос, резала глаза.

Эльза взлетела по наружной лестнице на галерею и скоро, но без суеты, заглянула во все помещения трех отдельных покоев,

предназначенных для избранных наложниц. Покои были пусты. Эльза вернулась на галерею и, опершись на перила, окинула взглядом суматоху внизу. Двери под аркой распахнулись, и внутрь хлынула толпа солдат дворцовой стражи в синих халатах. Волна врезалась в поток кричащих от ужаса наложниц, и там, где они соприкасались, наложницы падали на мрамор двора тряпичными куклами.

– Велика вероятность, что проводить анализ логического конфликта при подобных условиях будет нецелесообразно и чревато парадоксом, – произнесла Эльза задумчиво. – И, видимо, эти квазиэлементы обречены в результате спровоцированного всплеска.

Без спешки она встала на перила, дотянулась до края черепичной крыши и, оттолкнувшись, рывком подняла ноги, переворачиваясь и вкатываясь на крышу. Она сделала несколько шагов прочь от центра событий, но крики отчаяния и ужаса снизу привлекли ее внимание. Наложницы метались, пытаясь спастись от безжалостных солдат, выкрикивающих: «Режь ведьм! Убивай блудниц!» Некоторые девушки возвращались во внутренние покои, бросаясь в огонь.

– Борьба Постулатов – чрезвычайно некомфортное состояние, – подняла подбородок Эльза, и ее губы вытянулись в линию. – Догмы или нет, но оставить все как есть будет ошибкой для моей сущности лично.

– Эй, господа бойцы! – воскликнула она звучным и чистым голосом, перебившим гам и крики внизу. И под изумленными взорами участников резни, словно птица с крыльями из тонкой материи, слетела с края крыши и ловко опустилась на перила. Головной платок Эльза давно потеряла, и теперь ее длинные волнистые волосы развевались на легком ветру. Колыхалась и материя ее одежды, и от всей ее тонкой гибкой фигуры странным образом веяло уверенностью и силой.

Ручеек оставшихся в живых наложниц устремился вверх по лестнице, в то время как Эльза легко ступала по наклонным перилам в направлении, противоположном потоку. Лезвие ятагана в ее руке блестело красным в колышущемся свете факелов, и первые же пошедшие было в атаку солдаты быстро убедились, что она умеет с ним обращаться лучше самого опытного янычара. Большинство девушек за ее спиной устремилось в покои фавориток, пытаясь укрыться где только можно, однако несколько самых смелых остались с ужасом в глазах наблюдали за схваткой.

Эльза столкнула ногой очередного израненного противника вниз со ступенек, и сама чуть не потеряла равновесие от усталости.

– Неудачная морфа, – повторила она, переводя дух, и продолжила уже громче: – Господа бойцы! Доложите султану, что ведьма здесь – только я. Остальные квази... остальные девушки – непри-

частны! Я покину дворец навсегда, как только вы оставите их в покое...

– Вы все одержимы джиннами! – выкрикнул молодой солдат у подножия лестницы.

– Надо подумать, – сказал его более старший товарищ и нервно потянул себя за ус свободной от оружия рукой.

Мгновением позже несколько стрел, синхронно пущенных стрелками-солаками, присоединившимися к нападавшим, вонзились бы точно в сердце Эльзе, но молниеносным движением ятагана они были сбиты в сторону, и их обломки только оцарапали стену. Вздых благоговейного ужаса прокатился по рядам солдат: «Колдовство!»

Стоя несколькими шагами дальше на галерее, Салиха не спускала глаз с фигуры Эльзы.

– Она смелая, – сказала она, наклонив голову. – Это так необычно для рабыни...

– Да, госпожа, – согласилась Айгуль, ее служанка. – Но ведь она же ведьма! Это по ее вине нас пытаются убить!..

После некоторого колебания солдаты все же перешли в наступление, и Эльза, чувствуя, что теряет контроль над изнуренными мышцами, начала отход наверх, постепенно сближаясь с группой девушек, остававшихся на галерее.

Айгуль колебалась, но когда Эльза не сумела отбить одну из стрел, пронзившую ей икру и упала на одно колено, служанка рывком вытащила из своего гребня тонкое лезвие и бросилась вперед.

– Мы не виноваты! Я убью ведьму! – крикнула она, заноса руку и метя Эльзе в шею.

– Стой! – крикнула Салиха, устремляясь за Айгуль и пытаясь схватить ее за руку.

Все произошло в одно мгновение. Эльза инстинктивно начала разворачиваться, выставляя вперед ятаган для защиты. Салиха ухватила Айгуль за локоть, отталкивая ее в сторону, но и сама потеряла равновесие.

Бесстрастное лицо Эльзы изменилось, ибо ятаган полоснул по телу Салихи. Густая темная жидкость хлынула на ее светлую одежду. Жидкость тут же вскипала, образуя крупные черные глобулы, отрывавшиеся от тела и плывущие вверх. Словно ожив, ятаган вдруг вырвался из руки Эльзы и взмыл в воздух. Взвилась и повисли в пустоте алебарды, луки, кривые сабли. Темный воздух заполнился гудением. Ухватившись за стойку перил, Эльза произнесла сквозь сжатые от отчаяния зубы:

– О Благо... Цидосвертывание...

Из раны Салихи хлынул черный свет. Порез на ее теле раздался и превратился в сферу, затягивающую в себя воздух и все, что было

в нем. Тело Салихи оторвалось от пола, и только голова и ноги не были еще поглощены растущей из ее живота черной дырой. На лице ее застыло выражение удивления. Завихрения воздуха уже срывали с крыш черепицу, неся ее в черноту сферы. Солдаты пытались бороться с диким ветром, увлекавшим их за собой, словно бурный поток – щепки. Сфера вдруг взорвалась снопом черного света и тут же втянулась, в одно мгновение поглотив самое себя и всё вовне... *

[* В распространенной трактовке – здесь описано Второе Вознесение после второй попытки Пробуждения. Однако до сих пор многие богословы считают, что Сын не стал бы принимать женскую форму, и Салиха была лишь его пророком или вовсе иным Элементом. Все сходятся в том, однако, что Элемент в ипостаси «Эльзы» совершил ужасный грех, хотя далее толкования расходятся – был ли он совершен при полном ведении Блага-отца и являлся ли частью Высшего Плана. План в таком случае заключался, как считают многие известные богословы, в том числе Ал-Раз, в том, что Сын намеренно принес себя в *жертву* перед Вознесением – ради просветления и совершенствования человечества.

Эфемеры считают, что употребление термина «свертывание» в тексте однозначно указывает на божественную природу Салихи, и подтверждают, что Сын принял ее форму. Неожиданным образом, восстановленный нами пассаж диалога Элементов – далее по тексту, – подтверждает эту точку зрения.]

* * *

...Хеклер опустился на колени, тяжело дыша и хватаясь за лоб.

– Именно поэтому, коллега, я теперь уделяю гораздо больше внимания струнному анализу и абстрактной логике в последовательности действий, – произнес Вессон, опуская руки.

– У вас не было возможности провести струнный анализ при тех обстоятельствах, – покачал головой Хеклер, приподнимаясь.

– Я обязан был осуществить хотя бы поверхностное сканирование, – бесстрастно возразил Вессон, подавая ему руку и помогая встать.

– Нет никакой гарантии, что результаты были бы хоть сколько-нибудь значимы при заданной погрешности. – Хеклер выпрямился, поправил галстук и скривил рот в насмешке. – Но даже не это важно. Важно, что он был там! Да, мы сделали ошибку идентификации, и это неудивительно. Характерные потоки вели во дворец и предвзвешенно сходились на первом паже. Но было не так очевидно, что настоящий *он* решит принять такую необычную для той итерации форму – женскую форму, которая при поверхностном взгляде была перегружена недостатками, дополнительными рисками и ограничен-

ниями. Не так просто было догадаться, что потоки ведут к Салихе, а силахдар-ага – не более чем промежуточный узел.

– Я не ищу вашей помощи в оправдании своей ошибки, – холодно прервал его Вессон, поворачиваясь, чтобы продолжить путь к особняку.

– Не сомневаюсь! – усмехнулся Хеклер. – Но я и не собирался вам предлагать оправдание. Я пытаюсь обратить ваше внимание на другое – на то, что, несмотря на нашу ошибку, интуитивным путем мы вышли на него. Вы даже приняли аналогичную морфу и оказались в непосредственной близости от Салихи! Более того, вы даже собирались исследовать логический конфликт, в котором она выступала агентом. Мы были в шаге от успеха! Попробуйте же испытывать чуть больше доверия к интуитивному подходу, Принцип! – Он догнал Вессона и бросил на него смешливо-вопросительный взгляд.

– Пентхаус принца – на шестом, – ответил тот невозмутимо. – Давайте поторопимся, коллега, пока внимание охраны отвлечено происходящим у ворот.

Хеклер сокрушенно покачал головой:

– Ваша форсированная перестройка после того вызова и, как следствие, ваша новая постулатная начинка сделали вас воплощением абстракции, коллега.

– «Воплощение абстракции» – это терминологическое противоречие, Модуль.

– Это не противоречие, Принцип, – уже с обычной иронией ответил Хеклер. – Это – метафора.

– Попробуйте вместо лингвистических упражнений сфокусироваться на эффективной последовательности действий. Например, еще шаг – и мы попадем в зону обзора камеры над входом. – Вессон удержал Хеклера, и тот замер с поднятой ногой. – Предложения?

Хеклер поставил ногу на место и всмотрелся в просвет между крупными глянцевыми листьями магнолии:

– Похоже, некоторые «наложницы» любят свежий вечерний воздух, что очень похвально, ибо они при этом оставляют окна широко открытыми. Мы попадем вон в ту камеру, прилепленную под балконом, но на очень короткое время. Неизбежный риск, так сказать. Вот это окно. – И он показал подбородком на ярко освещенное окошко на первом этаже. Занавески слегка колыхались, движимые вечерним бризом.

– Но квазиэлемент, там находящийся... – начал Вессон, но Хеклер оборвал его:

– Предоставьте это мне.

– Я не думаю, что... – снова попытался возразить Вессон, но Хеклер просто вышел из кустов, в одно мгновение покрыл расстояние

до окна и перемахнул через подоконник, скрывшись внутри комнаты.

Девушка с тонкими чертами, невысокая и черноволосая, сидела у откидного стола и, смотря в зеркало на стене, аккуратными движениями снимала салфеткой макияж.

Она заметила движение краем глаза, и одновременно до ее ушей дошел мужской голос мягкого приятного тембра:

– Не беспокойтесь, это охрана, мисс. Мы проверяем периметр, а у вас тут окно настежь. Оставляйте его на защелке лучше.

Девушка задыхнулась ужасом в первое мгновение, но субъект был в безупречном костюме, с безупречными чертами и безупречной, даже чарующей улыбкой. И она выдохнула, так и не закричав.

Субъект поклонился и, окинув ее пронизательным взглядом быстрых блестящих глаз, вдруг продолжил на венгерском:

– Мы новые охранники, я – Хеклер, а это, – он обернулся и указал на второго мужчину, легко перемахнувшего через подоконник, несмотря на внушительные габариты, – мой коллега Вессон. Мы обходим всё здание и все комнаты. У вас, кроме окна, похоже, всё в порядке. Мы теперь поднимемся на второй этаж.

– Вы говорите совсем без акцента. Вы жили в Венгрии? – спросила девушка с некоторым замешательством.

– Нет, – мечтательно повел в сторону глазами Хеклер, – но вот моя мама была родом из Эгера. А теперь мы вас покинем. Но, если что, обращайтесь...

Они вышли из комнаты.

– Какая удача, что вас не посетила идея тоже попытаться заговорить с ней на венгерском, – заметил Хеклер негромко, затворяя за ними дверь.

– Я серьезно колебался, – ответил Вессон. – И ни одна из логических формул не давала однозначного ответа. Ваше поведение иногда не имеет никакого последовательного характера. И это мешает мне делать правильные умозаключения... Тем не менее – коридор пуст, поэтому давайте применим координатное скольжение до точки назначения, чтобы поменьше попадать в объективы камер.

Обе фигуры застыли и со скоростью, за которой не смог бы уследить человеческий глаз, достигли конца широкого коридора с лепниной под потолком и так же – размытым пятном – исчезли за поворотом лестницы. Негромкий свист вспорол воздух и рассыпался, перешел в дуновение, тоже вскоре прекратившееся.

Электронный замок щелкнул, когда Вессон приложил к нему руку, и тяжелые створки дубовой двери бесшумно пришли в движение, открываясь внутрь наподобие ворот.

Хрустальная люстра под высоким потолком вспыхнула светом, переливаясь тысячами радужных бликов и открывая взгляду роскошное убранство помещения.

– Хм... – прокомментировал Хеклер, оглядывая диваны, обитые телячьей кожей, внушительных размеров бар у стены, сверкающий стеклом резных бокалов и полный бутылок с разноцветными этикетками известных марок дорогого алкоголя, паркет вишневого дерева и огромную кровать в глубине помещения – всё под высоким потолком в два человеческих роста и окруженное стеклянными стенами с видом на залив, где в темноте перемигивались маяки. – Пожалуй, суммарный коэффициент совпадения только что потерял несколько пунктов, – добавил к междометию Хеклер.

– Вероятно. Но, как вы помните, он склонен к неординарным ходам, – сказал Вессон, заставляя дверь закрыться и направляясь к кожаному канапе. – Поэтому не будем так скоро отпускать эту нить, чтобы не совершить ошибку, похожую на известный случай.

Хеклер с комфортом уселся на диван напротив, налил себе воды из хрустального графина со стеклянного столика между ними и спросил:

– Вам совсем неинтересно, что там сейчас происходит с этой девушкой внизу?

– Только в той мере, в которой это может повлиять на исход нашей миссии, – невозмутимо ответил Вессон и поправил рукав белоснежной рубашки.

– А откуда вы знаете, какова может быть эта мера? – спросил Хеклер с самым невинным видом.

– Вы опять возвращаетесь к той же дискуссии, Модуль. Не жгите впустую энергию Грёзы. Вам известны формулы динамической оценки сцепленности*.

[* Согласно мнению консультанта по квантовой механике, речь идет, вероятно, о взаимосвязи объектов макромира посредством квантовой спутанности составляющих их субатомных частиц.]

– А если она, например, погибнет? – Хеклер поставил стакан и с нарочитым безразличием откинулся на мягкую спинку дивана.

– Схлопывание квазиэлемента вследствие естественных всплесков в ткани Грёзы не является ни чем-либо экстраординарным, ни заслуживающим излишнего внимания. – Вессон прислушался к приглушенному крику, донесшемуся откуда-то снизу, но затем снова перевел взгляд на Хеклера. – И более того, оно является частью опыта, необходимого для разрастания его бытия*.

[* В классической интерпретации речь идет о признании неизбежности и необходимости жертвы, если она приносится по воле Блага и во имя Пробуждения.]

– Опыт бывает разным... – начал Хеклер и снова потянулся за графином.

– Любой опыт в контексте Грёзы имеет ценность, коллега, – перебил его Вессон, не повышая тона.

– ...возможно, что, оставшись в живых, она представит собой больше ценности и для него, и для нас, – продолжил Хеклер, не обращая внимания на реплику.

– Вы этого не знаете, коллега, – возразил Вессон и снова прислушался.

– Я уже упоминал о своих озарениях? – спросил Хеклер, приподнимая брови. – И о том, что они являются моим естественным свойством? И о том, что это свойство – не случайное, а имеет предназначение?

– Моя теория, коллега, заключается в том, что они являются некоторым побочным эффектом ваших других, действительно намеренно заданных характеристик, – парировал Вессон, не изменяя, впрочем, благожелательно-нейтрального тона. – И что оценка их действительной полезности затруднительна. Вмешательство же в естественные возмущения ткани Грёзы, с другой стороны, оценивается достаточно определенно, и риск...

Замок щелкнул, и створки входных дверей разошлись в стороны.

– ...она хотела вас опорочить, ваше королевское высочество, но я вовремя предупредила охрану, – ворвалось в помещение женское контральто с явным испанским акцентом.

В дверях появилась эффектная девушка на высоких каблуках и немолодой полный мужчина в белой тобе * с золотыми вензелями на манжетах и краю полы. Полупрозрачная ткань длинного платья на девушке сверкала и переливалась стразами. Камни на ее диадеме выглядели натуральными. Более натуральными, чем высокая грудь, просвечивающая сквозь тонкую бежевую материю.

[* Традиционная исламская мужская одежда – длинная роба, надеваемая через голову.]

Принц был чем-то заметно раздосадован – выражение недовольства застыло в уголках его широкого тонкого рта. Он приложил моленные четки к электронному замку, заставляя створки дверей прийти в движение, закрываясь, и обернулся удивленно на испуганный возглас своей спутницы.

Девушка вскрикнула и поднесла руки к лицу, глядя на двух мужчин, с балетной синхронностью поднявшихся с широких диванов у стеклянной стены.

– Добрый вечер, ваше королевское высочество, – сказал на безупречном недждийском смуглый субъект с живыми чертами лица. – Благодарим вас за согласие встретиться с нами, чтобы обсудить

наши совместные интересы в новом проекте, направленном на усиление безопасности королевства.

– Я не припоминаю, чтобы... – сказал принц с сомнением, бросая взгляд на уже закрывшуюся дверь.

Второй мужчина – плечистый, высокого роста и с идеальным пробором – выступил вперед и произнес тоном приятным и уверенным:

– Абдулла уверил нас, что довел до вашего сведения все детали нашего визита.

– И ваш начальник охраны любезно согласился разрешить нам подождать вас здесь, – ввернул смуглолицый.

– Бакр? – удивленно переспросил принц.

– Да, Бакр, именно он, – ничтоже сумняшеся, подтвердил субъект. – Позвольте наконец представиться лично. Я агент Хеклер. Со мной старший агент Вессон. – Он показал на одного широким жестом и протянул принцу руку.

– Бакр об этом ничего не сказал. – Брови принца слегка сошлись, и голос приобрел повелительный оттенок.

– Несомненно, он просто запамятовал по причине небольшого инцидента, который произошел сегодня на территории вашего поместья, – невинно заметил Хеклер. – Надеюсь, с девушкой не произошло ничего серьезного? Такая досада... Эти случайности... Самое страшное, когда иностранная пресса пытается из таких пустяков раздуть международный скандал, не правда ли? Надеюсь, конечно, что лишняя информация не просочится за пределы королевской семьи... – И он посмотрел принцу в глаза с выражением преданного дружелюбия, за которым, впрочем, несложно было разобрать очертания насмешливой иронии.

– Алисия, детка, – обратился принц к девушке на хорошем английском, – оставь нас, пожалуйста. И займись там пока... сама знаешь... – И он направил на нее выразительный взгляд.

– Полноте, ваше королевское высочество, – развел руками Хеклер. – Если бы нашей целью было лишить вас жизни, мы бы уже могли не один раз это сейчас сделать. – Он обернулся к девушке и на безупречном испанском добавил: – Тебе, милая, действительно лучше нас оставить, чтобы не слушать скучные разговоры. Однако не нужно создавать переполоха, ибо он не будет приятен принцу. Информация, которой мы располагаем, весьма деликатна и даже компрометирующая. Не нужно лишнего шума и рисков.

Принц Халид воззрился на Хеклера, затем открыл дверь и кивнул Алисии в подтверждение того, что она может выйти. Она цокнула каблуками, шагнула за порог и сверкнула сердито на прощание глазами, заставив Хеклера с подозрением качнуть головой.

– Ох женщины, – обратился Хеклер к принцу. – Уверен, что Алисия сейчас приведет сюда весь ваш штат охраны. Но думаю, что вы сможете им объяснить избыточность их присутствия. Ибо никому не нужно знать о том, что происходит за стенами этого замечательного райского уголка – вашего поместья. Ведь непременно найдутся ханжеские личности, которые начнут тыкать пальцами в харам-алкоголь в вашем баре, в девиц и совать свой нос в инцидент, происшедший ранее. Нам известно, что даже внутри королевской семьи у вас есть недруги. Не так ли, шейх Халид?

Принц смерил Хеклера взглядом, затем проговорил с напускной уверенностью:

– Безупречно. Так же, как и ваш арабский. При условии, конечно, что вам удастся покинуть эту комнату и эту территорию живьем. Но допустим... Мне пока просто любопытно – что вам здесь нужно, если не моя жизнь?

– Ничего особенного, – пожал плечами Хеклер, указал рукой на кожаное канапе и сел первым, подавая пример. – Мы с коллегой обратили внимание на целый ряд очень и очень прозорливых решений, которые вы приняли как в политическом контексте, так и в инвестиционном. Вы единственный из всех наследных принцев (из всех семи с лишним тысяч наследных принцев), кому удалось преумножить личное благосостояние в десятки раз, подняться по негласной иерархии королевской семьи почти до самой вершины и стать самым влиятельным тайным советником короля. Хотелось бы знать, есть ли у вас комментарии по поводу такого сногшибательного успеха.

– Это не он, – вмешался вдруг Вессон, и его обычный приятный голос приобрел новый оттенок.

– Вы уверены? – спросил Хеклер с легким разочарованием.

– Я провел довольно детальный струнный, пока вы беседовали. И я уверен, что это не он. Но то, что я вижу – сверхординарно. Сначала я предположил, что это просто очень плотное сплетение, указывающее на нестандартные индивидуальные характеристики квазиэлемента, но теперь... – Он сделал паузу и, не сводя пристального взгляда с принца, добавил: – Я уверен, что перед нами **два** набора струн, которые имеют лишь ограниченное число переплетений между условными октавами *.

[* Некоторые ранние богословы утверждали, что принц был одержим Антиэлементом, демоном, который притворялся Сыном, и что Элемент Принцип раскусил обман.]

– То есть... – начал Хеклер.

– Я не могу быть уверен, ибо мы впервые с таким сталкиваемся, но все же думаю, что замкнутый резонанс поможет, по меньшей

мере, получить дополнительные данные для анализа, – заключил Вессон.

– Вы не ответили, что вам нужно! – повысил голос принц.

– Позвольте пожать вам руку, – сказал Вессон. – И больше – ничего...

Не поднимаясь с места, принц с усмешкой вытянул вперед левую руку *. Его лицо изменилось, когда он понял, что это нисколько не смутило Вессона, который сделал шаг вперед, явно намереваясь взять его за кисть своей правой рукой. Принц попытался отдернуть руку, но Вессон был быстрее, заключив его запястье в своей мощной руке. В то же мгновение дрожь прошла по телу принца, заставив его зубы стукнуть. Затем еще и еще раз. Принц с ужасом воззрился на Вессона, но тот лишь невозмутимо качнул головой:

[* Левая рука считалась нечистой в религии Ислама. Ей, например, подтирались. Подать левую руку означало тяжкое оскорбление.]

– Потерпите, прошу вас. Это странное ощущение, но, в общем, безболезненное.

– Мне больно! Отпусти меня, неверный! Будь ты проклят! – выговаривал принц, с трудом двигая непослушным языком.

– Что-то не так... – Хеклер подошел ближе и всмотрелся в лицо принца.

– Я вынужден пытаться найти гармоничные колебания в условиях двойного набора струн, – ответил Вессон, не ослабляя хватки. – Это нетривиальная задача.

– Чтоб тебя! – воскликнул Хеклер. – У него пена изо рта.

– Хорошо, – быстро ответил Вессон. – Попробую перебрать по одному...

– Посмотрите на глаза! Они цвет меняют, – с удивлением заметил Хеклер.

Мутно-зеленый оттенок глаз принца закрутился вензелями в его радужке, и на зеленом начал проступать густой черный – микроскопическими разводами, будто чернила в воде.

Лицо принца быстро менялось, черты заострились – он разом будто похудел, в глазах появилось сознательное выражение. Он вскочил рывком и с такой силой, что увлек за собой Вессона, который вынужден был схватить принца второй рукой, чтобы не упустить.

В эту же секунду тяжелые створки дверей пришли в движение, впуская группу подтянутых, гладко выбритых мужчин в одинаковых черных костюмах. Оружие в их руках было тут же направлено на Хеклера и Вессона.

– Отпусти принца немедленно! – потребовал тот, что ворвался первым.

Требование оказалось чисто формальным, ибо пистолеты в руках прибывших почти тут же принялись изрыгать пламя.

Хеклер успел нырнуть за спинку тяжелого канапе и без видимой задержки выпустил несколько ответных пуль в противника.

Вессону пришлось проделать сложное движение, уходя с линии огня. Принц, с неузнаваемым, но уверенным лицом, рванулся в сторону и успешно разорвал контакт. Пригнувшись, он сделал несколько быстрых шагов в направлении террасы. Предоставив Хеклеру, уже успевшему вывести из строя двоих, самому сдерживать напор нападавших, Вессон поспешил за принцем, но опоздал. Его рука схватила воздух, в то время как белая фигура принца с необычным для человека его комплекции проворством покрыла расстояние до края, перемахнула через ограждение террасы и камнем полетела вниз.

Вессон оказался у края мгновением позже и, вцепившись в перила, искал глазами движение вниз. Белая фигура, призрачная в свете садовых светильников, лежала неподвижно прямо под террасой, окаймленная голубым дорожки. Внимание Вессона привлекла вторая фигура – человек в темной длинной одежде, чем-то напоминающей плащ, бегом направлялся от тела принца в глубину сада. Перед тем как скрыться в тени деревьев, он бросил короткий взгляд назад, который, как показалось Вессону, вонзился в него, словно лезвие кинжала.

Пуля, выпущенная с другой стороны сада, чиркнула по перилам совсем близко, заставив Вессона пригнуться. Он уложил стрелявшего точным выстрелом в ответ и вернулся назад, чтобы помочь Хеклеру завершить перестрелку. Через тридцать секунд все было кончено.

– Горячие парни, – заметил Хеклер, поднимаясь из своего укрытия. – И довольно меткие. – Он приподнял полу пиджака, показывая кровавое пятно у себя на боку. – С трудом избежал парадокса. Но торопятся слишком.

– Нам тоже следует поторопиться, коллега, – заметил Вессон. – Скоро тут будет вся полиция города и, по всей вероятности, спецслужбы тоже. Я вижу, что повреждение струн у вас достаточно повредительное – вы можете идти?

– Могу, – ухмыльнулся Хеклер. – Пара сломанных ребер и только. Идти несложно. Дышать сложно...

– Рад это слышать, – кивнул Вессон с самым серьезным выражением лица. – Пойдемте скорее. Координатное скольжение до первого встречного.

– О Благо! – сдавленно засмеялся Хеклер. – Вы совсем лишены иронии, коллега...

* * *

– Назад, назад! Не выходите! – выкрикивал Хеклер то на одном, то на другом языке в адрес прелестных девичьих головок, с испугом выглядывавших из-за дверей комнат.

Впрочем, вид оружия в руках обоих мужчин действовал убедительнее любых слов.

Они уже были готовы ступить за порог главного входа, как Вессон вдруг замедлил шаг и обернулся. Хеклер удивленно поднял брови, пытаясь разобрать выражение на лице спутника.

– Я бы ни в коем случае не стал этого делать, но то, что мы сегодня увидели, заставляет меня расширить допустимый диапазон неформализуемых манифестаций энергии гипнойкумены, – проговорил Вессон обычным благожелательным тоном.

– То есть? – Хеклер скривил губы в хитрой недоверчивой улыбке.

– То есть, вопреки некоторому повышению риска индивидуальной дезинтеграции, я не только придам вашим озарениям больше авторитета, но и предприму действия на их основе.

Он развернулся и зашагал в обратном направлении. Продолжая глядеть на Вессона с недоверчивым прищуром, Хеклер через секунду все же кивнул и направился вслед за ним.

– Вы сюда не войдете! – раздался разъяренный голос из-за двери контрольного центра. – Я вас вижу на камерах. Здесь бронированная дверь и двойная аутентификация в замке. И полиция будет здесь с минуты на минуту.

Хеклер попробовал рассмеяться, но тут же схватился за ребра. Вместо смеха он поднял голову и помахал рукой камере. Тем временем Вессон приложил руку к электронному пульта замка, и через секунду тот послушно щелкнул.

Не теряя времени, Вессон толкнул плечом тяжелую дверь, и Хеклер с ходу всадил пулю между удивленных глаз одного из двоих мужчин, находившихся внутри.

Бакр сильнее сжал локтем горло Лизы. Слабыми тонкими пальцами она пыталась отвести его руку. Лицо ее покраснело.

– Бросьте оружие, и я сохраню вам жизнь, – приятным голосом обратился к нему на арабском плечистый блондин с идеальным пробором.

– И, напротив, если вы сейчас ее задушите, я применю свои весьма обширные познания в области анатомии и физиологии для того, чтобы сделать вашу смерть как можно более мучительной, –

поведал с недоброй улыбкой второй субъект – смуглый и с приятным лицом.

– Я знаю моего коллегу, и я бы на вашем месте послушался, – подтвердил блондин, не меняя тона и положения пистолета, направленного Бакру в центр лба.

Поколебавшись и оценив шансы, тот отшвырнул пистолет и ослабил хватку. Лиза рухнула на пол, закашлялась, хватая ртом воздух.

С самым дружелюбным лицом Хеклер сделал шаг вперед, схватил Бакра за ворот и с хорошей амплитудой ударил его головой о стойку, на которой держались ряды мониторов.

Бакр вскрикнул, вцепился в его руку:

– Вы обещали!..

– Обещали тебя не убить, а не сохранить тебя невредимым, – любезно поправил его Хеклер. – Теперь слушай внимательно. Мой коллега сейчас сотрет всю информацию с дисков. – Он указал подбородком на Вессона, который приложил руку к серверному шкафу и внимательно наблюдал за перемигиванием лампочек. – Твоя задача сказать полиции, спецслужбам, внутренней службе безопасности королевской семьи – кому угодно, что вас атаковали четверо в масках, которые говорили, скажем, на китайском. И убедись, что все остальные скажут то же самое, включая девушек. И будь с девушками поласковее, ибо я тебя могу навестить снова. Без своего коллегии. Ибо он слишком милостив...

Его прервал громкий электрический треск. Из серверного шкафа повалил дым. По экранам прошла рябь и погасла.

– Бакр! Там... Принц мертв! – В дверях показался запыхавшийся брюнет с подведенными глазами. Он охнул и по-женски прикрыл лицо руками, увидев картину смерти и разрушения внутри контрольного центра. – Лиз, детка! – заметил он девушку и бросился к ней. Поднял ее с пола и помог сесть в большое кресло у одного из рабочих столов.

Хеклер смерил его внимательным взглядом и сказал по-французски:

– Эй, приятель! Ты здесь с девушками работаешь?

– Да, – ответил тот, подавая Лизе бутылку воды. – Они мне почти как сестры. Если бы не этот. – Он ткнул пальцем в помятого Бакра, держащегося за затылок.

– Отлично, – кивнул Хеклер и перешел на арабский: – Присматривай за ним. Я тебе оставлю свой номер на всякий случай...

* * *

«Тесла» резко вильнула в сторону и бесшумно притормозила у одного из входов в столичный аэропорт, сверкающий огнями, как торговый комплекс.

– Ваш выход, миледи, – сказал Вессон вежливо на английском, бросив взгляд на Хеклера.

Тот усмехнулся и повернулся к девушке.

– Пора домой, Лиза. – Он сказал это на русском, да еще с явным аканьем, и глаза девушки широко раскрылись. – Думаю, тебя там ждут больше, чем здесь.

Она закивала, коснулась ладонью глаз, вытирая влагу:

– Спасибо! – Затем вспомнила о чем-то, и ее глаза блеснули тревогой: – Почему вы мне помогаете? Кто вы?

– Мы? – Хеклер театрално повел глазами. – Агенты высших сил, скажем так. – Он улыбнулся с иронией, давая понять, что шутит.

Но Лиза, видимо, упустила иронию. Глаза ее раскрылись шире.

– Ангелы *... – прошептала она. – И на языках говорят на всех...

[* Архаичный термин, приблизительно соответствующий значению слов «Элементы Блага».]

– Мы не ангелы, Лиза, – комично замотал головой Хеклер. – Мы просто делаем некую работу. Но мы будем на связи. Не правда ли, коллега? – обернулся он к Вессону.

Вессон достал из кармана телефон, быстрым движением приложил к корпусу ладонь. По экрану пошла радужная рябь, он мигнул и высветил приветствие на русском.

– Он перепрограммирован, – прокомментировал Вессон, передавая ей гаджет. – Будет работать без оплаты в любой точке мира, где есть покрытие хоть у одного оператора. Также на нем электронный билет на ближайший рейс на Москву – через час. Вы уже зарегистрированы.

Хеклер протянул ей упитанную пачку купюр:

– Удачи, Лиза. Иди и впредь не делай глупостей *...

[* В одном из источников: «Иди и впредь не греши». Об изначальном варианте, до переводов, эксперты спорят.]

Воздух был горячим и влажным, но Лизу пробирала дрожь, когда она, перестукивая по бетонной плитке каблукками, шла ко входу в терминал. В какой-то момент она не выдержала – обернулась, но красной «Теслы» уже не было на стоянке.

«Ангелы», – улыбнулась она сама себе. Она знала лучше...

* * *

– Так кто, по-вашему, был этот второй? – обернулся к Вессону Хеклер.

Вессон сосредоточенно вел «Теслу», без рывков, с безупречной четкостью используя моменты, чтобы обогнать какую-нибудь машину, перестроиться, уйти в переулок, чтобы объехать скопление автомобилей.

– У меня нет немедленных гипотез с какой-нибудь достаточно значимой величиной достоверности.

– Откуда он вообще взялся? – спросил Хеклер, обращаясь не то к Вессону, не то к самому себе.

– На этот счет у меня есть гипотеза, – сказал Вессон и бросил на коллегу многозначительный взгляд...

Конец Первой части

Исследовательская группа продолжает работу над Второй частью – ведется обработка источников, сопоставление трактовок, регистрация комментариев специалистов и богословов. Мы надеемся представить результат широкому читателю (не исключая атеистов) в скором времени.

Ольга Илясова СТИХОТВОРЕНИЯ

ЛАДЬЯ ВЕЧНОСТИ

Тени длиннее и краски слабей –
Капли на донце.
Катит к закату дневной скарабей
Жгучее солнце.

День был сплетением сказочных троп
В дивном балансе.
Ластится под ноги теплый Апоп,
Просит: «Останься!»

Вечность в порту приготовила челн,
Дверь приоткрыла.
Ка Нефертити танцует у волн
Древнего Нила.

Тише, темнее, под кровлей звенит
Звездное семя,
Пересыпается в снах пирамид
Гулкое время.

Мелким песком – все, что жаль и не жаль,
Что не успели...
Зелье Анубиса – горький миндаль,
Красная зелень.

Чертит тростинкой на тьме Имхотеп:
«Спишь – или выйдешь?
Хочешь, не хочешь ли, глух или слеп –
Слышишь и видишь».

День утонул в звездных ритмах и мгле,
Солнце дотлело –
С воспоминаниями о тепле.
Ах улетела.

Завтра не вспомнят утраченный след
Лотос и ирис...
Встретит твоими глазами рассвет
Новый Осирис!

ГОРОД НАГОВ¹

В Городе Нагов не светит далекое солнце.
Там, над текущей в Подземье лиловой рекой,
Где полумрак, и с горы тихий звон раздаётся,
Правит слепая Хозяйка ночных мотыльков.

В городе этом всегда силуэты в тумане.
Нет, не шаги, а шуршание по мостовой.
Кофе как кофе, коты как коты, без обмана.
Липы шумят у фонтанов листвой голубой.

Помнишь просторные залы и тесные норы,
Крепко забытые двери под тенью плюща?
Время, когда полутон и намеки в фаворе,
Место, где нужно прощаться и трудно прощать?

Сердце сжимается – что-то в нем помнит о важном:
Двери, туман, чешуя, огоньки светляков...
Если блуждал там во сне, то вернешься однажды
Снова туда хоть в одном из бесчисленных снов.

Будешь искать, будешь биться в резные ворота:
«Мне нужно в Город, Хозяйка! Пусти же, пусти!» –
«Вспомни сначала то самое важно что-то,
Ну а потом приходи, а пока что – прости!»

Нечего делать – вздохнешь и шагаешь к рассвету.
Значит, не время, а тут впереди столько дел...
Может, по случаю здесь и найдутся ответы –
Те, что на той стороне ты найти не сумел.

¹ Наги (санскр. наг – «змея») – змееподобные мифические существа в индуизме и буддизме. Изображаются в виде змей с человеческим торсом и человеческой головой, укрытой сверху веером змеиных голов. Обитают в пещерах и водоемах, на земле, в воде или под землей. (Примечание автора.)

ЗОВ И ОТВЕТ (ОБРЯД)

*Взгляд со стороны волшебных существ,
вызванных магом во время обряда*

Он загнал нас в ловушку из слов и времени,
Из углов, состояний, лучей планет.
Городской, неумелый, без рода-племени –
У таких ничего, кроме воли, нет.
Только свитки, книги, сухие знания,
Что без искры жизни – опасный бред.

Любопытства нет, есть одни желания...
От таких дождешься лишь крупных бед.
Не несут подарков, не просят правильно –
Чтобы сталь под бархатом, яд и мед,
Чтоб стихи, чаруя, границы плавили –
И летишь к тому, кто вот так зовет...

Эти – нет, у этих нос вздернут до неба,
Сила есть, а прочее – на авось,
Ну а если в дар и приносят что-нибудь,
То швыряют, словно собаке кость.
Эти злы и выдернут волей, силою в голый круг,
Где мечешься и рычишь –

И... давай им мудрое и красивое.
Невозможно, глупо... Но ты молчишь.
Покоряешься, гаснешь и соглашаешься,
Что из камня вырастет дивный сад,
Тонко врешь ему и совсем не каешься,
Пусть получит все – будет сам не рад.

Ну а мы дождемся, найдем по запаху,
Через год, века, через грань миров.
Свора Гончих помнит охоты навыки.
Каким был твой зов – и ответ таков.

Сергей Шоня
BABY YOUTH NIHIL BABY

Сумасшедшие столпотворения,
балаганы, очереди последовали за
уличным закатом, пыльным бродягой.
...я только сорвал цветы Вечности
на могиле разума, и напрямиком к Тебе...

Жаль,
и Ты затерялась в безумном параде времен.
Пусть же будут его тайнами:

«XX: Ветхий Завет психонавтики»,

«XXI: остается лишь Небо»,

«Мало кто видел, что на другом берегу,
и никто оттуда не возвращался»,

«Ни потерянного, ни несбыточного»...

Джерри ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Лео рано осознал, что он родился для того, чтобы умереть. Когда он впервые с удивлением понял это, в его маленьком мире все сразу встало на свои места.

«Вот как это работает», – с приятной усталостью подумал Лео и твердо решил не затягивать с главным делом жизни.

Умереть – это вам не уснуть, это сложнее. Лео настойчиво искал встречи со смертью, но всякий раз она ускользала. Однажды она даже пришла к нему домой, но именно в это время он отвлекся на прогулку с друзьями, и они разминулись. Смерть огорчилась и, чтобы не уходить с пустыми руками, забрала дедушку. Лео ужасно горевал.

– Смерть должна была забрать меня! – сказал он скорбящим родителям, и те, обняв Лео, по очереди поцеловали его в лоб.

Через месяц они отвели сына к психотерапевту, а через полгода развелись.

К шестнадцати годам Лео вычитал о новом для себя способе приблизить встречу со смертью – несчастной любви. Он затевал отношения с самыми красивыми и оттого ветреными девчонками, но ни одна из них не смогла как следует разбить его сердце. Конечно, Лео сильно хотелось, чтобы кто-то увидел сны его глазами, но ни одна измена не тронула его всерьез. Все было тщетно.

– Дайте мне три килограмма самых сладких фиников, – попросил он на рынке.

– Зачем тебе так много? – удивился смуглый продавец.

– Я хочу умереть от счастья, – сказал Лео, и торговец, с пониманием кивнув, добавил еще сто грамм фиников бесплатно.

Однажды Лео с удивлением обнаружил, что симпатичная сотрудница, с которой они работали в одном кабинете, настоящая богиня. Она переехала лишь недавно, когда снова вошли в моду древние боги. Лео наблюдал за ней, наполняясь полуденным светом, пробивающимся сквозь ее локоны на рабочий стол. Они и не заметили, как их тени на полу слились в одну.

Лео предложил вместе поужинать и сходить в кино.

– Если ты таким образом добиваешься, чтобы я подарила тебе вечную жизнь, то не надейся. Мы всего лишь вместе работаем, – холодно отрезала она.

На следующее утро при виде богини он не проявил ни страха, ни восторга, ни почитания. Скотина такая.

Однажды Лео с удивлением обнаружил, что стал ужасно бояться боли. Любая рана вызывала у него много страданий, а ушиб мизинчика об тумбу чуть не привел к депрессии. Это открытие огорчило Лео, сужая круг возможностей в поиске встречи со смертью.

«Я заведу крокодила, – решил Лео. – Я выращу его, и когда придет час, он сожрет меня. Это будет сладкая смерть, безболезненная, потому что всерьез любимые могут ранить только чувства».

Он так и поступил. Лео привязался к крокодилу, как к собственному сыну и неизобретательно называл Кро.

Воскресное утро было самым любимым временем Лео и Кро. Последний канючил сливовое пюре со своего маленького стульчика возле стола, а Лео делал вид, что ни за что не станет делиться, но потом кормил Кро перетертыми фруктами с ложечки.

– Кого ты любишь? – спрашивал он, отправляя ложку сливового пюре в пасть Кро.

– Тебя! – восторженно кричал Кро и плевался сливой.

– Кого ты сожрешь, когда вырастешь? Кому одним махом оторвешь голову? – задавал Лео следующий вопрос, набирая еще одну ложку пюре из маленькой баночки.

– Тебе! – визжал с восторгом Кро.

– Молодец, – хвалил Лео, и сердце его наливалось теплом.

Однажды Лео с удивлением обнаружил, что успел к этому моменту сделать все, что было намечено в жизни, но даже на шаг не приблизился к главной цели.

– Что значит – сделал все, что намечено? – возмутился отец Лео, когда они говорили по телефону. – Ты что, стал преуспевающим юристом?

– Папа, я известнейший юрист в стране. Меня даже порой просят помочь написать законы, но я всякий раз отказываюсь, потому что не хочу влезать в такое грязное дело, как политика, – ответил Лео.

– А... Тогда, пожалуй, да, ты сделал все, что было нужно, – сказал отец. – У меня больше нет для тебя советов.

Однажды Лео с удивлением обнаружил, что научился читать мысли женщин, и когда новая подружка нежилась в его объятиях, перед глазами Лео проносился фильм ее мыслей. Круассан, ломтик красной рыбки и авокадо, чашка крепкого кофе на балконе в лучах восходящего солнца, кардиограмма ее мамы, новые летние брючки клеш яркой пестрой расцветки, которые, впрочем, не подойдут к ее

черному блейзеру с укороченным рукавом и напоследок – крохотная нежно-голубая шапочка для младенца.

Лео целовал ее в лоб – не с нежностью, а, скорее, привлекая внимание, и делал чуть заметное движение рукой, намекая, что хочет ее высвободить.

– Куда ты? Останься, – сонно мурчала она.

– У меня осталось одно важное дело на работе, – отвечал Лео.

– Работа? Ночью? – она еще глубже закапывалась в тепло и мягкость одеяла.

– Спи. – Он целовал ее в лоб, поспешно одевался и уходил, тихо закрыв дверь, чтобы никогда сюда не возвращаться.

Однажды Лео с удивлением обнаружил, что научился исполнять желания. И речь не о свежих булочках с корицей к утреннему кофе, хотя и о них тоже – речь о вещах сверхъестественных, из ряда вон, например, сдвинуть гору, осушить море или понять, чего хочет женщина.

Тогда первым делом он уговорился с пресной водой, чтобы та не пропадала, а с ледниками – чтобы не таяли. Во всем мире стало достаточно воды, и оазисы африканских пустынь налились зеленью. Но что вы думаете – к нему на следующий день пришли с благодарностью? Как бы не так! Политики обзывали его экологическим диверсантом и шантажировали плохо смонтированной порнографией, активисты обвиняли в парниковом эффекте, а газеты популистов поносили Лео на чем свет стоит!

– Этот мир обречен, – сказал Лео утром Кро на кухне, листая газету.

Кро кивнул в знак согласия.

А времена стояли смутные, нехорошие времена, которые наступают всякий раз, когда... Ну, когда живешь, словом. Казалось, все в мире идет не так, и даже вещи протестовали против своего предназначения. Особенно недовольны были ершики для унитаза. Взбунтовался и Кро.

– Ты думаешь только о себе, чертов эгоист! – кидал он в лицо Лео обвинения. – Ты растил меня только для того, чтобы я сожрал тебя! А о моих чувствах ты подумал? О том, что я испытаю, съев своего родителя?

Лео молчал. Ему нечего было сказать.

– Папа, я не хочу тебя убивать, я не буду тебя есть, я стану вегетарианцем, – заплакал крокодил.

– Я все понимаю, сынок, я все понимаю, – говорил Лео и целовал Кро глаза.

Марк Вишневецкий ДЕВИЧЬИ СТРАШИЛКИ

Бархатным покрывалом накрыла ночь спящий мир. Звезды и Луна не были видны из-за плотной пелены облаков. Впрочем, есть ли Луна в мире Элинор? Автору это неизвестно. Как неизвестно, где именно находится этот мир, на какой планете. Да и на планете ли? Возможно, именно этот кусок тверди стоит на трех слонах? Или на трех гадзобах? Впрочем, это неважно. А важно то, что в такие ночи девушки собираются для любовного гадания и рассказывают друг другу всякие страшные истории.

В маленькой уютной пещерке три девушки расположились вокруг небольшого костра. Ласковые клубы дыма, так и не нашедшего выход, обнимали их влажные, покрытые струпьями тела. Пепел по рошил волосы двух девушек и лысую голову третьей. Легкое потрескивание горящих сучьев, веток и пальцев одной из девушек, неосторожно сунувшей руку в костер, временами заглушало невнятный рассказ. Рассказчица медленно, с трудом шевеля слипающимися, сочащимися сукровицей губами и распухшим, вываливающимся изо рта языком, продолжала:

– Да, они очень сильно любили друг друга, но принц Корагор узнал об этом и запретил дочери встречаться с простым бедным гномом. А когда принцесса не послушалась, он вызвал молодого гнома и под страхом смерти запретил ему приближаться к ней. Но их любовь была так сильна, что страх не мог их остановить. Тогда принц Корагор приказал казнить юного гнома. Но тайные встречи влюбленных продолжались, и Корагор вновь приказал казнить упрямого гнома. А когда и это не помогло, он приказал казнить обоих. Но после каждого воскрешения в живительной воде «Молота Кхадгора» влюбленные продолжали встречаться. И тогда разгневанный принц заточил непокорного гнома в пещере, завалил огромными камнями вход, оставив лишь небольшое отверстие для передачи еды и воды, и поставил у пещеры неподкупную стражу.

Неподкупная стража не брала взятки в малых и средних размерах, поэтому у принцессы не хватило денег на побег возлюбленного. Всех ее сбережений хватило только на то, чтобы ей позволяли общаться с узником.

Поскольку принц получал долю от доходов неподкупной стражи, то он не препятствовал этим свиданиям, надеясь, что чувства влюбленных со временем угаснут. Но этого не случилось в первый день.

Не случилось и во второй... И хотя в темноте пещеры принцесса не могла видеть своего любимого, она могла слышать его голос и обонять запах его немытого тела. Они могли по очереди просовывать через узкое отверстие руки и трогать друг друга. Их любовь была так сильна, так сильна...

Прошло два года. И однажды принцессе пришла в голову спасительная идея. Она сказала:

– Любимый, я не могу вытащить тебя отсюда целиком, но можно сделать это по частям. Я положу все твои части в «Молот Кхадгора», и ты оживешь свободным.

Так они и сделали. Каждый день приходила принцесса к пещере. Она просовывалась в отверстие насколько могла, а ее возлюбленный подставлял какую-нибудь часть своего тела. Откусив кусок, она возвращалась домой и выплевывала откушенное в тазик с живой водой из «Молота Кхадгора».

Иногда она приходила несколько раз в день, поэтому через две недели в тазике была уже целая рука. А через пять месяцев существо в тазике пришло в сознание. Но оно не было похоже на ее возлюбленного.

То ли принцесса иногда ошибалась и складывала части не в том порядке, то ли живая вода не всегда была свежей – трудно сказать почему, но это существо было больше похоже на ожившего мертвеца. Некоторые части сидели не на своих местах или криво, а некоторые отваливались. К тому же оно ничего не помнило и не узнавало принцессу.

Тогда принцесса прогнала уродливое существо и начала все сначала. С тех пор прошло много лет, но принцесса по-прежнему ходит к той пещере и кусает своего возлюбленного.

Вот так и появились зомби.

– Вот это история! – воскликнула одна из слушательниц. – Действительно интересно.

– Ага, страшно интересно, – сказала вторая. – Но мне вот что непонятно: если зомби получились из гнома, то почему мы все девушки?

– Да потому что воспитание у нее такое. Принцесса же, е-мое. Он ее просил, но эта дура заявила, что «это» будет делать только после свадьбы.

Андрей Мацко ВОСКРЕШЕНИЕ

Я открыл глаза. В отражении вместо тридцатилетнего мужчины на меня глядит залитый кровью старикан с заплывшим глазом и распухшей верхней губой. Я улыбаюсь ему и тут же корчусь от боли. Отражение в наполненной водой деревянной кадке не отстаёт. Я мысленно посылаю ему сигнал держаться, потому что прекрасно понимаю – конец близок.

– Он нелюдь! Он – волк! Все это время, пользуясь нашими благами, рядом с нами жил грешник, истинный зверь! Подонок, место которому – в огне!

С каждой брошенной фразой из гнилого рта старейшины вырываются потоки слюны, летящей на обступивших его людей.

Но какой же отвратительный голос – писклявый, мерзкий, как и сам Вирай. Не вождь, не лидер. Просто истеричная баба.

А собравшиеся возбуждаются и лютуют все больше, переходя на крик. Заводятся. Некоторые продолжают метать камни. Иногда попадает по туловищу, голове пока везет. Она свое получила чуть раньше.

Я запомню и Вирая, и каждого из них. Тех, кого считал ближе остальных, запомню получше – принимать от них удары всегда больнее.

Зилла, Терон, Камме – ваши тумачи я сохранил в памяти: каждый удар. Каждую пощечину. Каждую плеть.

Спокойный и рассудительный Нардал, куда ты подевался, лишь заслышав историю этого лживого человека?! Где ты сейчас?

Почему вместо тебя, одного из многих, кому я помог, и немногих, с кем мог поговорить, стоит зверь с перекошенным лицом? Ты бросил камень и попал мне в глаз. Ударил. Плюнул и проклял, желая моей смерти.

Я – запомнил. Я и так обречен, Нардал. А ты? Тебе-то это зачем? Каждый камень, брошенный тобой сегодня, может полететь в тебя завтра.

Если бы ты взял пример с жены и просто стоял рядом с ней, обняв свою Ривию и закрывая ее глаза от этого кошмара, чтоб она не видела своих соплеменников, терзающих меня, разрывающих на части. Чтобы не видела тебя...

Если бы! Но ты выбрал другой путь, и я не стану тебя ни в чем обвинять. Я просто запомнил.

– Он выродок! Поступки, подобные совершенному, не прощаются! Вера в его невиновность иссякла! Ни один человек не сделает подобного, а значит, перед нами – не человек!..

Старейшина продолжает плевать, даже до меня долетают слюны из его черного рта. Кажется, он заводит не только толпу, но и сам себя.

Неказистое правление, бездарность. А я – его шанс продлить власть. Он думает, что безнаказанно сможет пудрить головы людям еще долгое время, но я надеюсь, что все пойдет по плану, и возмездие гораздо ближе, чем Вирай может себе представить.

Илла не просто умерла – ее убили. Сейчас этот сукин сын порочит не только мои имя и честь, Вирай делает все, чтоб люди согнали на мне свою злость, а значит, отвлеклись от убийцы.

Но не я убил жену, пусть об этом знаем только я и тот, кто это совершил. Он себя еще покажет, должен показать!

– А что, если это он лишил вашу любимую дочь жизни, Иллад? Иллия? Что, если выкрал тело, пытаюсь скрыть следы преступления?! Что, если он – демон, которому подвластно искусство сладословия, коему мы все поддались?

Вирай не унимается, и вокруг испуганно зашептались:

– Чары?!

– Демон?!

– Лжечеловек?!

Нет же, глупцы. Все гораздо хуже, чем вы думаете.

– Вирай, ты обвиняешь ставшего нашим сыном в убийстве нашей дочери. Убить ее он не мог. Его вина в другом, еще более страшном преступлении, преступлении против тела. Я, отец Иллы, запрещаю тебе связывать эти два преступления. Не потому что я могу понять второе. Потому что надо раскрыть первое.

– Он не сын тебе, Иллад. Сыном может быть человек, не зверь. И запретить не в твоих силах, но я прощаю тебя. В тебе говорят горе и жажда мести, так выплесни эту чашу прямо в его бесовское рыло!

Вирай указывает на меня длинным скрюченным пальцем. Он слишком рьяно напирает на моей вине. Я один это заметил?

– Да, вождь, я не могу запретить тебе говорить. Но убили мою дочь, и запрет касается не слов. Он касается действий. Я просто хочу правды. Хочу наказания для виновных. Правда в том, что перед нами один преступник. Второй же до сих пор не найден. Я прошу слова, Вирай. Но не для себя. Уважь старика – дай слово Ролану.

Ого. Подарок, на который я не рассчитывал. Интересно, что ответит вождь?

– Ты просишь дать открыть пасть злослову, Иллад? Ты хочешь, чтоб мы пали под лестью его псинеого лая? Возможно, ты и сам под его чарами?

Что ж, предсказуемо.

– Вождь, я лишь хочу услышать, почему он совершил преступление. Хочу знать, где тело моей дочери. Я не отрицаю, что Ролан достоин смерти, но посмотри на него – разве так ведет себя отщепенец? Разве так ведет себя загнанный зверь, которым ты его представляешь? Твоя речь не убедила меня, и я не забираю просьбу. Если ты против, воля твоя. Но, может, мы послушаем остальных?

Вирай открыл было рот, но тут же заткнулся, потому что, к нашему с ним изумлению, люди, бросавшие в меня камни, люди, избившие меня до беспамяतства, встали на сторону Иллада.

– Дай ему сказать!

– Пусть говорит!

– Слово Ролану!

– Слово! Слово!

Лицо Вирая приобрело землистый оттенок, но на нем не дрогнул ни один мускул. Он молчит, а когда крики стихают, выносит вердикт:

– Я слышу вас. Пусть будет так. Пусть узник говорит.

Меня поднимают на ноги, поддав по ребрам рукоятью кинжала. Впрочем, удар гораздо слабее предыдущих.

Ведут к Вираю и бросают на пол, на колени. Я не сопротивляюсь, потому что признаю свою вину и должен понести наказание.

– Говори, Ролан.

Ну что же. Во рту пересохло, но, думаю, я справлюсь.

– Я – виновен. Все вы знаете, как я любил Иллу. Все знаете, что это было взаимно. Мне стоило огромных усилий завоевать уважение Иллада и Илли. Все вы знаете, как счастливы мы были, назначая дату нашей совместной луны.

И всем известно, что наша первая луна стала последней.

Потому что Илла умерла. Ее убили. Коварно, вероломно. Об этом всем вам хорошо известно. Она умерла ночью, в ритуальном платье, перепутав убийцу со мной.

Вирай пытается обвинить в ее смерти меня, прекрасно зная, что я стоял на посту и должен был вернуться двумя часами позднее, это подтвердили караульные. Я и вернулся, найдя ее мертвой. Кто же убийца? Кто имел мотив? Кому так сильно не давало покоя чужое счастье? Возможно, ты ответишь, Вирай?

Вирай молчит. Его взгляд полон презрения.

Я продолжаю:

– Я – виновен. Сломленный горем, я ушел из деревни. Меня не было несколько дней, и никто не имеет понятия, где я был и что делал. Эта тайна тянется за мной давно – все вы знаете, что я не местный. Не возвращен вашим селением, не чту ваших богов. Но я научился жить среди вас и даже обрел друзей...

Я виновен и перед ними. Перед людьми, которые открылись чужестранцу, доверились моим словам.

Вам невдомек, что мое детство прошло в учении. Я не помню родителей, не знаю их – и это правда, которая вам известна. Воспитанием моим занимался Шелль – слепой старец, которому отдали меня юнцом в услужение. Я слышал, что меня подарил старцу один влиятельный вельможа за решение его проблемы. За возможность иметь детей. Другой правды я не знаю, поэтому придерживаюсь этой.

Шелль учил меня не только быть хорошим слугой. Он увидел во мне нечто большее, хоть никогда этого не говорил. Порой слова излишни – я просто это чувствовал.

Мы жили далеко от остальных, в горах. В пещере, в которой всегда царил холод. Я не знал, для чего нужны такие страдания, учитель же говорил, что я все пойму, когда придет время.

Обучение давалось легко. Шелль говорил, что полученные знания не раз спасут мою шкуру и помогут не одному человеку, но истинного значения этих слов я не понимал – он был очень загадочным старцем.

В один момент у меня получилось то, что много лет не удавалось Шеллю. Учитель с тех пор глядел на меня как-то по-особенному, наверное, потому что я превзошел его. С того времени меня больше не касалась плеть.

До смерти Иллы.

Иллад и Иллиа, я ушел в горы. Беда надломила меня, а чувства, не находившие выхода, сводили с ума.

Через несколько дней после похорон я взял вина и отправился к склепу. Сидел там до поздней ночи, разговаривая с Иллоу, словно с живой. Я рыдал и даже пустил себе кровь по пьяни – вот раны.

– Где тело, Ролан? Куда ты ее дел?

– Я – виновен. До сих пор не понимаю, как все произошло. Иллад, Иллиа, – ваша дочь вернулась к жизни.

Ропот. Нарастающий, словно гудение приближающегося осинового роя. Агрессивный, злой.

Я слышу их голоса сначала по отдельности, затем они сливаются воедино, в гул, сквозь который доносится режущее уши скрипение вождя:

– Я говорил вам! Он – демон, истинно!

Но Вирая заглушили.

Когда это произошло, Иллад поднял руку, призывая к молчанию тех, кто все еще не прекратил возмущаться.

– Допустим, Ролан. В это тяжело поверить, но... допустим. Я принимаю это, потому что хочу услышать правду, какой бы тяжелой она ни была. Продолжай.

– Если вы готовы слушать. Но будет тяжело, предупреждаю. Последующие события не имеют объяснения, они просто были, и они могут показаться вам отвратительными.

– Боги... но... я готов, Ролан. Поведай нам правду.

– Ну что ж, это ваше желание и, видимо, мое последнее слово. Я вижу реакцию людей, я чувствую ее на себе – мои раны все еще болят. Я продолжу, но смею просить о последнем желании. Обещайте мне быструю смерть, и что тело мое оставят на съедение воронам на второй трети горы. Это важно для меня, как важно вам узнать правду.

Иллад и вождь переглянулись.

– Твое слово, Вирай.

Надо отдать ему должное, Вирай выглядит величественно. Он стоит, сложив руки на груди, высоко задрав подбородок и, кажется, глубоко задумавшись. Пожалуй, впервые я вижу в нем вождя, лидера, а не алчного проходимца, которым он, без сомнения, является. Он будто оценивает риски. Безусловно, принятие мной смертного приговора должно радовать его, но сомнения останутся. Будто чувствуя, что идти на поводу у желания смертника – плохая идея, после затянувшейся паузы он все же неуверенно кивает:

– Только из уважения к тебе, Иллад. Согласно твоей просьбе, Ролану будет дарована быстрая смерть. Его тело оставят на второй трети горы – там, где опускается хлад.

– Я сдвинул плиту. Мне хотелось в последний раз взглянуть на свою любовь. Повторюсь, я был пьян. Когда я вновь увидел ее – такую красивую, словно живую, во мне что-то надломилось. Я возжелал смерти, чтобы остаться рядом с ней навсегда. Я не думал о вас, Иллад, Иллиа, и это моя непростительная ошибка.

Я пустил себе кровь и смотрел, как она бежала из вены. Боли не было, появилась лишь слабость, поэтому я лег рядом и обнял Иллу, случайно зацепив кувшин. На вашу дочь пролилось смешавшееся с моей кровью вино.

Но смерть не шла. Я лежал, продолжая рыдать от горя и отчаяния, а потом почувствовал, что силы покидают меня. Я понял – это конец. Я поцеловал Иллу в губы и закрыл глаза, готовясь умереть.

Но я ошибся.

В следующий момент я оказался в ее объятиях. Она вцепилась в мои запястья и притянула к себе. От нее разило трупным смрадом, а холод мертвого дыхания обжигал мои легкие.

Я пришел в себя и пытался выдраться, но сил на борьбу не хватало.

Когда ее ноги обвилились вокруг меня, еще сильнее прижимая, словно желая близости, я потерял сознание...

Очнулся под утро. Кровь остановилась – Илла словно спасла меня от смерти. Но я не на шутку испугался, увидев пустой склеп. Тела не было.

Все это время, пока отсутствовал здесь, я искал ее. Я ходил во все наши любимые места, наивно полагая, что знаю, где смогу ее найти. В одном из них меня и увидели, так я и попался.

Я – виновен. Потому что вернул вашу дочь к жизни.

На этот раз недовольства больше. Шум разрастается до всеобщего гвалта, сквозь который до меня доносится первое обвинение.

– Виновен! Смерть некроманту!

За ним слышатся и другие, но это уже не имеет никакого значения, потому что я узнал этот полный ярости и страха голос.

Я поворачиваю голову, чтобы убедиться и сразу же ловлю в толпе знакомый затравленный взгляд. Это Валдай, сын Вирая. Отвергнутый Иллой ухажер, которому она предпочла безродного чужеземца. Единственный человек, трусость которого превосходит трусость его отца. Единственный, кто грозился убить меня, но не посмел. Он смог замахнуться лишь на беззащитную женщину...

Толпа беснуется. Им хочется крови, и я могу их понять. Я бросаю взгляд на вождя. Вирай смотрит мне за спину и кивает.

В волосы вцепилась чья-то рука, задирая голову. Шеи коснулась холодная сталь клинка. Из горла захлестала кровь, а затем все застила непроглядная черная пелена.

* * *

Я открыл глаза. Илла смотрит на меня и улыбается. Она бледна, но все так же божественно красива.

Я встал и подошел к кадке с водой. Похожая была передо мной в день казни, и это воспоминание заставило коснуться шеи. Я нащупал, а затем и увидел шрам в отражении. Почти от уха до уха, невероятно.

Я обернулся. Илла, все так же улыбаясь, следит за мной взглядом. Что ж, последствия бывают разные. Хорошо еще, что все случилось – могла ведь и промазать иглой.

– Илла, завтра ночью мы отправимся в деревню навестить твоих родственников. Ты не против?

Все та же улыбка.

– Представляешь, они даже не подозревают, где тебя искать. Не знают, что все это время ты была здесь, ожидая разрешения нашей маленькой проблемы. Вот удивятся, правда?

Илла не сводит с меня счастливых глаз.

– Спасибо, любимая. Ты все сделала правильно, и теперь мы снова вместе. Если ты не против, нанесем визит и тем, кто пытался нас разделить. Ты помнишь Вирая и Валдая?

Лучшим ответом стала сияющая улыбка самой красивой женщины моего жизненного пути.

Я откидываю разделяющий пещеру надвое плотный занавес и подхожу к ближайшей неподвижной фигуре. Из зашитого брюха старика выглядывают готовые вывалиться кишки, но он смотрит на меня с обожанием. Почти как Илла.

– Надо подлатать тебя, Шелль. Завтра важный день, и мне нужно, чтоб вы все хорошо себя проявили.

Я осматриваю пространство. Ловлю в ответ море сияющих радостных взглядов.

Моя армия улыбается. Они знают, что скоро их ряды пополнятся теми, кто не так давно бросал в меня камни.

Марк Каллас ОБМАНУТЬ ВРЕМЯ

Anno DCCXC ab Urbe condita¹.

Подойдя к окну, юный Гай Юлий Цезарь Германик подставил лицо прохладному бризу сентябрьской ночи. Наконец он остался в своих покоях один, отослав прочь и свиту, и рабов. Только верные преторианцы Корнелий Сабин и Кассий Херея, как всегда, несли караул у входа снаружи, оберегая сон нового владыки Рима. Но молодому императору не спалось.

Гая одолевали мрачные мысли о судьбах тех, кому он наследовал. О том, как завершил свой путь каждый из них. Череда смертей проплывала перед его внутренним взором калейдоскопом мрачных картин: жестокое убийство Цезаря, загадочная смерть Августа, удушение Тиберия, отравление Германика – его собственного отца, даже не правителя, а всего лишь военачальника... Зная все это, Гай в который уж раз задумался, какой конец ждет его самого и сколько ему осталось жить на этом свете. Липкий страх закрадывался в душу при этих мыслях, и император с трудом справлялся с ним, беря себя в руки. Правитель не должен бояться. Его судьбу определяют боги, ибо богами он отмечен. Гай не хотел роптать на судьбу и, сколько бы ни было ему отведено, желал увековечить свое имя в истории Города благими деяниями.

Внезапный порыв ветра ворвался с террасы, выхватив Гая из глубоких раздумий. Он поднял взгляд – и замер в изумлении. Воздух колыхался, словно прозрачная ткань, и в спальном покое, будто выйдя из-за несуществующего занавеса, невесть откуда появился еще один человек. Он был высок, а лицо его скрывалось под капюшоном алого плаща.

Гай инстинктивно потянулся к шнуру колокольчика, чтобы вызвать преторианцев, однако что-то заставило его передумать. Незнакомец примирительно показал пустые ладони, демонстрируя, что безоружен, но дело было не в этом. Гай что-то почувствовал...

– Остановись, Гай Германик, – негромко произнес пришелец, и голос его показался молодому императору поразительно знакомым. – Я пришел говорить с тобой, и это не отнимет у тебя много

¹ Anno DCCXC ab Urbe condita (790 год от основания Города) – здесь приводится летоисчисление от основания Рима братьями Ромулом и Ремом, предложенное древнеримским ученым Марком Теренцием Варроном и введенное в обращение императором Октавианом Августом. Первый год ab Urbe condita – 753 год до н. э. Таким образом, время действия: год 790 ab Urbe condita – 37 год н. э. (*Здесь и далее – примечания автора.*)

времени. Однако предмет разговора таков, что нам необходимо обсудить его наедине.

Незнакомец, выйдя из тени, откинул капюшон, и Гай застыл на месте, словно пораженный Юпитером. Свет ночного лампиона озарил лицо незнакомца. Гай всмотрелся в него – и увидел свое собственное отражение! Он невольно закачал головой, словно не веря своим глазам.

– Не бойся, – улыбнулся двойник. – Я – это ты, Гай Германик.

Гай побледнел, лишившись дара речи. Кровь запульсировала в висках, лоб покрыла холодная испарина.

– Успокойся. – Двойник подошел ближе, положил ладонь на плечо императору. – У нас мало времени, дорог каждый миг.

Ощувив руку двойника на плече, Гай стал спокойнее: по крайней мере, это не призрак.

– Знаю, ты правишь всего полгода. – Голос двойника был в точности таким, как у Гая. – Ты стал императором на третий день от последних мартовских ид.

– Откуда ты явился? – потребовал Гай ответа. – Как принял мой облик?

– Взгляни сюда, – терпеливо вздохнул пришелец и показал кольцо на пальце правой руки. Отлитое из белого золота, оно было выполнено в виде змеи, кусающей собственный хвост. Крошечный изумруд, вправленный в глаз змеи, сверкнул в огне лампиона. – Кольцо Сета даровало мне... *нам*... власть над временем, – серьезно проговорил пришелец. – Я – это ты, но из грядущего. Мне пришлось прибегнуть к магии и пройти по коридорам времени вспять, чтобы предупредить тебя об опасностях, грозящих в будущем. Но у меня в распоряжении лишь несколько минут, а потому прошу меня выслушать, не прерывая. Я знаю, *что* ты чувствуешь и к чему стремишься с тех пор, как получил императорский венец. Еще бы не знать, ведь ты – это я. – Речам пришельца невозможно было поверить, и все же тон его был предельно искренен. – Ты отменил закон Октавиана об оскорблении величия, даровал сосланным противникам Тиберия амнистию и пошел на примирение с сенатом. Ты желаешь общего блага для граждан Рима – и это великая цель. Но поверь, не всем это по нутру. Будут те, кто станет открыто или тайно препятствовать тебе, плести заговоры, замышлять покушения – и я хочу защитить тебя от них. Вот здесь, – он вручил Гаю папирусный свиток, – их имена. Воспользуйся своей властью, Гай. – Пришелец выдержал паузу. – Убей их всех.

– Ты предлагаешь мне стать тираном и душегубом, – чуть дрогнувшим голосом проговорил Гай. – Люди меня возненавидят.

– Пусть ненавидят, лишь бы боялись, как было сказано у Акция, – криво усмехнулся пришелец. – Грядущие поколения будут нам благодарны.

– Но... – заговорил было Гай, как вдруг фигура двойника замерцала и исчезла.

Гай развернул свиток. Папирус был испещрен именами знакомых ему людей. Молодой император колебался.

* * *

Сняв кольцо с пальца, странник во времени обнаружил себя в зале своего дворца на Палатине, в знакомом с юных лет *Domus Tiberiana*. Снаружи доносился усиливающийся ропот разъяренной толпы. В зале его встретил лишь верный слуга-египтянин, казалось, пытавшийся скрыть, что удивлен возвращением господина.

– Владыка! Ты побывал... *там?* – прозвучал смущенный вопрос египтянина.

– Я побывал *тогда*, мой верный Геликон. – На устах императора играла загадочная улыбка. – Я сделал это. Обманул само время.

– Боги! В наших руках подлинное Кольцо Сета... – прошептал египтянин себе под нос, принимая драгоценность из рук императора. – И мы не ошиблись в ритуале. Все прошло именно так, как описано древними: Кольцо даровало тебе несколько минут в ином времени! Но было ли этих минут достаточно, повелитель?

– Полагаю, достаточно, Геликон. Я успел сделать все, что хотел. Вооруженный знаниями, тот, *другой* я, сумеет обезопасить себя от заговорщиков и потрудиться во славу Рима больше, чем успел я нынешний. Как видишь, эти свиньи не оценили моих жертв... Теперь же, как говаривал Тиберий, «когда я умру, хоть земля гори огнем». Теперь они могут прийти за мной, лишить власти, лишить жизни, даже предать забвению... Я не боюсь их, ибо тот, кто живет моей жизнью в прошлом, исправит мои ошибки – и не оставит никому из них шанса. Тот, из прошлого, останется в вечности!

Ропот снаружи усиливался. Звон мечей донесся с мраморных ступеней вниз. Затем топот многочисленных ног стал стремительно приближаться по коридору.

Гай, обманувший время, повернулся на звук. Он блаженно улыбался.

* * *

Anno DCCXCIV ab Urbe condita². Восьмой день до февральских календ. Палатинские игры.

Гай Юлий Цезарь Германик шел из театра по подземной галерее в сопровождении многочисленных хмельных спутников, пары прето-

2 * Anno DCCXCIV ab Urbe condita – 790 год от основания Города, или 41 год н. э.

рианских офицеров и телохранителей-германцев. Он правил Римом почти четыре года. Он заставил могущественнейших граждан бояться одного своего имени. Он выявил и уничтожил всех заговорщиков, о которых узнал в ночь той фантастической встречи. Не сразу, но каждого в свой черед. Последнее имя в списке будущих заговорщиков – Кассий – указывало на проконсула Азии Кассия Лонгина, в чем Гай был совершенно уверен, и убийцы уже были отправлены к наместнику провинции. Теперь император был в безопасности. Он обманул само время.

– Свобода! – раздалось внезапно у него за спиной.

Гай обернулся на возглас – и в этот миг острый меч рассек ему подбородок. Меч держала рука одного из преторианцев. Покачнувшись, император взглянул в лицо убийце. Взор туманила боль, но он узнал ударившего. Это был преторианский трибун Кассий Херей.

«Не тот Кассий!» – мелькнула заглошная мысль. Имя возникло в памяти само собой, но изумиться насмешке судьбы Гай как следует не успел.

– Я еще жив! – крикнул он со злобой, падая наземь.

Удары других мечей обрушились на него, гася жизнь, как свечу.

И погружаясь в запределье, в ничто, он услышал над головой:

– А теперь ты мертв, Гай Калигула!

Владимир Хабаров ОБИДА

Собирать ману Грин начал в конце лета. Каждое полнолуние он приходил в Зачарованный Лес и терпеливо ожидал рассвета. Когда на светло-сизое небо выкатится краснощекая зорька, и пискнет утренняя пичужка, вот тогда можно соскребать ману со стволов деревьев. Осторожно, аккуратно, не повредив кору.

Были у него любимые места, о которых никто не знал, да и не боялся он ходить сюда, в отличие от некоторых городских магов – ленивых, чересчур говорливых, способных творить лишь простейшие заклинания и впадающих в ступор об одном только упоминании о Зачарованном Лесе.

Не зря поэтому Грина уже столько лет приглашали на заседания магистрата не только как самого сильного мага, но и как основателя гильдии. Не на все, конечно, но ни одно важное не обходилось без его участия.

Старого мага знал практически каждый – и млад и стар к нему часто обращались за советом. Он никому не отказывал, учеников набирал исключительно из деревенских, чтобы отправить потом обратно в деревню, считая, что в городе свою ауру они быстро испортят. Но не только из-за этого, был и другой интерес: создать некую защитную прослойку на подступах к городу и торговые пути оберечь от лихих разбойников.

Теперь все это осталось в прошлом.

...Весной, как только малость подсохли дороги после обильных, с радугой на полнеба дождей, в город пожаловал столичный маг, попавший в немилость при дворе. Румяный, дородный, крикливый, как торговка на базаре, поглядывающий на всех с презрительной усмешкой, он привез королевский указ.

Грина срочно вызвали в магистрат, где глава, словно внезапно подхвативший близорукость, уткнувшись в грамоту, пробубнил о его, Грина, смещении с поста руководителя гильдии и отлучении, само собой, от дел магистрата. Не говоря ни слова, Грин с насмешкой рассматривал вальяжно развалившегося в кресле незнакомого толстяка в дорогих одеждах. Тот, в свою очередь, скучающе, будто муху на стекле, разглядывал стоявшего перед ним старика, маленькие пороссячи глаза под нависшими бровями искрились холодом и равнодушием.

– Как вы еще терпите эту рухлядь? – покосился столичный маг на главу магистрата. – Я бы давно выгнал. Такие, как он только мешают

продвижению молодых. Их место на печи! – Он рассмеялся, точно горох на пол бросил. – Пусть бока отлеживают и тараканов считают.

Глава поперхнулся, буркнул, не поднимая глаз:

– Он лучший!

– И что? – с сарказмом-жеманно изумился толстяк. – Все мы когда-то были лучшими... – Он встал и деревянно ткнул пальцем в сторону Грина, удивляя того грубостью, невежеством, высокомерием: маленький, упитанно-перекормленный, никогда не ведавший, что такое голод, а туда же. – Старик, я не знаю, какой ты там маг и знать не хочу, но чтобы с завтрашнего дня духу твоего здесь не было.

– Ну-ну... – иронично обронил Грин и, сожалеюще, с пониманием взглянув на главу, вышел.

Старик не знал, сколько ему лет, давно перестал считать. А зачем? После шестидесяти это занятие можно спокойно отдать на откуп Времени, чьи ручонки летают по абаку быстрее, чем мысли в голове.

Зато он помнил ту пору, когда городские ворота, что выходили на три стороны – север, запад, юг, – охраняли драконы. С востока город прикрывала река. Неразумным мальчуганом, с ватагой таких же, он часто дразнил этих огнедышащих – златоглазых, сплошь покрытых желто-зеленой броневой чешуей: то камешек кинет, то водой обольет, то гримасы состроит. Не боялся. И зря... Нечаянно задетый как-то хвостом – много ли мальчонке надо? – заработал удар, от которого вмиг потемнело в глазах и перехватило дыхание, чудовищное ускорение отбросило к стенке. Впечатался смачно, с хрустом и мешком костей сполз на землю. Из тумана забвения тут же показалась тень старухи с косой, разинула черную беззубую пасть, радостно потирая ладони.

Набежал народ, жестаами и словами изливая гнев на дракона. Тогда тот сделал то, чего никто не ожидал: лапой расковыряв грудь, напилал коготь алой кровью из раны и поднес к лицу мальчика...

...Янтарные, тепло-сладкие капли тягуче падали с серого неба. Грин, смеясь, ловил их ладонями и запихивал в рот. Вкусно! Брызги издавали хрустальный звон и ажурным, золотистым роем окутывали все вокруг. Справа кто-то кричал. Он повернул голову: неясный темный силуэт махал поднятой рукой, слов не разобрать, но тон явно угрожающий. Приглядевшись, насколько позволяла серая мгла, мальчик увидел старуху – дряхлую, страшную, в лохмотьях, провалы-ямы глаз были черны, как бездна дьявола, злоба сочилась из них ядовитой дымкой, пытаясь достать его. Напрасно. Мальчик знал, что теперь ему ничего не угрожает, и скоро он увидит родных, близких, друзей...

Следующей весной драконы улетели. Насовсем. Взметая пыль с дозорных площадок, легко, друг за другом, поднялись в ласковое, синеющее небо и встали на крыло. Больше их никто не видел.

Много воды утекло с тех пор, но золотые искорки нет-нет да про-скакивали в глазах мага, смущая и вгоняя в трепет собеседников.

Город он покинул. В тот же день. Не хотелось ловить сочувствующие взоры горожан, слышать робкие, вполголоса, слова сожаления, молчать и сдерживать себя, глядя на членов магистрата, отводящих в сторону глаза и сетующих на то, что, мол, люди они подневольные, да и семью кормить надо, и о себе подумать, а прихвостень этот придворный ненадолго и скоро уедет обратно. Просто нужно подождать немножко. Чуть-чуть...

Муторно и противно стало на душе у Грина, не выдержал, ушел жить в деревню. Знал – первое время будут помнить и жалеть, затем болото повседневности затянет все тинной бытия, и лишь в кабаках, за кружкой хмельного эля, кто-нибудь раз-другой упомянет его имя.

Забудут. Из праха вышел, туда же и вернется. Любовь людская скоротечна, а благодарность тем паче.

Обида грызет и грызет... Почти полгода будто ветром сдуло, кануло в вечность, а никто не зовет, не встает на защиту, не шлет весточки.

Сумка, набитая до отказа маной, приятно грела спину. До деревни шагать и шагать, не раньше полудня доберешься. Но настроение приподнято-бодрое – последний заход. Теперь хватит на то, что задумал.

Дракон летел к городу, чувствуя непривычную тяжесть седока. Ночь, прикрывшись мохнатым звездным одеялом, насмешливо ухмылялась, луна жаждала игры, пытаясь кончиком серпа подцепить драконье крыло.

...Мана сыпалась с неба белыми хлопьями, заботливо ложась на крыши домов, нежным узором покрывая стены, мостовые пустынных улиц и площадей. Стражник у городских ворот, дивясь обилию «снежинок» – вроде рановато для первого снега, – поймал одну ладонью и лизнул. Судорога, точно невидимая смертоносная игла, мгновенно прошла тело насквозь.

Стука упавшего копыта никто не услышал.

Высадив старика на верхушке горы, что темным горбом высилась за рекой, дракон вздохнул с облегчением и взмыл навстречу щербатой, улыбочатой луне. Пролетая над неподвижно-черной водой, он мечтал поскорее вернуться домой, в Зачарованный Лес, и забиться в теплую пещеру – досматривать вековой сон.

Старый маг торжественно выпрямился, взмахнул посохом, вычерчивая огненные руны в холодном воздухе. Заклинание, сорвавшись с уст Грина многоглавым змеем, одним стремительным рывком отбросило руны к городским стенам.

...Город пылал. Адское пламя рычащим, беспощадным зверем пожирало все на своем пути. Улицы наполнились толпами обезумевших людей, пытавшихся выбраться из города любой ценой, и крики тех, кто не успел выскочить из горящих, объятых удушливым жаром домов, только усиливали панику.

Особенно досталось магистрату, чьи стены чернели и рушились с небывалой быстротой, разнося вокруг горячий пепел...

Марьяна Олейник СТАЖЕРКА

– Маня! Бабушку твою за хвост! Я же просил, если загорятся красные лампочки, руками ничего не трогать и сразу звать меня! Это не красные лампочки? А какие? Рубиновые?! Да ты поэт, Маня...

Удружил Сергеич, нечего сказать. Пристал, как турукафонский репей: «Лексей, возьми стажерку, не на межпланетный же круизник ее посылать!» Зато я знаю, куда pošлю Сергеича, когда мы на Землю вернемся.

Конечно, куда нам до круизника, мы всего лишь скромный мусоровоз. Однако мусор в космосе тоже кому-то нужно собирать. Попробовали бы они хоть неделю без нас обойтись – увязли бы по уши в своих межгалактических отходах. Наша служба и опасна, и трудна... Да, Маня, а как ты думала? А с твоим появлением моя служба стала опаснее вдвойне! Нет, ты девка хорошая, старательная, тока того... неуклюжая малость. Мина ускоренного действия! Я вчера полдня только и делал, что ходил за тобой и последствия разрушений ликвидировал. Чем я еще полдня занимался? Чем надо, тем и занимался! И вообще, нельзя начальству такие вопросы задавать. У нас хоть и не круизник, но какая-никакая субординация должна же соблюдаться!

Лучше скажи, ты в отчете о стажировке написала, что на камбузе всю посуду перебила? И откуда у тебя руки растут? Как ты сказала? Помыть хотела? Чтоб не было грязной посуды? Теперь у нас нет никакой, Маня! Осталась миска Тузика, да и то потому, что металлическая. Спрашиваешь, кто такой Тузик? Мой пес, он иногда со мной летает, чтоб ему не было скучно дома. А мне – здесь... Почему – бедная собачка? Меня бы кто пожалел. Я, между прочим, не всю жизнь на мусоровозе, я в космической разведке работал!.. Мы с ребятами такие операции проворачивали! Какие? Это государственная тайна. Я подпisku давал о неразглашении. Когда-нибудь, может, и расскажу, лет этак через полсотни...

Так вот, в этом рейсе ты у меня вместо Тузика. Я имел в виду – ты мой собеседник и собуты... Стоп! Нет, об этом в отчете писать не надо! Я хотел сказать – помнишь, у Пушкина: «Выпьем, Маня, где же кружка?» А, ну да, где наши кружки, известно, ты их помыть хотела, помню-помню...

Чего нахохлилась? Обиделась? Извини. Надо же, какая тонкая душевная организация при такой-то... гм... грации!

Мань, ты куда полезла?! Туда нельзя! Никому нельзя, тебе в первую очередь! Осторожнее! Не-е-ет!..

стажеров местах) оказались на одной из планет системы Глисссы, где сила тяжести почти такая же, как на Гоше, я сумела показать себя с лучшей стороны. Мы пошли глянуть, куда «шмякнулись», дядя Леша оступился и упал бы в расщелину, если бы я его вовремя не поймала...»

Из заключения ЭКГ (Экспертно-контрольной группы):

«Экипаж MSRWZ-6613 в составе командира Алексея Оверченко (Земля) и стажера Мандриколабрунидаласении (Гош) тест на психологическую совместимость и техническую координацию сдал успешно. Для прохождения службы в ООН (Отряде особого назначения) после переподготовки рекомендован».

– Сергеич? Мы тут с Маней в экспедицию летим на Кераллу, тебе что оттуда привезти? Без понятия? Ладно, сами что-нибудь придумаем. Да будем, будем мы там повнимательнее... Ты сам-то как? Новых стажеров распределяешь? Ну, давай-давай. У тебя ж глаз-алмаз, Сергеич! Уж мы-то знаем...

Марк Вишневецкий КОЛОБГОР – ЗАЩИТНИК ОТЕЧЕСТВА

Вот послушай, сынок. Про дедушку моего, твой прадедушка который, много чего говорят, да мало кто правду знает, как на самом деле было-то. А ты посиди да послушай и своим детям потом расскажешь.

Давным-давно, когда родителей твоих еще и на свете не было, пришли в наш славный Кхатог враги. И было их видимо-невидимо. Много-много... Больше, чем у тебя волос на голове. А... ты же лысый у меня... В маму весь. Или в меня? Ну... много-много их пришло. Больше, чем пальцев на... А, забыл, ты и на меня похож. Ну и на маму тоже, конечно. Ну ладно, в общем, трое их было. И хотели они покорить наш город. Славный наш Кхатог хотели они. А эликсиров эпических у них было больше, чем в торговой лавке Урдина. Что? Нет в торговой лавке эликсиров эпических? Вообще нет? А, у ты нет?

Ну, тебе и не нужны они. Если бы у ты что и было, то я отнял бы, конечно.

Ну, не в этом дело. И получилось так, что некому было наш город защитить, и только прадедушка твой встал. Он обычно по утрам вставал или ближе к обеду. А в этот день он вообще вставать не хотел, после вчерашнего-то трудно вставать обычно. Но из-за бабушки пришлось ему встать все-таки. Приспичило ей блины печь, а муки нет... Ну и послала она деда за мукой в лавку. Сказала, что если дед муку ей принесет, то она его бражкой угостит. И жбанчик даже показала, который от деда прятала в нагруднике. Она там много чего прятала. Потому как самое надежное место там. Никто не мог там жбанчик найти, не только дедушка. Потому что формы такие у бабушки были. Она ведь первой красавицей в молодости была-то.

Ну, дед сразу встал и пошел. Еще и не проснулся почти, а пошел. Но не к лавке, а за оградой почему-то дед твой вышел. Наверно, глаза не открылись еще у него. После вчерашнего глаза долго не открываются. И только за оградой глаза открылись. И видит дед – опана! – враги кругом. И смотрят так недобро на дедушку твоего. А дед возьми и скажи: «Ну что, урки? Не можете даже на троих сообразить?» Ну, тут и началось.

И была великая битва! И длилась она три дня и три ночи! Дед твой сражался, как настоящий герой, и валил врагов десятками, но много их было, больше чем... а, я говорил уже.

Что?.. Ну да, трое их было, как я и говорил. Но падали они десятками. Такие уж враги попались.

И отрубили твоему деду правую руку, но взял он молот в левую и продолжал сражаться. А когда отрубили ему и левую, то взял он молот в правую ногу и продолжал драться. Тогда враги увидели, что не могут его победить, и отрубили ему голову. Но просчитались враги. Не сдался твой дед, начал он бить врагов ушами. И так страшно он бил врагов, что те дрогнули. И их ряды тоже дрогнули. Они по трое в ряду стояли, так все и дрогнули, ряд за рядом. Все три врага.

Ан нет, их к тому времени только двое осталось. Одного мама домой увела. Пришла, сказала, что пора обедать, и увела. Строгая она у него была, мама его. Мама врага, я имею в виду, а не мама дедушки. Дедушкина мама не стала бы врага кормить. Она и дедушку-то редко кормила.

Ну, дедушка попрощался с врагом сердечно, все-таки три дня и три ночи вместе, привыкли друг к другу и все такое. И один враг ушел. Но битва продолжалась. Дедушка все бил и бил врагов ушами, бил и бил. Не разбил. Бабушка била, била. Не разбила. Мышка бежала... ой, это, кажется, другая история. В общем, слушай дальше.

И увидели враги, что не могут они победить его. И испугались они страхом страшным. И убежали в ужасе ужасном.

А дед не вернулся в город. Стыдно ему стало, что так жестоко он с врагами дрался. И укатился он в горы, и стал там один жить.

А то, что говорят, что по сусекам его наскребли и в печи испекли, то это неправда. Не слушай ты этого. Ох, у тебя ушей-то нет. Эх, не в деда ты...

Маргарита Репаловская ВЛЮБЛЕННЫЙ ДЖОКЕР

У него было немного женщин, не потому что он им не нравился, а потому что он не хотел тратить свое время на неудачниц и шлюх. Джокер предпочитал занятия творчеством и карьерой скучным и депрессивным отношениям не с той женщиной. Хотелось, чтобы его понимали, хотелось особенную женщину, ту, которая по-настоящему будет ему достойной парой. И вроде бы ты самая сильная карта в колоде: успешный, яркий, лидер, а без любви, когда некому тебя оценить по достоинству, когда просыпаешься один и засыпаешь в тяжелых раздумьях, с годами жизнь начинает терять былые оттенки и краски. Джокер понимал, что Ее Величество Любовь даже в его особенной жизни способна изменить всё.

Наверное, тузам, валетам и королям хватало и шестерок с девятками. Они и так добиваются, чего могут, кто-то богаче, кто-то беднее. Кто-то ходит с восьмерки, кто-то с туза, все банально и обычно. Джокер же уже с рождения знал, кто он такой. У него никогда не было потолка, пределов, дальше которых он не поднимется, он очень старался быть лучшим, в его крови не было предрасположенности к тому, чтобы сдаваться. Он побеждал всегда и совершенно не жалел средств для достижения своих целей. Не сказать, что победы давались ему легко, он всегда много размышлял, анализировал варианты всех в мире раскладов, всегда все контролировал и шел только на победу. Да, он привык всего добиваться сам.

Козырная дама понравилась ему сразу, она знала себе цену, говорила, когда нужно было говорить, и молчала, когда нужно было молчать. Найти кого-то подобного себе, кого-то, с кем сердце будет стучать в ушах, а улыбка растекаться по всегда холодному и серьезному лицу, было неожиданно. Дама, в отличие от всех, кого он встречал до сих пор, была при всей своей утонченности и легкости очень умна и нестандартна. Он не верил, что женщина может быть настолько умна. Женщины, которых он встречал, были либо как газета, которую прочитал на остановке и выбросил, либо как журнал – пролистал, положил на полку и забыл. Эта же женщина напоминала большую увесистую книгу, читать которую нужно долго.

Он ревновал, конечно, на такую даму карты засматривались, причем все и регулярно. Она любила строить ему глазки и задорно смеяться. Что у нее в голове, он не знал, боялся даже предположить, наблюдал.

Она была красива и скромна на публике, и только наедине они могли обсудить откровенно планы будущих спектаклей. Он гордился

ее достижениями, ему так хотелось, чтобы его женщина что-то собой представляла, поддерживала его новые идеи, любила. Он хотел ее всю, без остатка, ему нравилось в ней абсолютно все. Да, Джокер влюбился. Впервые в жизни он был по-настоящему заинтригован.

На своих высоких, тоненьких шпильках ходила дама только с козырей. Тузы и валеты спорили между собой о том, каким будет ее следующий ход. Каждый втайне надеялся, что она выберет его, но она очень хорошо владела правилами игры в покер. Предугадать ее следующий шаг не мог никто, даже Джокер. Хищная женщина, стерва, дурочка, с проворностью кошки она легко играла любую из этих ролей, так, что каждый верил, что она именно такая. Часто карты даже не подозревали, что новый наряд дамы является лишь очередной ее ролью. Она входила в любую игру без предупреждения, перед ней открывались все без исключения двери, и у нее всегда был еще один запасной козырь в рукаве.

Ее боялись даже ненавидеть, как короли, так и дамы, никто не хотел заполучить в ее лице врага. Говорили, что все, кто пытался встать на ее пути, внезапно исчезали, с ними что-то приключалось. Таинственный след тянулся за ней недобрым шлейфом, отпугивая шутов и валетов. И только Джокеру было непроходимо жаль даму. Он хотел защитить ее. Она молчала, плакала беззвучно у него на груди, он все понимал.

– Прощение или месть, что выберешь? – Смотрел на нее внимательно и серьезно.

– Мечь.

Он понимал, о чем она говорит, его самого никто и никогда не жалел, если били, то наотмашь, если ломали, то так, чтобы никогда не встал. С самого детства удары судьбы убивали в нем слабость, с детства он знал, что бесплатного сыра не бывает, расслабляться нельзя, работал над собой всегда. Зависть, подлость, фальшь, его ненавидели и боялись, за то, что сильный, за то, что может превозмочь свои слабости и все равно добивается успеха. Поднять самого себя, протянуть руку слабым.

В отличие от крикливых шестерок, которые всегда норовили утянуть за собой на дно как можно больше других карт, извечно нервных королей, старающихся всем доказать свою правоту, Джокер любил жизнь.

Так много общего было между ним и любимой дамой. Джокеру никто не даст поблажек, и если будет возможность или хоть какой-то способ сбить его с пути и отнять у него победу, кто угодно с удовольствием воспользуется подобной возможностью, жалеть его не станут.

У дамы была одновременно манящая и отталкивающая красота. Про нее говорили всё, короли и валеты насмерть влюблялись,

регулярно придумывая новые способы завладеть ею всецело. Она, всем искренно сочувствуя, задавала неизменно только один вопрос: «Следующий ход?» И когда у нового ее оппонента по игре, даже самого эффектного туза, заканчивался последний довод, она выкладывала на стол самую выигрышную комбинацию карт, вставала из-за стола и уходила.

Теперь ее обнимал Джокер. Валеты смирились первыми, осознавая, что спорить с ним бесполезно. Короли немного пошумели по углам и решили принять даму как должное, и только тузы никак не могли смириться. Четыре туза и всего два джокера – как же заделало эго тузов то, что они при всем своем богатстве никак не могут вырваться из рутины повседневности, из липкой череды случайных событий. И вроде бы всё контролируют, а не принадлежат себе, исход любого расклада решает только Джокер. И сколько бы они ни бились с десятками, сколько бы ни ломали головы, чего бы ни достигли, он все равно придет и полностью изменит ход любой, даже самой сложной игры.

Впервые козырная дама встретила мужчину, который был сильнее нее и сам протягивал ей руку помощи.

Ее боялись мужчины и женщины, обид она не спускала никому, всегда продумывая план мести. Она не боялась никого на свете, свободно и на равных общалась как с тузами, так и с шестерками, с одинаковым уважением глядя как на одних, так и на других.

Она, конечно, могла легко прожить и без Джокера, так же как он легко обошелся бы без нее, но магнетизм пары, какая-то неведомая сила тянула их друг другу с нарастающей мощью. Они все больше разговаривали, познавая друг друга, между ними прорывались такие искренность и любопытство, приятно удивлявшие каждого из них, что они сами не заметили, как начали превращаться в одно целое.

Джокер протягивал руку в легком поклоне своей даме, она, смущенно улыбаясь, прижимала его к себе. Шепот, нежность, страсть. От них веяло таким жаром, что вся колода начала согреваться, наблюдая за их танцем.

– Сыграешь в моей команде? – спросил он с надеждой.

Дама, привыкшая надеяться только на себя, просчитывать любые за и против, задумалась.

Надев новый наряд, он провел кончиком мизинца по ее лбу.

– Мы сможем всё! – уткнулся он в пышную гриву ее кудряшек.

Платье дамы медленно сползало с ее горячих белых плеч.

Алекс Левин-Арлев ВОЕННАЯ КАФЕДРА

В Советском Союзе между населением и руководящей партией существовало негласное соглашение относительно секса. «Хотите иметь свободный секс? Мы не возражаем, – говорила партия. – Спите с кем угодно и когда угодно, если, конечно, найдете уголок жилплощади, где вам не помешают соседи. Но только без этих анти-моральных западных штучек типа стриптиза и порно. Если попадетесь, пеняйте на себя».

Моя военная специальность – метеоролог. В основном метеорологи находились в авиационных полках, где обслуживали тренировочные полеты. Военная кафедра в нашем институте состояла из старшины и нескольких офицеров, заведовал кафедрой генерал в отставке. Генералу было около восьмидесяти, он обладал добрейшим характером (такое случается со старыми генералами) и в его редкие преподавательские часы рассказывал нам истории из своей жизни.

Атмосфера у нас была спокойная и доброжелательная – преподаватели не требовали от студентов жесткой военной дисциплины и бессонных ночей за учебниками. Они старались дать нам практические знания, а теорию нам преподавали профессора с других кафедр. Старшина занимался общефизической и строевой подготовкой. До окончания института оставалось каких-то два месяца.

Девочки от занятий освобождались, так что коллектив был сугубо мужской.

Однажды кто-то принес на занятие выпуск «Playboy» – издание, запрещенное партией. Журнал можно было просматривать только большим партийным начальникам, чтобы они могли потом критиковать и ругать западный образ жизни. Народ же хотел во всем убедиться своими глазами, и чем больше возмущались начальники, тем сильнее он хотел видеть этот журнал. Его провозили на территорию советского государства торговые моряки, скрывая от таможни, и он попадал в руки народа.

Таким образом один из экземпляров западного дива проник к нам в группу.

«Playboy» передавали друг другу под столами. Выпуск с шикарными блондинками заинтересовал аудиторию несколько больше, чем то, что говорил старшина о воинских уставах. Старшина заметил отсутствие интереса и даже краем глаза ухватил суть события, то есть обложку журнала. Он стал передвигаться в проходах между

столами, в надежде прихватить глазом еще картинку, но аудитория быстро поняла его маневр и затаилась. Наконец старшина сдался:

– Ну дайте посмотреть. Я что, не мужик, по-вашему?

По-нашему, старшина был мужик, и блондинки из-под стола переехали на поверхность, сплотив таким образом наш полувоенный коллектив.

Старшина остановился перед столом, на котором лежал журнал, взглянул на обложку, сделал вид, что ему не так уж интересно. Потом взял в руки, начал листать. Аудитория внимательно следила за его реакцией. Он это понял, хмыкнул, отошел к доске. Взглянул на доску, потом на нас и сказал:

– Наши бабы лучше.

Следующее занятие вел капитан. Первую половину занятия он держался, потом, обшарив взглядом столы, не выдержал:

– Мужики, где журнал? Мне старшина сказал.

Кто-то выложил блондинок перед капитаном. Капитан прилип к изданию, отойти не может.

– Старшина прав: наши бабы лучше, – наконец выдохнул он.

Тут, как бы подтверждая его слова, в класс зашла наша староста красавица Лена.

– Вот видите, я же сказал, – указал на нее глазами капитан.

А Лена строгая у нас:

– Меня из деканата послали. Где журнал?

Капитан поблбеднел. За чтение таких журналов в то время можно было легко работы лишиться. Но самое неприятное – можно было лишиться членства в партии.

Капитан сел прямо на стол и прикрыл задницей блондинок. Мы-то понимали, что Лена имела в виду научный журнал, который мы обсуждали с деканом, а сказать не могли – вдруг она что-нибудь заподозрит? Лена недавно подала заявление в партию и неукоснительно соблюдала партийные принципы.

– Мне в деканате сказали, что журнал у вас, – сказала Лена строго.

– Я генералу отдал. – Капитан был сконфужен и еще плотнее прижал свою задницу к блондинкам.

– Для генерала в журнале ничего интересного нет, – сказала Лена, одновременно обидев генерала и блондинок. – Журнал должен быть у декана.

– А декану журнал зачем? – подозрительно спросил капитан.

В этот момент вошел генерал. Все как один встали по стойке смирно. Капитан встал тоже. На поверхности стола обнаружились американские блондинки. Лена сразу их заметила. Она с интересом поглядела журнал и с удовлетворением заявила:

– Наши лучше!

Журнал перешел в руки генерала. Генерал с большим интересом ознакомился с содержанием и сообщил:

– Да, наши женщины лучше. – И сразу перешел к мемуарам: – Вот у меня была одна...

Лена отнесла американских блондинок декану, декан – ректору. «Playboy» попал в райком партии, оттуда в политотдел.

Из партии никого не выгнали, потому что мнение преподавателей кафедры не расходилось с мнением партийного руководства: наши женщины лучше!

Старшину же вызвали, и там по дружбе объяснили, что баб у нас нет, только одни женщины остались.

– Все понятно? – спросили у старшины. – Вопросы есть?

– Один вопрос есть, – сказал старшина, немного конфузясь. – А куда бабы-то делись?

Підп. до друку __.__.2023. Формат 60x84/16
Папір офсетний. Друк офсетний. Ум. др. арк. 6,9.
Замовлення № 425.

Поліграфічно-видавничий центр ТОВ «Імекс-ЛТД»
Свідоцтво про реєстрацію серія ДК № 195 від 21.09.2000.
25006, м. Кропивницький, вул. В. Панченка, 29
тел./факс (0522) 32-17-05,
моб. тел.: (050) 321-90-79,
(068) 3700-470 – роздрібний продаж,
e-mail: design@imex.kr.ua